

№ 1

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Игорь РЕВВА. Мы – настоящие! <i>Рассказ</i>	16
Татьяна РУСТАМЛИ. Сказки, пришедшие из-за завесы	35
Темур МАМЕДЗАДЕ. Недоучка. <i>Рассказ</i>	92

ПОЭЗИЯ

Ханали КЕРИМЛИ. <i>Стихи</i>	11
Сиявуш МАМЕДЗАДЕ. <i>Стихи</i>	30
Алина ТАЛЫБОВА. <i>Стихи</i>	77

ПУБЛИЦИСТИКА

Гюльтекин СУЛТАНОВА. Джалил Мамедгулузаде и европейская культура	3
Рафик АСКЕРОВ. Вселяющий надежду	25
Владимир МИШИН, Шамиль СУЛЕЙМАНОВ. Главы из книги «История спецслужб Азербайджана (в очерках) 1954-1991гг.	62
Франгиз ХАНДЖАНБЕКОВА. Маркиш, сын Маркиша	84
Солмаз СУЛЕЙМАНОВА. I Международный симпозиум туркологов в Баку	129

2015

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Подписано в печать 19.12.2014 г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Ранее опубликованные произведения редакцией не рассматриваются

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

ГЮЛЬТЕКИН СУЛТАНОВА

ДЖАЛИЛ МАМЕДГУЛУЗАДЕ И ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Такие личности, как Мирза Джалил, приходят в мир с великой миссией, с тем, чтобы донести свет правды людям, заблудшим, покорно сносящим всяческие унижения и оскорбления. Они не живут лишь узконациональными вопросами, им близки и понятны проблемы всех народов. Интерес к лучшим творениям мировой классики у Мамедгулузаде проявился довольно рано и продолжался всю жизнь. Известный азербайджанский ученый А. Мирахмедов высказывает предположение, что «имена Геродота, Зардуста, Мольера, Шекспира, Гольбаха, Руссо, Гельвеция, Вольтера, Гобса, Канта, Островского, Писарева, Дарвина, Толстого, Шопенгауэра и др., упоминаемые в произведениях Мамедгулузаде в XX веке, ему были уже знакомы еще в XIX, можно сказать, в юности». Несомненно, одна из причин огромной популярности издаваемого им журнала «Молла Насреддин» как в Азербайджане, так и за его пределами – богатое идейно-образное содержание публикуемых здесь сатирических материалов, а также активное обращение его как к восточной, так и западной действительности. Как известно, Джалил Мамедгулузаде привлек к работе в журнале лучших представителей азербайджанской интеллигенции, обладавших энциклопедическими знаниями в области естественных наук и философии, истории и литературы, политики и религии. В трудах английских, французских, немецких, иранских, турецких и др. ученых отмечалось огромное воздействие журнала «Молла Насреддин» на общественно-политическую жизнь Ближнего и Среднего Востока.

Для того чтобы еще более воздействовать на читателей сатирическим словом, Дж. Мамедгулузаде нередко обращается к известным личностям, олицетворяющим в одних случаях цвет и гордость человечества, в других – к их антиподам. Так, эпиграфом к своей знаменитой повести «События в селении Данабаш» он взял следующее высказывание Сократа, как нельзя лучше передающее авторскую мысль: «Идущий из груди моей голос многому меня учит. Это голос чистой совести, которая имеется у каждого. Всякий, кто внимательно прислушивается к ее велениям и исполняет их, откроет много тайн и многому научится.» Совесть была неотъемлемым качеством Мирзы Джалила. Не будь этого неподкупного, беспощадного судьи, смог бы он создать свои бессмертные произведения, в которых так глубоко и обнаженно показаны боль и страдания бедняков, задыхающихся в тенетах фанатизма и невежества?

Его супруга, Гамида-ханым, писала: «Мирза Джалил серьезно изучал произведения древних и европейских ученых, писателей: Джона Стюарта Милля, Дарвина, Сократа, Маркса и др.» Прочитанное и усвоенное писатель-просветитель впоследствии успешно применял в педагогической практике, знакомя детей бедняков с достижениями мировой культуры.

Народ для азербайджанского демократа был самой большой святыней. Ему было близко высказывание древнегреческого философа-материалиста Демокрита, утверждавшего, что у каждого государства есть только один хозяин, и имя его – народ. Это мнение древнегреческого философа о народовластии азербайджанский демократ использовал в фельетоне «Народ», написанном в остросатирическом стиле. В этой публикации автор характеризует французскую революцию 1793 года как незабываемое историческое событие, когда знамя свободы взметнулось в освобожденных от ига деспотии странах и воспитало много наций на земле. Но, по собственному горькому признанию автора, и его народ легонько зашевелился, но, увы, с той лишь небольшой разницей, что, не желая никому подражать, мы построили для себя особенные фабрики свободы, причем такие, чтобы их продукция ничем не была похожа на европейское свободолобие, как, например, стекольная мастерская или же фабрика одежды. Вот так и продолжал жить погруженный в горестные заботы народ! О какой свободе оставалось думать? Дай

Бог заработать на хлеб насущный. Автор справедливо считает, что фундамент нашего здания свободы мы построили не на воле самого народа, что, избрав из своей среды личного султана, мы не получили у него разрешения говорить что-либо без его разрешения. «И это мы называем свободой, – горько замечает фельетонист. – А что же народ? Увы, он глядит на происходящее со стороны, потому что так он привык делать тысячелетиями».

Прогрессивные взгляды Дж. Мамедгулзаде особенно проявили себя в женском вопросе. На страницах «Моллы Насреддина» часто помещались обличительные материалы, показывающие беспросветную долю женщины-азербайджанки. На эту тему здесь нередко появлялись обличающие сатиры бесстрашного правдолюбца, борца за счастье народа – Мирзы Алекпера Сабера. Живя в стране, где участь женщины была столь тяжелой, Джалил Мамедгулузаде не мог не интересоваться их положением в других странах и отношением к этому вопросу представителей европейской культуры. Он тщательно проштудировал имеющиеся по этому вопросу труды сторонников и противников женской эмансипации. Его внимание привлекли работы Дж. Стюарта Милля, И. Канта, А. Стриндберга. Первый являлся известным английским философом, общественным деятелем и считался активным борцом за женские права. В 1882 году в Петербурге на русском языке вышла его книга «О подчинении женщин». Он считает, что они имеют полное право выбора между ролью матери и служебной карьерой. Его оппонент Кант, как и некоторые другие европейские философы, открыто объявлял женщин существами качественно несовершенными по сравнению с мужчинами (Г.А. Брандт). Философ считал, что если женщина в сфере чувств превосходит мужчину, то уступает ему в сфере ума. Он отмечал: «Я не думаю, что прекрасный пол способен постигать основоположения науки». Такого же мнения придерживались А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Стриндберг и др. Работа последнего «О женщинах» считается ярким образцом женоненавистничества. Здесь утверждается, что женщины обладают умственной близорукостью... им чуждо призвание к музыке, поэзии и вообще к искусству, что даже наиболее блестящие представительницы женского пола никогда не создавали чего-либо действительно великого и самобытного в художественной области. Конечно, азербайджанский мыслитель не мог не уловить в подобном утверждении сходства в отношении к женщинам и местных ретроградов. Мирза Джалил, благодаря своему другу Эйнели Султану, познакомился с указанной выше книгой Джона Стюарта Милля, переведенной с английского на русский язык. Английский ученый вступил в полемику о свободе женщины и утверждал, что все преграды, чинимые до сих пор свободе женщин, должны быть устранены. Мнение английского философа полностью разделял и Дж. Мамедгулузаде, для которого судьба женщины на его родине была глубоко не безразлична. Повсеместно ее жизнь была тяжела и безотрадна. Само ее появление на свет считалось Божьей карой. Молла Насреддин со всей решительностью выступил на защиту униженных. Вместе со своими идейными собратьями-молланасреддиновцами он клеймил на страницах своего журнала всех, кто лишал женщин всяческих прав, отказывая им в простом человеческом счастье. Примечательно, что среди мыслителей, окруженных в детстве материнской любовью и заботой, счастливых в браке, как правило, было больше тех, кто в своих трудах выступал за равноправие мужчин и женщин. К ним по праву можно отнести и Дж. Стюарта, обожавшего свою супругу, миссис Тейлор, которая являлась его идейным вдохновителем и фактически соавтором нашумевшей во многих странах книги «О подчинении женщины». И наш соотечественник Дж. Мамедгулузаде счастливо прожил добрых четверть века, вплоть до своей кончины, со своей верной подругой, единомышленницей Гамидой-ханым, которая была передовой и высокообразованной личностью. Как и ее супруг, она всячески старалась улучшить жизнь бедняков, в том числе и женщин, своих бесправных соотечественниц. Муж и жена представляли единое целое, жили общими интересами, поддерживая друг друга во всем. В связи с этим вспоминается высказывание И. Канта: «В брачной жизни соединенная пара должна образовывать как бы единую моральную личность». Между тем, нам известны крайне враждебные проявления по отношению к женскому полу таких философов-женоненавистников, как А. Шопенгауэр и его последователь Ф. Ницше, которые в детстве и юности были, можно сказать, лишены материнской любви и благотворного женского внимания. Как-то знакомая дама сказала Ницше: «Я знаю, господин Ницше, почему вы нам не даете ваших книг. В одной из них вы писали: «Если ты идешь к женщине, то не забудь взять с собой кнут».

На женскую тему Дж. Мамедгулузаде написал замечательный фельетон «Философы». Наряду с мыслителями, которые объективно и с полным пониманием относились к решению женского вопроса о равноправии, он в своеобразной манере высмеивает местных горе-философов, которые в недопустимой форме характеризуют женщин других наций. А каков стиль, с помощью которого автор уместно и щедро использует свой необыкновенный юмористический дар! С подкупающей простотой, с какой-то нарочитой наивностью автор сообщает о том, что в последнее время в некоторых местных газетах утверждается, что женщины Запада, все до одной, развратны и порочны, а значит, что все они блудницы. В этом произведении в одном образе будто соединились два персонажа – местный обыватель и сам автор, уверенно стоящий на позиции истины. Первый простодушно изумляется и по-детски радуется тому, что наконец-то, благодаря мудрым философам, у него открылись глаза на правду. Теперь-то он наконец узнал, что представляют собой все без исключения женщины Запада и Америки. Однако автору есть что на это возразить. А как же тогда французская девушка Жанна д'Арк, которая с мечом в руке выступила против врагов и защитила свою родину? И все же его недалекого оппонента еще мучают сомнения. Все смешалось в его заскорюзлом уме. Вспомнив еще что-то, эта жертва несусветной клеветы с изумлением говорит, что до сих пор он и не знал, что и русские женщины, жены декабристов, все до одной порочные. Автор продолжает доказывать, что есть и такие, как Волконская, Трубецкая и другие, которые в самую трудную минуту остались верными по отношению к своим мужьям. В фельетоне отмечается, что этих отважных женщин из знатных и богатых родов не испугали никакие испытания. Исследователи творчества Дж. Мамедгулузаде считают, что на него, несомненно, оказала влияние поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины». Благородство и самоотверженность русских женщин не могли не произвести впечатления на Джалила Мамедгулузаде. Известно, что в годы учебы в Горийской семинарии он, благодаря хорошему знанию русского языка, ознакомился с произведениями многих русских классиков.

Но вернемся к фельетону. Итак, перед нами замшелый обыватель, слепо верящий всему, что ему втолковывают ограниченные реакционеры. Как же трудно пробить годами складывающуюся толщу невежества! В качестве дополнительного юмористического средства автор использует своеобразный психологический прием, тонко характеризующий одурманенную жертву. После каждой весьма сомнительной информации о тех или иных представительницах Запада узколобый толкователь удрученно произносит горестно-дурашливое: «Как жаль, как жаль! Оказывается, и они блудницы». Этот своеобразный рефрен ощутимо придает всему повествованию трагикомическую окраску. Всеми доступными стилистическими средствами автор упорно и терпеливо утверждает истину. Загнав оппонента в угол, он с нескрываемой иронией говорит, что, хотя все западные женщины, по мнению местных философов, бесстыжие развратницы, все же можно надеяться, что среди них найдутся хотя бы тысячи женщин, которые, занимаясь исследованиями в области науки, искусства и просвещения, трудятся во славу народа и родины. И если мы начнем перечислять их имена, то придется издать большую книгу. Мирза Джалил категорически заявлял, что нельзя утверждать, что женщины одной нации лишены всяческого доверия и все они бесстыжие, а другой – преданные и целомудренные. Ведь после появления на свет человек приобщается к воспитанию. Автор совершенно справедливо полагает, что в каждой семье кто какое воспитание получает, тем и становится. Противопоставляя западноевропейских мыслителей местным доморощенным философам, Дж. Мамедгулузаде подчеркивает, что в трудах таких ученых, как И. Кант, Дж. Стюарт Милль, переведенных на все европейские языки, много сказано о правах женщин. Их имена хорошо известны на Западе и в Америке, тогда как наших писак не знают даже в их округе. К тому же западные ученые, исследуя этот вопрос, говорят о женщинах и их положении, не касаясь их принадлежности к той или иной нации. Местные же пустозвоны, далекие от истины, в своих писаниях от начала до конца охаивают европейских женщин, неуважительно и бестактно отзываясь о них. Придавая большое значение действенному слову, азербайджанский сатирик утверждал, что великая задача литературы – служить народу, указывать ему верный путь, а не дезинформировать его.

Известному американскому писателю Джозефу Норту Мирза Джалил напоминал Марка Твена, который так же, как и последний, сорвал с общества завесы подлости, низости и лицемерия. Король юмора Марк Твен не без основания отмечал: «Все человеческое грустно. Со-

кровенный источник юмора не радость, а горе». Это ясно ощущается и в произведениях Дж. Мамедгулузаде, в которых многоликое горе в нарочито юмористическом свете выставлялось на показ во всех своих характерных проявлениях. Мастерски владея художественным словом, тончайшим, действенным юмором, сатирик смело вскрывал уродливые общественные явления. Создавая истинные шедевры, сопоставляя великое и ничтожное, далекое и близкое, вероятное и фантастическое, он легко и виртуозно добивался своей идейно-художественной цели.

Известно его крайне негативное отношение к тем духовным отцам, которые больше думали о своем кармане, нежели о голодающих. Казалось бы, что общего между Ватиканом, Римом и Испанией, с одной стороны, и Азербайджаном, с другой? В фельетоне Дж. Мамедгулузаде «Таджул-хадж» тонко и остроумно проводится параллель между испанской инквизицией и азербайджанской реальностью прошлого столетия. Сначала автор повествует о всесии папского господства в былые времена и ослаблении его в XX веке. Он поражается тем колоссальным изменениям, которые произошли в Испании в указанном столетии. «Было время, – пишет он, – когда от голоса римского папы сотрясались горы Франции и Испании. Цари платили ему дань, а простые христиане, лишая своих детей самого необходимого, везли ему со всех сторон дары. А сейчас все изменилось». Сатирик отмечает, что героизм не в том, чтобы создать беспроволочный телеграф, и не в том, чтобы подняться в воздух. Истинный героизм состоял в том, чтобы ослабить влияние римского папы, снять ярмо гнета с шеи несчастных и вспоминать с тысячами проклятий страшные дни инквизиции. Автор просит читателя найти и прочесть книгу «Рим» известного французского писателя Эмиля Золя. Именно этот бесстрашный художник слова нанес несокрушимый удар по папству. Известно, что роман Золя, сыгравший значительную роль в общественной жизни Франции, пользовался огромным успехом у широких кругов французских читателей. Высоко оценивая произведения Золя, их научный характер, автор публикации замечает, что с их распространением французы будто прозрели. Но в то же время он сокрушается, что этого, к сожалению, нельзя сказать о соседней Испании, которая находится в темноте, так как печать там в упадке. «Однако не стоит отчаиваться, – утешает автор, – помощь близка». Она пришла оттуда, откуда ее вовсе не ждали. Удивительным образом, по воле автора, в Испании оказывается некая книга с волшебными магическими свойствами, написанная его земляком, никчемным сочинителем Мир Мохсуном. Опубликованная большим тиражом в местной типографии, она может чудодейственным образом помочь всем желающим в самых безвыходных обстоятельствах. Лукавый сатирик характеризует ее как одну из благодатей двадцатого века. И вот читатель уносится в далекую Испанию, где шествует демонстрация, состоящая из юношей и девушек, и мы будто воочию видим их окрыленные и воодушевленные лица. У каждого в руках по книжке Мир Мохсуна. Напевая национальный гимн, все они восклицают: «Да здравствует автор этой книги, личность самая видная, самая достойная в ученном мире!» Что же собой представляет этот труд, якобы прославляемый всей Испанией? Автор характеризует его как образец самого примитивного колдовства, который содержит всевозможные заговоры от любых несчастий, напастей, словом, является своего рода панaceей от всех бед. Нетрудно понять авторскую мысль. В то время как Золя подвергался у себя на родине злобным преследованиям, Мир Мохсун, не испытывая каких-либо трудностей, публиковал свои нелепые сочинения. По мнению автора, если читатель полюбостыствует, что может быть страшнее испанской инквизиции, столетиями державшей многие народы в страхе, то ответ всплывет сам собой – ужасающая косность местных ретроградов, которые своими бессмысленными поучениями растлевают сознание покорной паствы, превращая ее в бессловесное стадо. Почему же столь самоуверенны эти люди, позволяющие себе безапелляционно судить о том, в чем они не разбираются, ничего не сделав для улучшения жизни своего народа? Несомненно, причина этого – в невежестве, которое, как говорится, всесторонне.

Имея сердце, открытое всему прекрасному, возвышающему человеческую душу, Дж. Мамедгулузаде питал огромное пристрастие к поэзии, музыке, изобразительному искусству, ко всему тому, что облагораживает и обогащает человеческую душу. Народный писатель Азербайджана Мирза Ибрагимов в своей монографии «Великий демократ», посвященной Дж. Мамедгулузаде, писал: «Враг застоя, ограниченности, отсталости в любой области жизни и человеческих знаний, Дж. Мамедгулузаде требовал от искусства, чтобы оно было зеркалом пе-

редовых идей и, обращаясь к людям, зараженным национальным чванством, призывал окинуть взглядом историю человечества, посмотреть, каких высот достигли другие народы».

В одном из фельетонов Моллы Насреддина нам запоминаются следующие строки: «...если обратимся к истории... мы узнаем, что в Германии музыкальная культура была поднята на небывалую высоту Бетховенами, Моцартами, Гайднами, Шуманами, Мендельсонами и другими; узнаем, что в России такие композиторы, как Глинка, столь мастерски преобразили национальные мелодии русских мужиков, что на всем земном шаре, едва заходит разговор о музыке, ему воздают хвалу». Глубоко уважая достижения музыкальной культуры других народов, сатирик призывал ценить, беречь и свою, национальную.

Сам он очень любил музыку, особенно народную, и так виртуозно и вдохновенно играл на кяманче, что у растроганных слушателей на глазах выступали слезы. Джалил Мамедгулузаде тонко разбирался и в изобразительном искусстве. Когда им был задуман журнал «Молла Насреддин», он, не колеблясь, пригласил для работы в нем выдающегося немецкого художника Оскара Шмерлинга, получившего образование в петербургской и мюнхенской академиях. Начав свою деятельность в Тифлисе в качестве директора Художественной академии, далее он работал в Азербайджане, сначала в Гарабахе – Ханкенди, Шуше, где подготавливал декорации для театральных постановок. Пригласив О. Шмерлинга, Дж. Мамедгулузаде, как известно, в первую очередь попросил его изобразить погрузившихся в сладкий сон невежества народы горемычного Востока. По воспоминаниям Гамиды-ханым, Джалил очень тепло, с большой симпатией относился к этому талантливому и трудолюбивому мастеру карикатурного жанра. Известно, что его замечательные успехи в области сатирической графики связаны с журналом «Молла Насреддин». В качестве главного художника он плодотворно проработал здесь более десяти лет. Здесь, в этой сатирической кузнице, он своими неповторимыми карикатурами способствовал чрезвычайно емкому и зримому изображению социальных пороков. По мнению самого Дж. Мамедгулузаде, особенно ценным является то, что в своих высокохудожественных работах О. Шмерлинг первым воплотил восточную мудрость. Его неповторимые карикатуры, разоблачающие социальное зло во всех его живо ощущаемых проявлениях, настолько наглядны и действенны, что их понимали все, в том числе и даже неграмотные. Известно, что в связи с увеличившимся объемом работы в журнале Шмерлинг пригласил сюда своего коллегу, талантливого немецкого художника Иозефа Роттера, также являвшегося выпускником мюнхенской Академии. Роттер очень активно трудился в «Молле Насреддине» в 1906 – 1914 годы. В этом боевом органе печати ему принадлежит более 1000 сатирических рисунков. Исследователи отмечают, что в отличие от Шмерлинга, работы Роттера для «Моллы Насреддина» носили характер не карикатур, а иллюстраций. С 1906 года в журнале с сатирическими рисунками и политическими карикатурами успешно выступает талантливый художник Азим Азимзаде, занимавший здесь в 1922-1931 годах должность главного редактора. Ему принадлежит более 1200 карикатур.

С особым уважением Дж. Мамедгулузаде относился к замечательным художникам слова, идейные воззрения которых были ему очень близки. Кого может оставить равнодушным его фельетон «Гоголь», в котором русский сатирик разоблачал носителей порока в российской действительности. Молла Насреддин справедливо полагал, что пороки носят общечеловеческий характер и с ними можно столкнуться в любой части земного шара. «Эй, братья-мусульмане, – пишет он, – сто лет назад на Руси родилась личность и написала о русских чиновниках такую комедию, что и сейчас, когда человек читает ее, думает, что в Нахчыван, Шушу и во все кавказские села и маленькие города от имени правительства прибыл «ревизор».

Пожалуй, больше всего Дж. Мамедгулузаде и его единомышленники обращались к творчеству И. А. Крылова. Известно, что писатель-патриот всегда выступал за чистоту родного языка, против неуместного использования в нем иноязычных слов. Тюркский (азербайджанский) перевод басни Крылова «Прохожие и собаки», в свойственном ему сатирическом стиле, блестяще был использован в фельетоне Дж. Мамедгулузаде «Абирин и гилаб». Автор заинтересовался столь необычным названием. Но сколько он ни листал сборник с баснями Крылова, произведения русского писателя с таким названием так и не нашел. Долго он думал над тем, что могли бы означать эти слова. Наконец, кто-то из знающих арабский язык объяснил ему, что *абирин* означает *прохожие*, а *гилаб* – *собаки*. Автор очень огорчился, что не знает арабского. Но если

бы знал, с хитринкой замечает он, то в жизни ничего не писал бы на тюркском, а только исключительно на арабском. Далее автор, ратующий за чистоту родного языка, излагает свою главную мысль. «Я полагаю, – пишет он, – русским читателям известно, что Крылов потому и писал на простом русском языке, чтобы народ его хорошо понял. Но если бы он знал, что при переводе на тюркский прохожих назовут «абирин», а собак «гилаб», то, наверное, написал бы свои басни на французском или немецком языке».

Достойное место в журнале и в самом художественном наследии Дж.Мамедгулузаде занимает творчество Л. Н. Толстого. В публикации, посвященной гению русской литературы, Дж.Мамедгулузаде писал: «Это имя, ставшее символом человечности, с большим уважением произносится повсюду. Миллионы людей, которые трудятся каждый день ради куска хлеба, находят в нем для себя утешение...». Личность Толстого, как и некоторых других незаурядных представителей мировой культуры, заставляет автора статьи задуматься над судьбой великих людей на Западе и Востоке. Он предлагает своим читателям поразмыслить над тем, почему на Западе подобные личности имеют вес и популярность. В то время как европейцы отдают должное своим гениям, способствуют естественному развитию их таланта на пользу человечества, на Востоке им создают всяческие препятствия. Размышляя об этом гиганте художественной мысли, азербайджанский писатель рассматривает условия, в которых формировался и развивался его творческий гений. С болью в сердце он пишет о кончине этого гения, весть о которой с содроганием встретили во всем мире – от Америки до Азии и Африки.

Среди рассказов и статей, опубликованных в журнале «Молла Насреддин», внимание привлекает произведение Л. Н. Толстого «Труд, смерть и болезнь», в котором русский писатель использовал легенду американских индейцев. Чем же оно привлекло азербайджанского писателя, интерпретировавшего его на родной язык? Несомненно, всегда интересующей нас проблемой: Бог и люди, их взаимоотношения. Здесь рассматриваются извечные вопросы: почему Всевышний, создав людей, допускает, чтобы они страдали от множества несчастий, произвола сильных, обрекающих слабых на тяжкие страдания. А ведь изначально для Божьих созданий были созданы все условия, чтобы они жили долго и счастливо. Казалось бы, Бог сделал для этого все. Однако люди не довольствовались безмятежной жизнью. Они не оценили Божьи дары и вместо того чтобы наслаждаться ими, стали враждовать, устраивать склоки. Тогда Всевышний подумал: если люди узнают о часе своей смерти, будут ценить каждую минуту своей жизни. Однако увидев, что их и это не останавливает, Создатель решил наслать на людей болезни. Он предположил, что, если люди будут тяжело страдать от них, это растопит ледяные сердца здоровых, они станут добрее и помогут излечиться больным. Увы, и этого не произошло. И тогда Бог решил предоставить их самим себе. Как близоруки, душевно больны те, для которых страсть к наживе заменила самые ценные человеческие качества – доброту и чуткость к себе подобным. В духе этой содержательной легенды, привлечшей внимание Толстого, звучит одна из лучших сатир молланасреддиновца М.А.Сабира «На что тебе, Аллах?». Поэт с душевной болью повествует о никчемных по своей сути людях, бессердечных и равнодушных к страданиям народа:

*Из камня высеченный род на что тебе, Аллах?
Сердца холодные, как лед, на что тебе, Аллах?
Чем зло сильней, тем с каждым днем смиренней человек,
Народ, сносящий тяжкий гнет, на что тебе, Аллах?*

Л.Н.Толстой неустанно утверждал, что труд не должен быть пугалом для одних, принуждением для других, а должен быть общим радостным делом, соединяющим всех людей, «что ввиду ежечасно угрожающей каждому смерти, единственно разумное дело всякого человека в том, чтобы в согласии и любви радостно провести каждому года, месяцы, часы или минуты». Так жил и сам Джалил Мамедгулузаде, для которого труд был источником душевного здоровья, главным содержанием человеческой жизни. Неудивительно, что эти идеи полно и выразительно прозвучали и в его переводе указанного произведения Толстого.

Известно, какое место занимал в жизни азербайджанского сатирика театр, с каким трепетным чувством он относился к огромной воспитательной роли этого жанра. С именами мно-

гих великих драматургов мира можно встретиться и в произведениях Мирзы Джалила. Своеобразно и остроумно он использовал их и в запоминающемся фельетоне «Театральная конференция». Перед нами персонаж – один из тех ограниченных театралов, почитателей дешевых зрелищ, у которого в прошлые времена даже творения известных классиков-драматургов не вызывали особого восторга. Но то ли дело сейчас. Он убежден, что человек должен прожить свою короткую жизнь в развлечениях. Но, как он слышал, Шекспир и Шиллеры, Гоголи и Ахундовы над этим обстоятельством не задумывались. Далее он говорит: «Веским доказательством, подтверждающим мою мысль, может служить то, что и «Гамлет», и «Разбойники», и «Ревизор», и «Гаджи-Гара» или, скажем, Мастали-шах и «Алхимик» не производили такого впечатления, не доставляли такого удовольствия, как пьесы и представления нашего века». Но порой даже этот отсталый старик, примкнувший к легкомысленной молодежи, испытывая неопиcуемый восторг от увиденного на сцене, где кружились в непристойном танце соблазнительные красотки, испытывал нечто похожее на моральные угрызения. Этот скудоумный зритель в какие-то очень редкие минуты осознавал, что перед ними предстают «всякие неподобающие вещи». «Но ведь, – думает он, – считается, что эти ужимки и телодвижения отвечают требованиям высокого искусства. А разные там Мирза Фатали Ахундовы, Мольеры, Шекспир, Островские упустили этот ценный пункт». Далее этот рассудительный персонаж оправдывает качество современных легкомысленных зрелищ, аргументируя это тем, что сочинители пьес вынуждены к месту или не к месту заполнять свои творения всякого рода завлекающими балетными номерами и танцевальными трюками. А то как же иначе затащишь в театр молодежь и стариков вроде него?

Поэт Сергей Михалков в статье о Джалиле Мамедгулузаде дал высокую оценку его творчеству, особенно отмечая поэтический лаконизм и точность произведений азербайджанского сатирика, называет в числе прочих и его бессмертное детище «Моллу Насреддина», которого считает зеркалом тогдашней эпохи, а его «Мертвецов» – отличной комедией. По мнению С. Михалкова, образ главного героя, Искендера, создан с подлинным драматическим талантом.

Весь свой яркий сатирический дар этот неустанный поборник социального равенства использовал для полного и глубокого освещения современной жизни. Для достижения своей художественной цели он искусно применял разнообразие приемы. Одним из них являлся прием, с которым мы уже встречались выше, прием сопоставления несопоставимых явлений. Талантливый сатирик с его глубоким знанием мировой культуры нередко обращался для воплощения своего идейного замысла к образам, мыслям и поступкам известных исторических личностей ряда европейских народов. Довольно часто Мирза Джалил использует прием их образного сопоставления с местными реалиями. И чем более они представляются несопоставимыми, тем большего комического эффекта достигает автор. Западную действительность представляют цари, короли, императоры (Петр I, Людовик XIX, Наполеон Бонапарт), государственные деятели и министры (О.Бисмарк, В.Плеве), известные философы, мыслители и историки (Сократ, Геродот, Демокрит, Декарт, Ж.Руссо, А.Шопенгауэр), поэты и писатели (Петрарка, Шекспир, Шиллер, Э.Золя, Державин, Толстой, Гоголь, Крылов), ученые (Дарвин, Эдисон, Лейбниц). Азербайджанский сатирик противопоставляет их всякого рода местным ретроградам, духовным убожествам, идейно разлагающим народ. Назовем такие его блистательные фельетоны, как «Английская культура», «Новые партии», «Латинский алфавит и англичане», «Кривое ребро», «Голова», «Забывшие науки». В последнем произведении перед читателем предстает пронизанный скрытым и явным юмором своеобразный калейдоскоп, состоящий, с одной стороны, из ярких мировых имен и местных претенциозных убожеств, с другой.

В фельетоне «Новые партии» Дж. Мамедгулузаде со свойственным ему саркастическим юмором повествует о создании в городе Хой (Южный Азербайджан), якобы по американскому способу, четырех партий. Эти партии, по словам лукавого Моллы Насреддина, утвердила даже Парижская конференция. Особенно интересна характеристика партии жандармов. Автор замечает, что это та самая партия, которая по-спартански вступала в сражения. Знакомая с древнегреческой культурой, М.Джалил не мог пройти мимо доблестного древнегреческого государства Спарты, героически противостоящей могущественным соседям, перед которой вынужден был отступить даже воинственный Филипп Одноглазый, отец Александра Македонского. Секрет немислимого мужества спартанцев заключался в их суровом обучении, начиная с семи

лет, военному искусству. Среди прочих жестоких испытаний их подвергали закалке. И зимой, и летом они ходили босиком, жили впроголодь. И вот с этими-то самоотверженными героями, с их беспримерным героизмом юморист сравнивает «боевые подвиги» неорганизованной и бездеятельной, занятой корыстными интересами жандармской партии. Далее автор упоминает имя легендарного Гарибальди. Сатирик замечает, что и в прошлом было замечено, что, когда он сражался с ненавистной царской властью, его воины голодали три дня и по этой причине пришли в такое неистовство, что в течение двух дней сбросили войско противника в воды Венеции. Намек понятен. Но до героизма ли сытым и безмятежным жандармам? Художественный эффект налицо. Уместное использование всемирно известных имен и образов западных деятелей, сопоставляемых с наделенными воинствующей тупостью местными рутинерами, создает неожиданный эффект. Этот эффект разорвавшейся бомбы, начиненной едким юмором, неизменно получал в произведениях пламенного публициста неожиданное комическое звучание. Неудивительно, что его сатирические стрелы, будто заряженные дополнительной энергией инонационального происхождения, вызвали неожиданную юмористическую реакцию и попадали прямо в цель. Отметим, что наряду с такими фельетонами, в которых доминирует мягкий и очищающий от всякой скверны юмор, где его использование достаточно для исчерпывающего разоблачения носителя социальных пороков, в творчестве Мирзы Джалила есть и такие, в которых общественные противоречия носят более вопиющий характер, и тогда на смену юмору приходит беспощадная сатира, звучат слова, «облитые горечью и злостью». Таковы фельетоны «Алфавит», «Бесчестье», «Четыреста девушек» и др. В первом автор, обеспокоенный судьбой родного языка, выступает против неуместного использования иноязычных слов, засоряющих азербайджанский язык. Ведь совсем иную картину он видит у других народов, с уважением относящихся к своему языку, олицетворяющему культуру в целом. Он ратует за введение более совершенного алфавита, способствующего широкому развитию образования.

Известные западные ученые и исследователи культуры Востока – Александр Беннигсен, Эдвард Браун, Люсьен Бува, Ш.Кейкей и др. – высоко оценивали культурную и прогрессивную роль боевого журнала, отличающегося своей актуальностью, политической злободневностью и выразительностью карикатурных рисунков.

В своей книге «Расцвет национальной прессы» французский ученый А.Беннигсен отмечал, что еженедельник «Молла Насреддин» – наиболее известный и в течение долгого времени единственный журнал, выходящий на мусульманском Востоке. Совершенно справедливо этот исследователь объясняет необычайный успех «Моллы Насреддина» высоким идейным уровнем его авторов, привлеченных на службу народу их бесстрашным лидером Джалилом Мамедгулузаде. В связи с этим он называет имена М.А.Сабира, А.Назми, Г.Ахвердиева, О.Фаика, М.С.Ордубади, Гамгюсара. Ученый упомянул также Шмерлинга и Роттера, забавные и едкие карикатуры которых занимали значительное место в журнале. По мнению английского востоковеда Э. Брауна, этот журнал являлся примером для юмористических журналов, печатавшихся в России в послеконституционное время (1911г.). А французский ученый Л.Бува печатал статьи, помещал рисунки, пропагандирующие достижения азербайджанской духовной культуры, в журналах «Ревю дю Монд мусульман» и «Азиатик». И конечно же, достойное место здесь было уделено Дж.Мамедгулузаде и его титанической просветительской деятельности.

Река жизни непрерывно приносит в этот мир огромное множество людей. Но все ли они посвящают свою жизнь, этот бесценный дар, служению народу? Верно сказано, что жизнь, прожитую достойно, следует измерять деяниями, а не годами. Сколько же жизней прожил своими творениями и неустанной созидательной деятельностью Джалил Мамедгулузаде? Как и другим незаурядным личностям, Джалилу Мамедгулузаде было дано великое счастье оставить после себя яркий, негасимый след. А ведь это, в сущности, и является бессмертием.

ХАНАЛИ КЕРИМЛИ

Письмо Мамеду Аразу от Тоглыгая

Туман как рыхлый снег растаял по весне...
Погожая весна ли, осень – в сотый раз
Судьба жестокая скрутила руки мне...
Ты не приходишь... почему, Мамед Араз?

Блеск чёрных глаз моих схож с блеском глаз твоих,
И сердце нам одно досталось на двоих,
Мои ты раны лечишь, очень важный штрих –
Мне без тебя и жизнь не жизнь, в нелёгкий час
Ты – утешение моё, Мамед Араз.

Огонь, что сердце жёг моё, глаза слепя,
Сжигает те слова, что ты сказал, скорбя:
«Ты, вероятно, опоздал, Мамед Араз,
И горы гордые в обиде на тебя»,
А я скажу, что ты звучишь как звонкий саз,
И не держу обиды я, Мамед Араз.

Я убедился: жизни проза непроста,
Прохладных родников вода уже не та,
Гремит по-новому и громовой раскат,
И голос мой, и слух мне изменили враз...
Ах, кабы встретиться с тобой, Мамед Араз.

Мой дорогой поэт, жизнь слишком коротка,
На покаянные цветы смотреть – тоска,
Что от природы мне дано – живёт пока,
Из глубины волна с волной, что напоказ,
слилась...
Ах, кабы встретиться с тобой, Мамед Араз.

Устал терпеть я, сожаленье на устах,
Неодолимая печаль в моих глазах,
А впереди – колючий снег, и страх, и прах,
Капризы, радости – всё в прошлом, в самый раз
С тобою встретиться нам, мой Мамед Араз.

Дороги жизни исходил я и прозрел,
У сердца, что горит, закрученный удел,
По цели бил я, наподобье жгущих стрел...
О чём мне думать, что писать... довольно фраз...
Нам нужно встретиться с тобой, Мамед Араз.

Мысли

I

Я не могу быть вне времени,
А время – внутри и вне меня...
Соприкасаемся как-то.

Я – тайна мира этого,
Мир – тайна, в веках воспетая...
Пересекаемся как-то.

Случалось мне без головы ногами быть,
Без ног быть головой, себе самой служить...
Ухитряемся как-то.

Чёрный день над головой,
Он проживается мной,
День... забывается как-то.

Порой не узнаю я сам себя,
Не узнаю своё второе «я»...
Уживаемся как-то.

II

Случится вдруг несметное богатство,
Случиться может горькая нужда,
Бывает, в горе кроется богатство,
А то – с богатством вяжется беда.

Кому-то Господь посылает недуг,
Кому-то снадобье даёт от мук,
Без боли нет надобы в снадобье,
Без снадобья не вылечить недуг.

Сегодня день хороший для кого-то,
К кому-то горе ломится в ворота,
В день ясный хмуро выглядят улицы,
Где души грустят и лица хмурятся.

Некто, получив в награду лошадь,
Как оказалось, не имеет площадь,
Другой, располагая площадью,
Не имеет, к сожаленью, лошади.

Не доволен ни тот, ни другой,
Таков расклад, довольно простой.
Кому-то не досталось ни площади,
ни лошади,
Дал Господь ему жизнь,
чтобы жить –
Горевать и тужить.

Не стоит сходить с ума

(Вольный перевод)

Рознятся почерки эпох,
Рознятся почерки людей...
Мой прадед грамотой своей
Эпохе «Гюльтекин» обязан,
Дед мой писал арабской вязью,
Осваивать латиницу
Пришлось отцу,
А я от молодых ногтей
Учил кириллицу,
Запомнились уроки те...
На время сына моего
Вновь выпала латиница.
Менялись времена,
Вводились письмена,
Вопросов без ответов
Жизнь полна.
Не помогут нам в этом
Ни историк Али,
Ни языковед Вели,
Не может написать Вели
Того, что написал Али,
А его не повторит Пирвели.
По-разному написаны тома,
Тут, казалось, недолго
И сойти с ума...
Но разрыва цепи единой:
Прадед – дед – отец – сын,
К счастью, не случилось,
Сохранился исходный посыл,
Жив язык наш народный,
Говорим и пишем свободно
На своём родном языке!

Колумбу

Колумб, давно ушедший
В мир иной,
В себе не разобравшись,
Открыл Америку ты.
Все говорили, что Колумб
Был очарован новою землёй,
Он очень удивил своим открытием,
И это стало мировым событием.
Колумб на поиски
Пустился человечности...
Не потому ли он остался в вечности?
Открыл бы ты, Колумб,
МИР ВЕЧНЫЙ
С названьем **ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ**.

Банальный стих

Прекрасна Родина,
Неделимая, целая,
Роднятся природы цельные,
Обретая душевный покой.
Мой мир иной:
В нём главное – деньги,
Мир этот вечно живой,
Из поколения в поколение
Передаются «ценности» –
Золотому тельцу поклоненье.
И, живи хоть сто лет,
Не увидеть вовек –
Так было доньше –
Ни горней стези,
Ни дороги к святыням.

Перевод Инессы ЛОВКОВОЙ

Разговор с матерью

– Сыночек, перейму твои печали,
Ты за укор меня не обессудь,
Ты позабыл, похоже, все причалы
Как долгод твой неприкаянный путь!
Ты обернулся перелетной птицей,
Не время ли тебе остепениться?
Уже виски, я вижу, тронул иней...
Что сделал ты? И что ты совершил?
Всю жизнь ты маешься дорожною кручиной,
Плывя по океану жизни без ветрил...
И сколько с пеной не тверди у рта,
Моим народом, мол, живу, дышу я,
Но если своего ты не создал гнезда,
Отчизну как полюбишь ты большую?
Мы навидались златоустов, крикунов,
Что козыряли именем народа,
Чтобы добиться кресел и чинов
Под маскою фальшивых патриотов.
Вернись, мой сын, в родимое село
На твой клочок землицы благодатной,
И будут хлеб, достаток и тепло...
А в городе даже вода за плату.

– Ах, мама, ты прости, прости меня
Но на селе другая уж погода...
Мне чужды стали и соседи, и родня,
Обиды их, разборки их без счета.
Их нравы добрые давно сошли на нет,
Где посиделки их, куда сельчане
Сбирались, и был каждый обогрет
Улыбкой доброй? Где тот ясный свет,
Где песни, пляски? Люди измельчали...
Глядишь, из-за овечки – уж сыр-бор,
И к черту нравы добрые, уставы!
А если кто-то передвинет свой забор
Хотя б на пядь, пусть даже для забавы,
Того гляди – в село придет беда:
Готовы насмерть за клочок сцепиться.
Иль ключевая, например, вода –
Не та уже на вкус. А было – не напиться!
Стал хилым всход, и семя, и росток...
Цветы цветут без запаха, как прежде,
И к брату брат теперь уж не ходок.
И на возврат к истокам нет надежды.
Я оказался между двух огней.
Узнать бы, охлаждение откуда?
Или от сытости мы стали холодней,
Иль с жиру в душу заползла остуда?
Ты не ругай и не кори меня.
Дни добрые мне трудно позабыть,
Но, отчужденье хладное кляня,
Село такое не могу я полюбить.
Еще в селе теплится наш очаг,
Я не хочу, чтоб он погас, признаюсь,
Сказать «я не вернусь» я не могу никак,
Сказать так я не в силах, не решаюсь.

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ИГОРЬ РЕВВА

Мы – настоящие!

Рассказ

Виталий осторожно прикрыл дверь и, затаив дыхание, замер в прихожей. Подходя к калитке, он уже старался не спешить, идти как можно медленнее и дышать как можно ровнее. Сейчас это очень пригодилось – воздух в лёгких задержать удалось без труда, и не было в ушах звона, мешающего слушать. Хотя слушать, к счастью, было нечего – из спальни доносилась лишь тишина; живая тишина, сонная и тёплая, пахнущая лаской и добротой. И это было хорошо. Всегда хорошо, когда дома тебя встречает пахнущая лаской и добротой любимая тишина. И так жалко и обидно бывает её случайно разбудить.

Виталий шагнул на дорожку и медленно, стараясь не зацепиться за вешалку большим и неудобным пакетом, двинулся к двери в подвал. Пакет, хоть и не был таким уж тяжёлым, оказался самым настоящим предателем: похрустывал, норовил запутаться в ногах и вообще вёл себя хуже дежурного по цеху, не дающего толком посидеть в курилке.

Перед самой дверью Виталий замер, и пакет мгновенно совершил какое-то невразумительное движение возле правой ноги. Словно ненагулявшаяся собака, которую ленивый хозяин раньше времени притащил домой. Виталий протянул руку, толкнул шероховатую поверхность двери и внутренне напрягся, ожидая услышать противный скрип. Но скрипа не было – ещё позавчера Виталий тщательно смазал петли.

Виталий перешагнул порог, как-то ухитрился извернуться с этим дурацким пакетом, плотно прикрыл дверь и только потом нашарил на стене выключатель. Желтоватый свет залил уходящую в слаборазбавленную тьму вереницу ступенек и аккуратно оклеенные светло-коричневыми тиснёными обоями стены узкой предподвальной щели. Виталий наконец-то глубоко вздохнул несколько раз подряд; с облегчением вздохнул. И сразу же захотелось курить. Он похлопал себя по ляжкам, нашуршал в правом кармане брюк полуживую тощенькую пачку и каменистый квадратик зажигалки и окончательно успокоился. Он даже не отреагировал на подловатый скрип ступенек лестницы, которые уж точно ничем не смажешь. Говорят, то ли клинья какие-то вбить в щели надо, то ли ещё что-то, не вспомнить уже сейчас, что там Ромка говорил...

Ромка...

Виталий неловко повернулся, нашаривая нижний уже – подвальный – выключатель, и пакет мгновенно вцепился в поломанную велосипедную раму, радостно треснул по диагонали и, облегчённо шурша, выблевал на цементный пол всё своё содержимое.

– Скотина, – устало аттестовал его Виталий, совершенно без злобы или раздражения в голосе.

Пакет, собственно, и не возражал, всем видом своим показывая, что теперь

ему уже в высшей степени наплевать, кто там его кем считает.

Виталий вытянул руку, повертел зачем-то перед собой лопнувшем пакетом и, не стараясь уже вести себя тихо, скомкал его и опустил синюшный снежок в мусорное ведро. Тот напоследок что-то прошептал, прощаясь, и навеки затих. А Виталий присел на корточки, обхватил руками потерянный пакетом ворох, осторожно поднял его и положил на большой и, по счастью, не занятый стол. И там уже принялся разбирать и раскладывать: чёрный рабочий комбинезон, который пора уже в стирку и который, собственно, для этого домой и принесён; ещё один комбинезон – тёмно-серый, аккуратно подогнанный по фигуре, с несколькими дополнительно нашитыми и сейчас уже пустовавшими карманами; свалившуюся с правого рукава этого комбинезона чёрную повязку с двумя широкими белыми полосами; тёмно-серый же аккуратный берет с нашивкой на левой стороне – тот же чёрный прямоугольник с двумя белыми полосами... впрочем, некоторые почему-то считали, что это – белая ткань с тремя узенькими чёрными полосками. «Глупость какая», – подумал Виталий, аккуратно разворачивая позвякивающий свёрток грубого брезента. Две широкие белые полосы, именно так – две белые. Символ равенства, призванный показать всем и каждому, что все равны между собой, что все – люди. Вот именно – люди. Настоящие люди. Потому что ненастоящих людей не бывает, ненастоящий человек – это уже не человек, это уже непонятно что, что-то такое, что можно унижить, прогнать, заставить работать на «настоящих» людей, лишит прав и свободы, ударить, запереть, убить...

Виталий вдруг почувствовал, как сильно заныли сведённые в злобный кулак пальцы правой руки, просунутые в немного тесноватые кольца кастета. Он поморгал, ослабил хватку и снял набычившийся безжалостными буграми кусок стали. Кастет упал на стол, звякнул о лезвие широкого ножа и почти бесшумно съехал по нему на брезентовую постель. Виталий чуть пригнулся, нащупал под столом висевший на гвозде ключ, отпер правый ящик стола и упрятал туда и нож, и кастет. Перед тем, как запереть ящик, он несколько очень и очень долгих секунд разглядывал тускло поблёскивающий воронёной сталью ствол «ТР-43» и коробочку патронов к нему. Верхней крышки у коробочки не было, и желтоватые нарывчики головок патронов, казалось, в любую секунду готовы были прорваться гноем смерти. Хотя – куда им прорываться, без пистолета-то?! Эти не опасны, опасны те, которых тут уже нет, от которых остались лишь чёрные пустоты крошечных колодцев, которые сейчас плотно прижаты пружиной в обойме пистолета и только и ждут, чтобы...

Виталий аккуратно задвинул ящик стола, запер его на ключ, присел на корточки и повесил ключ на прежнее место.

«Это хорошо, что я сегодня был без пистолета, – подумал Виталий. – И хорошо, что нож оставался в сумке. Мог ведь и не удержаться, мог и не кастетом этого придурка, а ножом... или даже пальнул бы в него... наверняка ведь пальнул бы, не удержался бы... а потом... Да никакого «потом» тогда уже не было бы! Может быть, приказа стрелять на поражение и не давали, но случайно затоптать насмерть человека с пистолетом или ножом – за этим не заржавеет... тем более, человека с нашим флагом...» Виталий поднял со стола большой кусок чёрно-белой ткани, расправил его, встряхнул и посмотрел на широкие белые полосы. «Белого у нас, всё-таки, гораздо больше, чем чёрного», – непонятно почему подумал он. – Хотя мало кто и обращает на это внимание. Да и фиг с ними, не обращают – и не надо! Тем более, что и не главное это. Главное, что две белые полосы должны быть вместе, должны идти рядом, потому что это естественно, когда два человека идут рядом, когда один по-

могает другому во всём, когда никто никого не унижает, и никто ни перед кем не показывает своего превосходства... Вот, как, например, мы с Викой...» – неожиданно подумал он и невольно прислушался. Но, конечно, из подвала никак нельзя было слышать, спит ли Вика или Виталий её всё-таки разбудил. Дети-то дрыхнут без задних ног, их и из пушки не разбудишь...

Виталий нахмурился и принялся сворачивать полотнище знамени. Как-то не понравилось ему собственное упоминание детей и пушечных залпов. Нет, ничего страшного в этом, конечно же, не было, но вот именно сегодня почему-то не понравилось. Наверное, потому, что сегодня удалось не просто высказать свои требования, не просто выстоять в драке против полиции, но и оттеснить прозрачные щиты в переулок, открыть дорогу и разойтись, а не разбежаться, как крысы по подворотням. Похоже, сдают позиции ребята. Говорят вообще-то, будто туда много наших в последнее время набирают – «настоящие» люди в полицию идти не хотят, «настоящие» предпочитают перед телевизором обсуждать принципы свободы и равенства, предназначенные для всех «настоящих» людей...

Виталий понял, что мыслит уже пропагандистскими лозунгами, и криво усмехнулся. Никто ведь из наших всерьёз так не думает, каждый превосходно понимает, что это просто страшилка такая, людей пугать. Как часто бывает в последнее время, что глупое пацаньё в толпе вдруг выкрикнет что-то вроде: «Смерть настоящим!» И как обязательно очень и очень многие обернутся на глупый крик этот – кто со злобой, кто со страхом. Потому что они и правда считают людьми только себя. Но хорошо, что в той же толпе непременно кто-нибудь обернётся на этот же крик и с весёлой понимающей улыбкой – бесятся пацаны, дети же, выдрать бы их, конечно, следовало, но как забавно выглядят искажённые ненавистью и злобой физиономии тех, кто в глубине души на самом деле считает только лишь себя настоящим человеком.

Виталий отнёс свёрнутое знамя в шкаф, где хранились садовые инструменты, уложил его на полку, прикрыл сверху серым комбинезоном, а чёрный, рабочий, скомкал и броском отправил в корзину с грязным бельём. Комбинезон не растрепался и в корзину попал удачно.

– Бинго! – шёпотом крикнул Виталий и потряс в воздухе сжатыми кулаками.

Затем он запустил вытяжной вентилятор, уселся на табурет, пододвинул к себе пепельницу и закурил. Мягкий шум лопастей убаюкивал, но курить хотелось сильнее, чем спать. Виталий докурил сигарету до самого фильтра, нашарил в пачке ещё две – одну на утро, обязательно одну на утро, – и с облегчением прикурил вторую от окурка первой.

«Ромку жалко, – подумал он вдруг. – Отделают его в участке, как пить дать, отдают. Да ещё и с работы могут выкинуть – на фиг им на заводе такой нужен?..»

Виталий вспомнил, как полицейский взял Романа за локоть, когда тот ожесточённо жестикулировал, что-то доказывая Валерке с Мишкой; как Ромка вырвал руку, смешно, по-птичьему задрав над головой острый локоть; как полицейский уже обеими руками схватил Ромку за плечи и обернулся, взглядом призывая на помощь своих коллег; как Валерка попытался оттолкнуть полицейского и как тот, отпустив безобидного на вид Ромку, вывернул Валерке руку. И как Ромка со страшным визгом бросился вперёд и ударил полицейского головой прямо в лицо.

Хорошо ударил, от души. Сам Ромка несколько секунд, пока его награждали наручниками и якобы незаметными тычками резиновых дубинок, обалдело крутил

башкой, не понимая, что вокруг происходит и, похоже, не чувствуя даже боли. А что до полицейского, то его так и унесли на носилках.

Одна надежда, что в случае с Ромкой примут в расчёт его происхождение – клон всё-таки, а не андроид; как говорится, из «настоящих» людей.

Виталий нахмурился. Да фиг там – примут они в расчёт! Этим собакам только бы в глотку вцепиться, а там они уж порвут любого, хоть чужого, хоть своего.

Виталий загасил окуроч, выключил вентилятор и посидел, слушая, как затихает шум лопастей. Затем выключил свет, поднялся по лестнице, погасил свет и там, наверху, и плотно прикрыл за собой дверь подвала.

* * *

– Опять?..

Виталий на секунду замер, а потом уже, тяжело вздохнув, потянул через голову рубашку.

«Скотина я всё-таки, – горестно подумал он. – Разбудил... Хотя голос у Вики и не сонный вовсе. Наверное, она меня давно уже ждёт... всё равно – скотина...»

– Не понимаю я тебя, – вздохнула Вика. – У тебя же дети, обо мне не думаешь, о них хоть подумай.

– Да ладно тебе, – нахмурился Виталий.

– Нет, ну ты мне скажи, вы все там и правда думаете, будто сможете что-то изменить?! – Вика потянулась к ночнику и спальню залил тусклый свет. Вика закуталась в простыню и уселась на кровати, скрестив ноги. Виталий понял, что сна у неё и правда ни в одном глазу и сейчас ей очень хочется поговорить. Возможно, даже поругаться, благо повод – вот он, только что с демонстрации припёрся.

– Будешь смеяться, но – да, думаем. Будто сможем изменить, – Виталий улёгся на спину и закинул руки за голову.

– Глупости, – отрезала Вика.

– Для тебя всё – глупости, – спорить с женой Виталию не хотелось, хотя и сон тоже куда-то пропал.

– Ты можешь мне объяснить, чего вы добиваетесь? – спросила Вика и вдруг неожиданно потребовала: – Дай сигарету!

– Нету у меня, – соврал Виталий.

– Врёшь, – убеждённо произнесла Вика. – Наверняка последнюю заныкал, крохобор. От жены прячешь... ладно, здоровее буду. Так чего же вы добиваетесь?

– Слушай, хватит, а? – устало попросил Виталий. – Опять же будем из пустого в порожнее переливать. И опять к общему знаменателю не придём. Если я тебе просто скажу, что так мне будет лучше, тебя устроит?

– Тебе будет лучше, – кивнула Вика. – Тебе – будет. А детям? Машке с Олежкой? Им лучше будет, если с тобой, дураком, что-то случится?

– Да ничего со мной не случится! – ответил Виталий. – Спать ложись, предсказательница! Что со мной может случиться?!

– А что с Ромкой сегодня случилось?

Виталий сел на кровати, словно подброшенный пружиной, и посмотрел на жену.

– Откуда ты?..

– Из полиции звонили, – мрачно ответила она. – У него в кармане визитку мою

нашли, больше никаких документов не было. Он на неделе собирался к нам в клинику, зубы чинить. Вот полиция и позвонила, узнать, кто он такой и вообще...

– А почему позвонили? – Виталий почувствовал, как холодеет его спина. – С ним что-нибудь...

– Не знаю! – громко ответила Вика и тут же, испуганно оглянувшись на закрытую дверь детской, понизила голос и торопливо забормотала: – Он сейчас без сознания, его в участок привезли, а он в обмороке, им же надо было как-то документы заполнять, я спросила, что там с ним, сказали, что он напал на полицейского, полицейский сейчас в реанимации, перелом черепа...

– погоди! – остановил её Виталий. – погоди, не тараторь...

Так. Ромка без сознания. В обмороке. Понятно. Это пока они его до участка довели, с ним обморок случился. По дороге. Хорошо ещё, если без переломов обморок и без инвалидности – за ними не заржавеет...

– Витась, пожалуйста, не ходи туда больше, а? – попросила Вика жалобным голосом. – Пообещай, что больше не пойдёшь, а?

Виталий молчал.

– Дурак ты, папочка, – вздохнула Вика. – Сам же не понимаешь, для чего это всё. Сам же потом жалеть будешь...

– Я жалеть не буду, – сказал Виталий. – Я никогда жалеть не буду, не о чем тут мне жалеть. Я и все мы – мы просто хотим, чтобы нас признали за равных. Чтобы не тыкали в нас пальцами – вот, мол, андроид идёт, а не настоящий человек. Если уж на то пошло, то клоны тоже не люди, клоны – тоже искусственные. Просто клоны начинают развитие от зародыша... или как там?.. эмбриона, да? Вот. А мы появляемся на свет уже взрослыми.

– Ага, в пятилетнем возрасте... очень взрослые...

– Не, ну повзрослее вас, Викусь, – улыбнулся Виталий. – Немножечко повзрослее. И если уж на то пошло, то и вы, клоны, ненастоящие люди. Настоящих людей давно уже нет; не осталось их просто на Земле. И надо сказать, хорошо, что не осталось – они размножаться умеют, нам бы тогда места на свете не было просто.

– Мы тоже размножаемся! – возмутилась Вика. – Вон, в детской двое наших «размножившихся», спят... если не разбудили мы их ещё...

– Ну, это не так, как у людей; наши малыши тоже клоны, сама знаешь...

– Олечка от меня, а Машка от тебя... – ответила Вика и улыбнулась. – А Олечка, между прочим, почему-то на тебя больше похож... хотя и мой клон... А Машке в школу скоро... Виталь, не ходил бы ты туда больше, а? – Вика посмотрела на мужа, и глаза её наполнились слезами. – Боюсь я за тебя. Боюсь. Что я детям скажу, если... если вдруг... вдруг...

– Да успокойся ты! – возмутился Виталий. – Никаких «вдруг» не будет! И мы обязательно добьёмся признания!

– Какого такого признания? – всхлинула Вика. – Тебе на работе плохо, что ли? Тебя когда-нибудь укоряли, что ты андроид, а не клон? Тебе меньше платят, чем клонам? Или работаешь ты больше других? А вот когда тебе предлагали должность мастера цеха, ты же сам отказался, сам же не захотел...

– Не в этом суть, – терпеливо объяснил Виталий. – Никто не укоряет, ты права, родная, никто и никогда. И относятся к нам точно так же, как и к клонам. Но это ведь всё показное! Вот даже ты сейчас... Вика, ты уж прости, но вот даже ты сейчас говоришь: «мы» и «вы». Клоны и андройды. То есть, чуть ли не «настоящие люди» и

«ненастоящие» – даже ты так говоришь. Но почему?!

– Да потому что мы и есть настоящие! – Вика уже не скрывала своих слёз. – Мы настоящие, потому что мы клонированы из людских клеток, а вы сделаны из наших и из... друг от друга... от ваших же клеток, вот! Дурак ты, Виталька, какой же ты дурак!

– Именно, – холодно кивнул Виталий. – Именно. Вы – настоящие. А мы – так просто, кое-как, как бы там, из чего попало...

– Да ты ведь сам первый начал, Виталь! – всхлипывала Вика. – Сам начал про то, кто настоящий, кто какой!..

– Если бы я не начал, ты бы так не считала? – удивился Виталий.

– Да причём здесь это?! – Вика вытерла ладонью слёзы. – Какая разница, кто как появился на свет. Мы же одинаковы, правда? Нет же никакой разницы между настоящими и андроидами, все это говорят, даже учёные выяснили, что разницы нет. К чему вам этот огород городить?! Две половинки одного народа, одного человечества, зачем нужно что-то кому-то доказывать?! Вы бы ещё язык собственный придумали, – грустно усмехнулась Вика, – для лучшего понимания близких, – она судорожно вздохнула, потянулась к мужу и обняла его за плечи. – Виталь, ты бы хоть осторожнее там как-то... – прошептала она. – А то говорят, что сегодня на верфи четверо погибли. Там тоже демонстрация была, кто-то бросил бутылку с бензином, несколько человек обгорело сильно. А пока неразбериха там, кто-то кран портовый запустил... то ли случайно, то ли так... стрела завалилась и четверых... прямо на месте...

– Стрела завалилась? – усмехнулся Виталий. – Ладно, стрела, давай, заваливайся баиньки. Завтра же выходной, детям обещали парк и аттракционы. Кстати, а откуда ты про верфи знаешь?

– Полицейский рассказал, – ответила Вика. – Он когда всё про Ромку узнал, про тебя стал спрашивать. Сказал, чтобы ты был осторожнее, что вам всем вообще надо быть осторожнее, а ещё лучше вообще прекратить эти глупые демонстрации, потому что уже люди гибнуть начали. Он вообще обеспокоенный был какой-то, может быть, ещё где-то что-то случилось... он только про верфи рассказал, ни про что больше...

– Андроид? – спросил Виталий, и тут же пояснил, поймав непонимающий взгляд жены: – Полицейский андроид был?

– Нет, настоящий, – ответила Вика.

– А на верфи кто погиб?

– Трое ваших, один наш.

– Ваших у нас тоже много, – Виталий потянулся и выключил ночник. – Между прочим, многие и не из рабочих, даже настоящий доцент один есть, кандидат технических наук. Умные люди понимают, на чьей стороне правда. Ладно, давай спать, мой милый клон.

– Я люблю тебя, – прошептала Вика, прижимаясь к мужу.

– Я тебя тоже, – прошептал Виталий и поцеловал её в щёку. – Спокойной ночи.

* * *

– Что там? – спросила Машка.

– Спи давай, – сурово, по-мужски ответил Олег. – Полуношница...

– Не, правда! – Машка уселась на кровати и с интересом уставилась на Олега, поплёскивая в полутьме громадными – в пол лица – глазами. – Не ругаются они?

– Да не ругаются, отвяжись! – отмахнулся от сестры Олег, отходя на цыпочках от двери и забираясь обратно на кровать. – Спать уже легли, и ты давай дрыхни, мелочь пузатая!

– А чего они говорили? – не унималась Машка.

– Да как обычно, – криво, как отец, усмехнулся брат. – Спорили, кто из них больше настоящий.

Машка хихикнула и хлопнула ладошками по одеялу.

– Главное, чтобы не ругались, – авторитетно заявила она. – А то фиг мы завтра на аттракционы пойдём.

– Да не денутся они никуда, аттракционы твои! – сурово отвечал брат. – Спи давай! А то по шее сейчас схлопочешь, вместо аттракционов. Поняла?

– Ага! – Машка удовлетворённо бухнулась на подушку и уставилась в потолок. Но спать ей не хотелось, хотелось говорить.

– Оле-ега-а, – протянула шёпотом Машка. – А вот я кто получаюсь? Настоящая или нет? Ведь я же по-настоящему, как ты и мама, но только от папы, а не от мамы. Это как тогда будет? Как папка я получаюсь или настоящая? Или андроид?

– Дура ты настоящая! – огрызнулся Олег, повышая голос, и добавил с явной уже угрозой: – А будешь ещё болтать, будешь побитой дурой! Настоящей побитой дурой! Спи давай уже, тебе сказали!

Машка мгновенно зажмурилась и замерла. Она поняла, что брат сейчас уже действительно может отвесить ей подзатыльника.

– Только бы аттракционы... – мечтательно прошептала она, засыпая.

* * *

Виталий с утра забежал в полицейский участок – проведать Ромку и немножечко покачать права. Права покачать ему не позволили, а с Ромкой он переговорил, хотя и недолго. Видок у Ромки был такой, словно его пинками скатывали с лестницы пятиэтажки, по всем пролётам. Сидел он с трудом и на вопросительный взгляд Виталия только лишь коротко кивнул.

– Ты передай там нашим, чтобы ничего не отменяли, никаких пикетов, – сказал Ромка. – Забастовку не перенесли?

– Нет, – помотал головой Виталий, – в среду начинаем. Тебя надолго сюда?

– Не знаю, – мрачно проворчал Ромка. – Смотря по тому, что с полицейским будет. Обещают лет пять-семь – это если он жив останется. А если нет... – Ромка замолчал.

– Ладно, поможем, – ответил Виталий. – И тебе в тюрьме поможем, и семье твоей. Не грузись, мы своих не бросаем, сам знаешь. Бывай, друг! Держись!

– Давай! – ответил Ромка. – Тоже не грузись там!..

* * *

На выходе из участка дежурил какой-то слишком уж старый даже для ночного сторожа полицейский. Виталий остановился на ступеньках, прикуривая и соображая, как быстро сюда на машине доберётся Вика и как быстро у них получится забрать

детей из дома и доехать до Парка Человечества. Пробок, кажется, не было, поток машин шёл быстро, так что за час вполне можно было управиться. И вообще, правильно они сделали, что договорились встретиться тут, возле полицейского участка. И он с Ромкой повидался (успокоился хоть немного; вроде бы, не сильно его отмудохали), и Вика к матери своей заскочить успела, проведала. Вообще-то, можно будет после аттракционов к ней всем вместе нагрянуть, к теще на блины, так сказать, внуками её побаловать... Виталий глубоко задумался и даже вздрогнул от неожиданности, когда его окликнул полицейский.

– Проведал?

– А?.. – Виталий не сразу понял, о чём тот говорит.

– Проведал, говорю, своего дружка-революционера? – строго спросил полицейский, закладывая руки за спину и покачиваясь перед Виталием с носков на пятки.

– Проведал, – коротко ответил Виталий.

– Всё бунтуете? – понимающе кивнул полицейский. – И чего вам в жизни не хватает – непонятно...

Виталий посмотрел на полицейского. Выглядел тот, по правде сказать, не столько старым, сколько каким-то поношенным, дрябловатым. Форма на нём сидела, как на корове седло – нелепо и угловато топорщилась с боков, и ремень выглядел так, словно нацеплен был не на живого человека, а на дерево.

– Так чего же вам не хватает-то? – непонятно почему настаивал полицейский.

– Равноправия, – коротко ляпнул Виталий первое, что взбрело ему в голову, и отвернулся к проезжей части.

– Это правильно, это ты молодец, – неожиданно прозвучал из-за спины голос полицейского. И пока Виталий переваривал его слова, пока он раздумывал, оборачиваться или нет, пока он оборачивался – полицейский уже развернулся и ушёл куда-то к перекрёстку. Виталий посмотрел ему вслед – со спины полицейский выглядел так же нелепо, как и спереди – и снова принялся выискивать в уличном потоке машину жены.

Тёмно-синий «Скворец» показался минут примерно через пятнадцать, когда Виталий докурил уже вторую сигарету. Вика вырулила из переулка и притормозила на перекрёстке, пропуская встречные машины. Собственно говоря, притормозила не только она – по главной улице подъезжал какой-то правительственный автомобиль и, похоже, остановиться он собирался как раз возле полицейского управления. Виталий сообразил, что Вику сюда теперь просто не пропустят, и надо как-нибудь ей помахать, чтобы остановилась прямо там или проехала чуть дальше. Он уже направился к перекрёстку, когда вдруг заметил суетливо подбегающего к правительственному автомобилю того самого старого полицейского, что только недавно приставал к нему. Виталий ещё удивился, почему это дежурный кинулся регулировать движение, и откуда у него в руках вдруг взялся регулировочный жезл... или что-то на жезл похожее... но не очень похожее... и даже не похожее вовсе... и что это он торопливо выдёргивает из-под мундира, какую такую непонятную плоскую коробку – большую, серую...

Потом удивление исчезло и пришло опустошающее оупение – когда полыхнуло огнём, грохнул взрыв и в грудь ударило волной воздуха, опрокинуло, поволокло по асфальту. И последнее, что увидел Виталий, перед тем как страшно, во всю силу лёгких, заорать: распускающиеся огненно-красными бутонами автомобили на перекрёстке. И среди них – тёмно-синий «Скворец» Вики.

Вику хоронили всей улицей. Все пришли, даже те, кто не особенно-то и ладил с их семьёй. Пришли и заводские ребята, и инженеры из управления, и даже парни из местного отделения полиции во главе с шерифом. Говорили, что вроде бы собирались прийти и родственники того террориста-самоубийцы, но то ли их отговорили, то ли у них сейчас и своего горя хватало. Шептались ещё, что самоубийца-полицейский был не андроид, что он, вроде бы, из настоящих, но какое это теперь имело значение?

И какое значение имеет то, что Вика погибла случайно, что это фактически был несчастный случай. Потому что собирались ведь подорвать только заместителя министра безопасности, приехавшего зачем-то в этот полицейский участок. Его, может быть, и стоило подорвать, ничего хорошего для народа он не сделал, и тем более был он не андроидом, а клоном, и не просто клоном, а из тех клонов, которые не стеснялись себя открыто называть «настоящими людьми». Мало кому нравился этот заместитель министра, и даже клоны были от него не в восторге, потому что и... собственно... потому и погибла Вика – случайно, нелепо, за чужую и чуждую ей идею, за непонятные ей принципы. Непонятные и ненужные, по сути, ни ей, ни тем, кого она бросила жить дальше.

Больше всего Виталий переживал за детей, но они держались. Спасибо Наде, Викиной сестре – та от детей ни на шаг не отходила. Она не навязывалась, не пыталась их как-то отвлечь, она просто была рядом. И это сейчас было главное.

В какой-то момент Виталию вдруг стало очень тяжело наблюдать окружающее, ему захотелось побыть в одиночестве. Он незаметно вышел из дома и завернул за угол, во дворик. И совершенно не удивился, увидев тут же, возле дерева, сына.

Олег, похоже, вышел потихоньку покурить – табачищем от пацана так и разило за километр. Но сейчас Виталий сделал вид, будто не заметил этого. Он вздохнул и сказал:

– Вот так-то, сынок... – просто для того сказал, чтобы хоть что-то сказать, потому что совершенно ничего не сказать было сейчас нельзя, потому что тишина сделалась бы невыносимой, а бестолковые слова и ненужные звуки каким-то образом могли не позволить соскользнуть окружающему миру в чернеющий болью хаос. И сын тоже понял, что нужно хоть что-то сказать. Но ему не хотелось бесполезных слов, ему нужно было услышать что-то правильное и необходимое, что-то такое, что поможет ему пережить эту боль и заставит жить дальше. И мальчик не стал пасти бесполезный словесный скот, он хотел быть рядом с отцом, рядом с другом, рядом с близким, разделяющим его боль, сочувствующим ему; рядом с человеком, которому он мог бы и дальше доверять, как доверял ему всегда; которого он мог бы и дальше, как всегда, любить и уважать.

– Папа, а за что все так ненавидят настоящих людей? – спросил Олег.

Виталий молча посмотрел на него.

Он думал сейчас о том, что же ответить сыну. И понимал, что ответить ничего не сможет.

Ни сейчас, ни после.

Никогда.

РАФИК АСКЕРОВ

ВСЕЛЯЮЩИЙ НАДЕЖДУ

Джамиль Алиев

*Настоящая слава – это когда ваше имя
ценится дороже, чем ваша работа.*

Даниэль Бурстин

Мысль написать о Джамиле Азизовиче Алиеве – докторе медицинских наук, профессоре, академике Национальной академии и Академии медицинских наук России, члене многих зарубежных научных обществ, почетном докторе зарубежных университетов, обладателе престижных международных премий, авторитете в области онкологии – пришла неожиданно. Проходя по подземному переходу станции метро «20 января», я увидел светящееся табло-указатель: «Milli Onkologiya Mərkəzi». Подумал о том, что десятилетие назад для того, чтобы найти онкологический институт, нужно было опрашивать прохожих или садиться в такси. И после некоторого блуждания по городу такси подвезило тебя к небольшому двухэтажному зданию, где размещался институт. Теперь, выйдя на улицу и пройдя триста метров, я узнал ворота, и только, но не узнал всего, что увидел за воротами. Моему взору предстали современные медицинские здания с большим радиологическим корпусом. И все это расположено в уютном зеленом садике, аккуратном и чистом.

Дальше, до самого здания института клинической медицины, я шел под впечатлением от увиденного, решив непременно рассказать о директоре этого центра – Джамиле Азизовиче Алиеве. Подумал: «Если не я, то кто? Если не сейчас, то когда?» Будучи специалистом в другой области медицины, не имея никакой административной зависимости, но зная его много-много лет, со студенческой скамьи, и наблюдая за его профессиональным и научным ростом, и даже единожды имея возможность повстречаться с ним в зарубежной поездке, периодически слыша мнения и рассказы о нем его коллег-специалистов, решил, что у меня есть моральное право написать очерк об этом удивительном человеке...

Трудно писать о том, кого знаешь давно, не одно десятилетие. Нелегко описать человека, который рос, учился на твоих глазах, делал первые успехи, и которого мог наблюдать в повседневной жизни. Еще труднее писать о нем, когда он достиг высоких позиций в административной и общественной жизни – стал человеком, уважаемым и почитаемым в медицинских кругах, гражданином в обществе.

Мне представилась редкая возможность проследить, увидеть творческий рост человека на протяжении большого временного промежутка. Вначале видишь неоперившегося юношу, затем наблюдаешь его карьерный рост, он работает и ежедневно, ежегодно оттачивает свое врачебное, профессиональное мастерство, параллельно успешно занимаясь наукой. Вот о таком человеке, которому мне приходилось преподавать, а затем общаться по службе, мой рассказ.

В начале 60-х годов в моей группе я обратил внимание на юного студента, который отличался спокойным характером, скромностью и исполнительностью. Светлокожий, с копной рыжеватых волос – в нем трудно было признать азербайджанца, но каждый раз,

когда я делал переключку в группе и вызывал: «Алиев Джамиль» – он отвечал тихо: «Я». На что еще я обратил внимание – отвечая урок, он порою, не находя ответа на сложный вопрос, затахал. Лицо его покрывалось розовой краской, и тихо, как бы стесняясь, он говорил: «Я не успел этого выучить», но никогда при этом не выкручивался, не обманывал.

Институт, аспирантура, докторантура, затем защита докторской, становление в качестве высококлассного специалиста – хирурга-онколога. Его назначают директором онкоцентра. Что представлял собой центр в 80-е годы? – Небольшое двухэтажное помещение, а рядом строилось здание, где кроме фундамента, ничего и не было. Да и рабочих-то там не было. Словом, «замороженная стройка».

Что сейчас? Вокруг Джамиля Алиева сформировался большой коллектив сподвижников, молодых учеников, специалистов высокого класса, прошедших стажировку в лучших клиниках зарубежных стран, владеющих современными методами диагностики и лечения. Молодые ученики – это новая генерация ученых, знающих иностранные языки, располагающих большим объемом современных сведений в области онкологии, способных с успехом представлять онкологию на самом высоком уровне.

Материально-техническая база – это суперсовременный, прекрасно оборудованный клинический комплекс, который успешно может конкурировать по своим возможностям с лучшими мировыми центрами медицины. Сам Джамиль Алиев все время в поисках возможностей для обновления и инноваций. Всё самое новое, передовое – у него в институте.

Меня всегда удивляла его скромность – в поведении, одежде, обращении с людьми. Никто не видел его кричащим, тем более унижающим своего сотрудника. Его спокойная, уравновешенная речь действует на собеседника как успокоительные капли. Он – тот случай, когда на ум приходят слова, сказанные Маркесом: «Человек может только раз взглянуть сверху, когда он помогает другому встать с колен». Никакого снобизма в отношении с людьми.

Джамиль Азизович человек непубличный. Он не любит шумных аудиторий, рекламы, не любит пустопорожних разговоров. Он человек дела. Как-то в разговоре со мной он сказал: «Главное не то, что говоришь. Важнее, что делаешь.» И, как бы вдогонку, слова Че Гевары: «Главное сказать – это сделать». Поэтому неудивительно, что во время строительства центра Джамиля Азизовича можно было часто увидеть в каске, взбирающимся со строителями на верхние этажи строящегося центра или горячо обсуждающим детали проекта, не уступая ни на йоту, не отступая от утвержденного плана.

А буквально через несколько дней он уже выступает на научном Международном конгрессе и привозит очередную престижную премию. Об этом мы узнаем случайно, из небольшой заметки в газете или чаще от сотрудников центра, которым он не дает «застаиваться» и многих из которых обязывает активно участвовать в работе того или иного научного форума.

Примечательно, что результаты всех научных командировок непременно доносятся до остальных сотрудников центра. Джамиль Азизович считает, что его сотрудники должны быть в курсе современных направлений и знаний в области онкологии. Он весь в деле. График его работы расписан по минутам. И все это надо выдержать, при этом не теряя самообладания, не опуская рук, постоянно следя за «пульсом» и ритмом работы возглавляемого им коллектива.

Профессор Джамиль Алиев в постоянном поступательном движении, в постоянных разъездах: участие в конференциях, съездах, симпозиумах, он бывает в лучших мировых центрах, где не только смотрит, но и видит всё, что необходимо для онкоцентра, и при определенной адаптации к условиям республики может быть в нем внедрено. Каждый раз Джамиль Азизович приезжает из-за рубежа полный идей и планов, которые он реализует в центре: приобретает современное оборудование, организует стажировку молодых спе-

циалистов за рубежом, приглашает видных зарубежных специалистов – делается всё, чтобы подготовить кадры в соответствии с медицинскими достижениями мировой онкологии. Это надо видеть, это надо понимать, это надо поддерживать, и главное – ценить.

Прежде чем сесть за очерк, я решил познакомиться с опубликованными материалами, посвященными его биографии и учебно-производственной деятельности. Но, увы, их оказалось крайне мало. Пришлось звонить и договариваться с директором центра, профессором Джамилем Азизовичем Алиевым о встрече.

Ровно в назначенный час я вошел в кабинет академика Алиева – он встал, вышел ко мне навстречу, предложил сесть. Сам сел напротив. После обмена приветствиями наступила пауза. Джамиль Азизович внимательно-вопрошающе посмотрел на меня в ожидании ответа на вопрос о цели моего визита. Я выложил из папки наброски статьи и сказал: «Вот уже несколько месяцев я работаю над очерком, посвященным вам». Он облегченно вздохнул: «Ну, слава Богу!». Я понял: как правило, характер просьб, обращенных к нему, бывает связан с заболеванием, а на этот раз – статья, написанная человеком «со стороны». Предвосхищая все остальные вопросы, я продолжил:

«Джамиль Азизович, уже много лет, как я пригнулся к написанию очерков о деятелях медицинской науки Азербайджана. Некоторые из них опубликованы в Азербайджанском медицинском журнале. Теперь вот решил написать о вас. Ваша служба – это особый вид медицины. Это борьба за жизнь, борьба за надежду – ни в одной области медицины это не ощущается так остро, как в вашей».

Джамиль Алиев внимательно выслушал мою «пламенную речь», и тихо сказал: «Возможно, вы правы. Приступим к делу...».

Я стал зачитывать отдельные абзацы текста, параллельно Джамиль Азизович пролистывал текст по второму экземпляру. Сначала всё шло гладко, и написанное не вызвало у него особых замечаний. И вдруг после очередного абзаца он остановил меня: «Рафик Ашрафович, а это не слишком?!». «Не слишком», – тут же возразил ему я, четко не представляя себе, о чем идет речь, но догадываясь, что написанное касается его личности. «Не слишком», – повторил я. – О вашей скромности и скромности вашей семьи хорошо известно. Даже известно, что вы отменили в последний момент шоу-рекламу, которую предполагали сделать в день открытия онкологического центра. К этому я мог бы добавить еще много примеров. Так что не лишнее и не слишком. То, что я пишу, основывается на фактах, это не плод моего воображения, за каждое слово я несу ответственность, могу ответить головой», – закончил я свою тираду, улыбнувшись.

Джамиль Азизович немного удивленно смотрел на меня, явно не ожидая такого эмоционального всплеска. Потом тихо сказал: «Давайте продолжим». Дальше пошло гладко. Не было остановок, не было замечаний, только изредка Джамиль Азизович в знак одобрения слегка кивал головой, и вдруг сказал: «Откуда вы всё это собрали и узнали?». «Я следил за вами», – ответил я, улыбнувшись. Джамиль Азизович мельком взглянул на часы. Заметив это, я предложил: «Оставляю вам статью для более внимательного ознакомления. Прошу извинить за время, которое занял, но без вас эту работу я не смог бы довести до ума». Прощаясь, попросил его о встрече – он пообещал, и я покинул его кабинет.

Уже у порога кабинета не выдержал и еще раз обратился к Джамилю Азизовичу: «Мой очерк о вас – это не просто дань уважения, хотя это тоже присутствует. Это потребность, необходимость донести кусочек правды о становлении онкологической службы в республике. Говорят, что со стороны виднее. Поэтому решил написать очерк, причем «черно-белый», документальный, без красок, не цветной, без лакировки. Чтобы показать, как было непросто создавать центр, а вы многие годы неукоснительно, несмотря на различные передраги и трудности, шли к этой цели. Я очень надеюсь, что мне это удалось». «Я тоже надеюсь», – сказал он и пожал мне руку.

Возвращаясь домой после встречи, подумал: «Порою жизнь общественно-значимых людей – это жизнь под светом ярких прожекторов». Право, трудно сказать, что чувствует актер на сцене, освещенной многочисленными прожекторами, где каждый шаг, каждое движение становится достоянием сотен, может, тысяч очевидцев-зрителей, пришедших посмотреть спектакль. Не знаю, но, видимо, люди общественно-значимые также определены судьбой быть постоянно в фокусе внимания общества, поэтому каждый их шаг, каждое движение и поступок живо обсуждается в обществе, среди населения».

Вспомнил, что эту мысль Джамиль Азизович подтвердил в разговоре со мной, рассказывая о своем жизненном пути:

«Со стороны кажется всё просто и гладко. Но это не совсем так. Порою мне кажется, что я всю жизнь провел под светом юпитеров, как на сцене. Случайный неверный шаг мог стать предметом обсуждения общественности, любое неосторожно оброненное слово или нечаянная оброненная фраза могли стать предметом спекуляции. Всё время приходится держать себя в руках, контролировать каждую фразу, каждое слово, ох, как это непросто...

У Джамिला Азизовича с этим всё в порядке. Быть заметной фигурой в общественной жизни, иметь многочисленные регалии и награды и вести себя скромно и незаметно. Думаю, что это у них «в крови», а также от воспитания. Он рос в семье, где основным требованием было скромное поведение, где главным являлся труд, где культивировались учеба, музыкальное образование, любовь к книгам, где значимость личности видели не в грубой физической силе, а в мощи духовности. Поэтому такой результат.

Читатель может подумать, что автор лукавит. Увы, нет. Есть духовная жизнь, где обмануть невозможно, это искусство. Гюляра Алиева, его сестра, была выдающимся музыкантом-пианистом. Организованный ею оркестр «Дан Улдузу» еженедельно услаждал нам слух замечательным исполнением популярных музыкальных произведений. И по сегодняшний день у людей на слуху – мелодичные песни, виртуозное исполнение и высокое мастерство исполнителя и руководителя оркестра Гюляры Алиевой. В музыкальной культуре, так же, как и в медицине, всё на виду – или можешь, или нет... По-моему, у Вересаева в «Записках врача» есть запись: «Врач, как и хороший скрипач, должен играть хорошо, или вообще не играть». И вот уже не один десяток лет мы являемся свидетелями, как на наших глазах создается онкологическая служба в Республике.

Не слова, а дела – вот главный приоритет руководителя онкоцентра профессора Джамिला Алиева. Согласитесь, иметь возможность – не главное. Главное – уметь реализовать эту возможность на сто процентов.

С первых шагов он хотел выйти из тени своих знаменитых родителей, иметь свой жизненный путь, свое общественное лицо. И так, шаг за шагом, поднимаясь по ступенькам профессионального мастерства и административного опыта, он сделал себе имя, которое навсегда будет связано с отечественной онкологией. Буквально по кирпичикам он строил здание будущей национальной онкологии, как цельной системы, оказывающей полноценную помощь населению республики.

В памяти звучали его слова: «Думаете, всё, что вы увидели, возникло сразу, благодаря моим усилиям? Хочу подчеркнуть, что эта отрасль медицины родилась давным-давно. Сначала медленными, неуверенными шажками набирала силу. У истоков онкологии в Республике стояли М.Аликишибеков, И.Гинзбург, А.Аббасов, М.Абдуллаев, Р.Рагимов, в последнее время успешно работает академик А.Амирасланов. То, что сделано, несомненно, является результатом деятельности большого коллектива.

Но вклад в развитие отечественной онкологии самого Джамिला Азизовича трудно переоценит. Он сделал в этой сфере много, но не собирается останавливаться на достигнутом. Он постоянно в работе, в деле, ему некогда разминивать себя на псевдонаучные конференции, совещания, на которых ничего не решают, на всякого рода

пустословные говорильни.

Он сдержан в своих эмоциях, этому научила его специальность, тысячи людей, которые обращаются к нему, находят поддержку. Без этого нельзя. То, чем он занимается, – онкология, – предполагает битву до конца. И в этом он чувствует себя генералом-полководцем, который ведет сражение – до победы. Он видит стратегию, как большой военачальник, сражение и перспективы развития онкологии в республике, и он работает на опережение. Профилактика, ранняя диагностика, диспансеризация – вот ключ к решению проблем онкологии.

Не менее важное качество руководителя – это забота о своих сотрудниках, заинтересованность в их профессиональном росте, их мастерстве. Отсюда регулярные научные командировки, стажировки за границей, в мировых клиниках и затем – внедрение современных методов в клиническую практику.

Посмотрите на его окружение, это, в основном, новая генерация специалистов высокого класса, прошедших клиническую стажировку, получивших образование за рубежом, владеющих иностранными языками и нацеленных на современные методы лечения.

С кем бы мне ни приходилось беседовать, все в один голос: «Он стоит за нами как скала». Будучи строг, даже слишком к нарушениям деонтологии и абсолютно непреклонен в искоренении проступков в клинике, он бывает исключительно внимательным к нуждам своих сотрудников.

Главное, что Джамиль Азизович сделал за последние годы – создал стройную систему помощи и лечения онкобольным. Ранняя диагностика, диспансеризация, современный уровень медицинского обслуживания и лечение. Создал центр, в котором оказывают медуслуги на уровне мировых стандартов. Выделяемые государством средства не распыляются по мелким малозначимым проектам, а целенаправленно используются для закупки самого современного медицинского оборудования для строительства новых корпусов, для обучения, стажировки и повышения квалификации молодых медицинских кадров.

Теперь, спустя десятилетие, понимаешь, что свою функцию и обязательства руководителя он выполнил на все сто процентов. В республике создана стройная система помощи онкологическим больным – от ранней диагностики до последующего наблюдения и лечения. Диспансеризация – вот первооснова онкологии и раннее выявление признаков заболевания. Развитая сеть кабинетов и вершина Республики – онкоцентр, который может служить образцом современной клиники, где ежедневно обследуются и получают лечение сотни больных на уровне мировых стандартов.

Имея высокое звание руководителя, титулы, научные степени, награды, Джамиль Азизович имеет самое главное – это признание своего коллектива и любовь народа. Не случайно за глаза коллектив и в народе его называют просто и ласково «Джамиль», забывая при этом назвать его отчество, а, может быть, подчеркивая тем самым его личный авторитет как специалиста и благородного человека. «Пойдем к Джамилю, он поможет». Вот главное. Ему верят, на него надеются, к нему идут с верой и надеждой!

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

Фултон, 5 марта 1946 г.

Штандарты рейха пали у Кремля.
Еще войны кровоточили раны,
Свернулись по «Лендлизу» караваны,
Кроилась побежденная земля.
Возездие пришло неотразимо,
И участь их была предрешена,
Когда мир ужаснула Хиросимой
Надменная заморская страна.
Судил-рядил, как дальше жить планете,
Какой явить сообществу пример,
Кому быть за прогресс теперь в ответе,
Вещал прибывший в Штаты экс-премьер.
Оратору рукоплескал и Трумэн,
В кармане пряча ядерный запал,
Не то, чтоб был безумен иль бездумен –
Он красную империю стращал.
Сэр Черчилль был явлением эпохи,
Как и его союзник Дядя Сэм,
Как Киплинга торжественные строки,
О том, кому быть путеводом всем
В строю цивилизованной планеты,
Восток и Запад не сойдутся век,
Напрасно тщатся красные Советы,
Не покраснеет белый человек...
Кивали на репрессии, режим,
И диктатурой тыкали в глаза,
Свобода с кабалой несовместима,
Насильем осчастливить мир нельзя...
Не вышло коммунизм ввозить на танках,
Свободу в бомболюк не запихнешь.
И никакими долларами в банках
Историю вперед не подтолкнешь.
Увы, раскол остался неизменен,
Хоть капиталом путь наш освещен.
Теряет нимб обожествленный Ленин,
А Николай убитый освящен,
Извечна распря мировых амбиций
В дежурной чередке высоких встреч.
На гегемонов время не скупится,
Маячит за речами тот же меч.

О, Каисса...

Этюд о шахматах

**Игра! Нет, это Гималаи мысли!
Головокружительные выси
И высший пилотаж ума,
И жизнь громкокипящая сама,**

**Дуэль характеров, идей, пристрастий,
Калейдоскоп триумфов и несчастий,
Обид досадных, промахов поспешных,
Восторг прозрений и ходов успешных...**

**Итак, вниманье! Тишина! Дебют.
И строг и тот-другой редут.
За первым шагом – тихим, осторожным–
События батальные грядут.**

**За выпадом, казалось, непреложным,
Ты можешь с толку сбить маневром ложным,
И огоршить ходом невозможным.
Ведя осаду шахского двора,**

**Лукавь, хитри, к удару изготавься,
Доказывай: теория стара,
Вот вам моя неслыханная новость:
Берите в плен хоть моего ферзя!**

**Соблазн отвергнуть ну, никак нельзя...
Уже в разгаре жаркий миттельшпиль,
Блеснула ослепительная жертва,
Соперника убавив дерзкий пыл,**

**Да он и о регламенте забыл,
Пытаясь угадать причину жеста,
И вот знаток заезженных идей
Берет коварный дорогой трофей.**

**Тем временем противника армада
Врывается в смятенные тылы,
И близится тяжелая расплата,
И бастионы короля голы...**

**И наступает долгожданный эндшпиль,
К финалу близится уже игра,
И воинов становится все меньше,
И вот исход! Триумф! Гип-гип ура!**

***

**Харон, Харон, трудяга неустанный!
Как там, на Стиксе, у тебя дела?
Не заржавели в службе постоянной
Уключины тяжелого весла?**

**Что на земле подлунной ты оставил,
Не видя солнца, и луны, и звезд?
Сколько уже усопших переправил,
И чьи останки молча перевез?**

**А был ли у тебя какой-нибудь родитель?
Потомство? Дети? Внуки и родня?
За что тебя Господь возненавидел,
На каторжной работе хороня?**

**А может быть, придет пора такая,
Когда другой вершитель похорон,
Тебя в подземной миссии сменяя,
Объявится, как новенький Харон?**

**И где найдешь тогда приют последний?
Античный призрак, каторжник, изгой,
Навек сродненный выдумкой бессмертной
С подземною и призрачной рекой?..**

Из цикла «Этюды»

Эльхан Ибрагимов

**Редко вспоминают о вас,
Добрый и славный труженик,
Тесен, видимо, класс,
Отмеченных и заслуженных.
Перекрестились пути
Наши с вами ненадолго,
Порой приходилось идти
Через ухабы и надолбы.
Вы были тогда у дел
В старом нашем издательстве.
Коллега во мне углядел
Грех, обвинив в посягательстве.
На стол начальству легло
Письменное возмущение.
«Истцу» померещилось зло
В денежном выражении.
Тучи сгустились тогда
Над вашим слугой покорным,
Нависла, конечно, беда
Вместе с поклепом вздорным.**

Я прочесал перевод,
Выкинув отсебятину, –
Праздной фантазии плод,
Попросту – пошлятину.
Помню того «истца»
Неумолимого,
Рядом – в позе бойца –
Эльхана Ибрагимова.
Он защищал меня,
Корил и стыдил обвинителя,
Его самого вина,
Как мелочного гонителя.
Словом, гроза пронеслась.
И обошлось без кары,
Смягчилась служебная власть,
Унялся коллега ярый...
Маленький, щуплый почти,
Можно сказать, миниатюрный,
Эльхан Ибрагимов был чтим,
Не становясь на котурны.
Разве забыть добро,
Гревшее души зеленые,
Взявшихся за перо,
Верю окрыленных!

Лев Озеров

Скромный, ровный, неспешный,
Внутренне собранный, вдумчивый,
Голос – как стих взвешенный
Им обожаемого Тютчева.
Знает нас, как облупленных,
Скрасит укор иронией,
Жалуется птенцов излюбленных,
Алгебру мерит гармонией.
Помню, в квартире устада –
Барков и бригов армада, –
Все примостились шустренько,
Под потолком на люстре!
Мэтру привез из Болгарии
Парусник сувенирный.
Думал, модели старые
Примут фрегат ювелирный.
Ах, аксакал-романтик,
Как мне вас не хватает!
Там, на форштевнях и вантах
Дух «Бригантины» витает.
Чудится мне опять
Голос под парусами:
«Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами»...

Кровные узы

Были – не разлей вода,
Души друг в друге не чаяли.
Кто оплошал – не беда,
Обиды вскоре таяли.
Были живы старшие,
Здравствовали родители,
Пока потери страшные
Не тронули наши обители.
Шли чередою года,
Все было честь по чести,
Коль торжество иль беда,
Родичи всюду вместе.
Ушли в мир иной старики,
Ушли наши ангелы милые,
Заветам родства вопреки
Стали чужеть фамилии.
Они были наш камертон,
Дыханьем, самим присутствием.
Для младших – указ и закон,
Неписаная конституция.
Ушли в мир иной старики.
И стали чесать языки,
Кто новобрачных родных не поздравил,
(Положенный к свадьбе вклад не оставил)
Кто чей-то рождения день не заметил,
Кто явкой к больному себя не отметил,
Кто-то кому-то что-то сказал,
Кто-то к кому-то ходить перестал.
Претензии пухли день ото дня,
Чужела друг к другу взаимно родня.
И тени ушедших взирали сурово
Из мира иного, из мира другого.
На чад, позабывших уставы свои
И память святую в холодной крови.

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

СКАЗКИ, ПРИШЕДШИЕ ИЗ-ЗА ЗАВЕСЫ

*Светлой памяти моего
мужа Элхана посвящается*

Монета, исполняющая желания

В некоем шумном, бестолковом и переполненном людьми городе, на одной из сотен одинаковых улиц, застроенных похожими друг на друга домами, в тесной, забитой домашним скарбом и кишасей домочадцами квартире, жил одинокий и ненужный даже самому себе человек. Как у всякого, у него было множество желаний, но, здраво оценивая свои возможности, он понимал, что им не суждено сбыться, потому что рациональные способы их осуществления никак не вписывались в его жизненный сценарий. Таким образом, ему ничего другого не оставалось, как предаваться мечтам, уносясь в своём воображении в немыслимые дали и возводя там воздушные замки и дворцы неопишуемой красоты, всемогущим и полноправным хозяином которых был он один. Наверное, поэтому наш мечтатель так любил бродить в полном одиночестве по безлюдному ночному городу.

И вот однажды, совершая очередную совершенно бесцельную прогулку, он случайно подслушал разговор двух влюблённых, с интересом наблюдавших за звёздным небом. Юная парочка, делясь впечатлениями, воодушевлённо щебетала о том, что если за короткий миг, пока падает звезда, успеть загадать желание, то оно непременно исполнится. Этот способ показался ему столь заманчивым и таким доступным, что наш герой тут же решил его испробовать. Но как только вспыхнувшая и стремительно пролетевшая по небесному своду звезда, погаснув, исчезла из виду, прямо у него за спиной что-то со звоном ударило о булыжную мостовую. Опустившись на корточки, он старательно обшарил всё вокруг и вскоре наткнулся на обыкновенную медную монету мелкого достоинства. Наш мечтатель тотчас решил, что она была послана ему небесами и, несомненно, обладает способностью исполнять любые желания. Счастливый и окрылённый, он сжал чудесную находку в потном кулаке, чтобы уже никогда с ней не расставаться.

С той благословенной звёздной ночи так и повелось: стоило ему подбросить найденную монету и загадать желание до того, как она упадёт, как оно обязательно исполнялось. Жизнь нашего доселе невезучего героя преобразилась до неузнаваемости – успех сопутствовал ему в любом, даже самом провальном деле, а госпожа удача стала его верной спутницей.

Это продолжалось много лет, но однажды, так же неожиданно, как появилась, чудесная монета исчезла. То ли выпала из кармана, когда наш герой доставал платок, то ли он бросил её настырному попрошайке, спутав с обычной мелкой монетой, – доподлинно неизвестно, но только с той поры успех и удача стали всячески избе-

гать встречи со вчерашним счастливым.

Наш герой был безутешен и не знал, с кем поделиться своей бедой. Не найдя лучшего собеседника, он поведал обо всём дряхлому старичку, которого подобрал когда-то на улице и из жалости приютил в своём доме. Тот, не слишком веря в чудеса и падающие с неба рукотворные предметы, посчитал, что монету ненароком обронил случайный ночной прохожий, но не стал убеждать в этом своего благодетеля. Он был благодарен ему за кров и пищу и потому обрадовался представившейся возможности отплатить добром за добро.

Уже на другой день сметливый старичок принёс горемыке точно такую же монету со словами:

– После нашего вчерашнего разговора я вспомнил, что не так давно нашёл её на парадной лестнице. Не иначе, как вы обронили.

У нашего героя не было причин не поверить старичку, что это была та самая монета, которую он потерял. От радости он захлопал в ладоши и запрыгал на одной ножке, как ребёнок, получивший назад свою любимую игрушку.

Его желания вновь начали исполняться. Видимо, дело было вовсе не в монете. Тогда в чём же?

Посланник из вечности

Весьма набожный и благочестивый муж, жаждущий духовных откровений, но не имеющий способности их истолковывать, непрестанно обращался к Всевышнему с просьбой послать ему небесного вестника, облачённого в плоть, чтобы через того открыть ему сокровенную истину, доступную его пониманию, и указать пути её достижения. Его молитвы были услышаны, и во сне ему явился ангел, который предупредил, что на следующий день его посетит посланник из вечности и принесёт благую весть.

Ещё не рассвело, как наш богомолец уселся у окна, с нетерпением ожидая обещанного посланника. Рано утром к нему во двор забрела бездомная собака. Она так протяжно и жалобно скулила, что наш герой велел слуге бросить ей кость и гнать прочь. Ведь с минуты на минуту должен был явиться небесный посланник.

Вслед за собакой к воротам подошёл нищий странник-псалмопевец, которому наш богомольный праведник подал милостыню и поскорей отправил восвояси: нынче ему было не до его псалмов.

В полдень к нему наведался брат, живущий неподалёку, а позже со своей бедой обратился проезжий чужеземец. С его повозки соскочило колесо, и он слёзно просил хозяина о помощи. И тот нехотя согласился. Он все ещё надеялся на встречу с посланником и очень боялся её пропустить.

Ближе к вечеру в гости к нашему герою заглянул сосед. Он пришёл вернуть долг и заодно поболтать о делах житейских. Но беседа на этот раз явно не клеилась – хозяин был рассеян и молчалив. День медленно догорал в угасающем пламени заката, когда мимо ворот скорбно проскрипел несмазанными колёсами траурно-чёрный катафалк. И уже в сумерках залиvisto и жизнерадостно прозвенел весёлыми колокольчиками свадебный кортеж.

Так и не дождавшись посланника из вечности, наш опечаленный герой отправился спать.

Во сне ему вновь явился ангел, и наш герой не смог скрыть от него своей до-

сады:

– Почему ты солгал мне? Прошедшим днём мне пришлось встретить и проводить немалое количество людей, но обещанный тобой посланник так и не объявился!

Тот в ответ загадочно улыбнулся:

– Ангелы никогда не лгут. Ты просил послать тебе небесного вестника, облачённого в плоть, и твоя просьба была исполнена. Имеющий глаза да увидит, а имеющий уши да услышит. Все, кого ты встретил и проводил, были посланниками из вечности, и каждый поделился с тобой своей собственной истиной.

Первой пришла собака, чтобы сказать тебе, что пока ты живёшь исключительно потребностями тела и озабочен поисками хлеба насущного, ты всего лишь животное. Следующим вестником явился нищий монах. Он поведал тебе о том, что, только испытывая духовный голод и прося у мира духовного подаяния, ты пробуждаешься как духовное существо и обретаешь право называться человеком. Третье послание принёс твой родственник. Ему выпало напомнить тебе, что с обретением духовного зрения приходит понимание того, что каждый встреченный на твоём пути есть твой брат. Проезжий чужеземец, застрявший на дороге по воле судьбы, должен был заставить тебя осознать, что если всякий взывающий к тебе является твоим братом, то ему нельзя отказывать в помощи. А соседу, вернувшему долг, суждено было уверить тебя, что жизнь непременно возвратит тебе всё, что ты дал ей. Катафалк напомнил о смерти, которой не избежать никому из живущих, а свадебный кортеж – о том, что если ты выполнил своё земное предназначение, твой уход станет для тебя самого радостным переходом в мир Света, а не пугающим падением в тёмную бездну.

Родительское проклятье

Надо признать, что наш герой был никудышным сыном. Так считали не только его родители, но и все окружающие. Бесконечные пьяные загулы и дебоши превратили жизнь его близких в кромешный ад. Протрезвев, он каялся, на коленях вымаливая прощение, и клятвенно обещал стать другим, но каждый раз хватало его ненадолго. Так и двигался сей персонаж по зигзагам судьбы от одного раскаяния до другого, разрушая себя и истязая других.

И вот однажды, когда после очередной попойки он, разгромив весь дом, сломал любимую скрипку своей младшей сестры, несчастные родители в порыве праведного гнева прокляли собственного сына и отреклись от него. Девушка родилась слепой, и в кромешной тьме, которая её окружала, скрипка была для неё единственной отрадой.

Осознав, что он натворил, дебошир, выбежав за ворота, в отчаянии помчался к реке с чётким намерением утопиться, чтобы разом решить все проблемы. Однако в последний момент что-то его остановило. Стоя на берегу, у самой кромки воды, наш непутёвый герой на минуту замер, погрузившись в свои невесёлые думы. Он вдруг вспомнил, сколько зла успел совершить за свои неполные тридцать лет, и ужаснулся. Ему захотелось немедленно всё исправить, и он бросился назад к родителям в надежде, что те простят и поверят ему в последний раз.

Он бежал с колотящимся сердцем, не разбирая дороги и не замечая ничего вокруг. Самое главное – успеть, пока не поздно. Только возле самого дома ему на мгновение показалось, что всё как будто переменялось. Но он списал это на туман в голове из-за тяжёлого похмелья.

Ворота были заперты на засов, и ему пришлось долго стучать, прежде чем незнакомая пожилая женщина в тёмных очках распахнула пред ним калитку.

– Что вам нужно? – учтиво спросила она.

– Кто вы? – удивился наш герой. – Что вы здесь делаете?

– Я здесь живу. А вы кто?

Внезапно без тени сомнений он понял, что перед ним его слепая сестра, которую с трудом можно было узнать в этой немолодой грузной женщине. Всего несколько минут назад ей было двадцать пять, и выглядела она совсем иначе. Ему стало не по себе. Он смотрел на неё как замороженный:

– На тебя будто порчу навели. Разве ты не узнала меня по голосу? Я твой брат.

Едва он произнёс эти слова, как женщина в испуге отшатнулась:

– Грешно шутить над чужим горем, пользуясь моей слепотой.

– Мне совсем не до шуток. Что здесь произошло за то время, что я отсутствовал? Где отец и мать?

– Если ты и вправду мой брат, то должен знать, что родители не смогли пережить известия о твоей смерти. Они считали, что тебя погубило их родительское проклятье, сказанное в сердцах, и во всём случившемся винили себя.

– Что ты такое говоришь, сестра! Я здесь, рядом с тобой! Я жив!

– Мы нашли на берегу твою куртку и решили, что ты утонул.

– Но меня не было каких-то несколько минут!

– Опомнись! Тридцать лет минуло с тех пор, как ты убежал из дома и бесследно пропал.

Наш герой машинально взглянул на свои руки и закричал от ужаса – морщинистая кожа, покрытая пигментными пятнами, какие бывают у стариков, набухшие вены, узловатые, скрюченные пальцы... Но как такое может быть?!

Сестра, как в прежние годы, слегка коснулась ладонью его лица:

– Где же ты был всё это время, брат?

– Стоял на берегу реки.

Скрытое благо

Вся деревня увлечённо готовилась к предстоящей поездке на ярмарку, которая должна была открыться в соседнем городе в ближайшее воскресенье. В домах и в сердцах царил суетливое предпраздничное настроение. Кругом слышались шутки и весёлый смех. И только в одном доме его обитателям было не до веселья – неожиданно слёг с тяжёлой лихорадкой глава семьи. Отправляться в дорогу в таком состоянии он не мог, домашним тоже пришлось отказаться от поездки и остаться вместе с ним. Жена и дети старались не подавать виду, что расстроены, чтобы не огорчать больного. Но тот, догадываясь об их истинных чувствах, стал бранить и корить себя за то, что невольно лишил их долгожданного праздника.

Его мать, старая мудрая женщина, властным движением руки резко остановила словесные излияния сына:

– В напастях, что посылает нам судьба, есть скрытое благо. За него приходится платить, иногда до того, как оно станет явным. И цену назначаем не мы.

Сын, мучимый чувством вины, обиженно насутился:

– Какое такое благо может скрываться в моём недуге, за которое расплачивается вся наша семья?

– Мы узнаем об этом в свой срок, – коротко ответила женщина, взглядом дав понять, что разговор на эту тему закончен.

На рассвете следующего дня все жители (пожалуй, кроме древних старух и стариков), нарядные и улыбающиеся, на украшенных цветными лентами телегах и повозках дружно отправились в город. Они вернулись под утро, но совсем не так, как рассчитывали. Когда после ярмарки, уставшие и довольные, нагруженные товарами и подарками, люди возвращались домой, на них напали разбойники. Отняли всё, многих избили, других покалечили, а иных и убили.

Сообщив эту ужасную новость домочадцам, мать, обратившись к сыну, добавила:

– Вот мы и узнали, какое благо скрывалось за твоим недугом.

– Допустим, мы сполна заплатили за сохранённые жизни и нетронутое имущество, – скрепя сердце согласился тот, – а за что, скажи на милость, расплатились наши ни в чём не повинные соседи?

– За праздник, на котором от души повеселились. Увы, цена оказалась непомерно высокой.

Оставленные башмаки

Трое юношей обратились к Мастеру с просьбой принять их в ученики. Получив согласие и пройдя обряд посвящения, неопиты стали повсюду следовать за своим наставником, всячески демонстрируя полную покорность и абсолютное повиновение, как того требовали правила ордена, к которому они примкнули.

В вечных скитаниях, являющихся составной частью обучения у бродячих деревнишей, прошло несколько лет. Нередко ночь заставляла путников в дороге, и тогда подстилкой им служила земля, а покрывалом – звёздное небо. Всё это время они не расставались, но вот однажды, проснувшись поутру, юноши не обнаружили рядом с собой своего учителя. Он бесследно исчез, только на примятой за ночь траве остались стоять его деревянные башмаки.

Поначалу они были уверены, что он вернётся, но этого не случилось ни в тот день, ни на следующий. Ученикам потребовалось немало времени и мужества, чтобы смириться с мыслью, что дальше им придётся двигаться по жизни уже без него. Однако каждый выбрал свой собственный путь, истолковав поступок учителя и оставленный им знак по-своему.

Первый юноша (самый практичный из троих) решил, что тот отрёкся от них и попросту сбежал, а неудобные изношенные башмаки оставил надоевшим ему ученикам не иначе, как в качестве прямого намёка – дескать, бросаю вас за ненужностью и бесполезностью, как этот негодный хлам. Задетый за живое его дерзкой выходкой, он, не раздумывая, двинулся в путь на поиски другого учителя.

Второй юноша (самый преданный из всех) пришёл к заключению, что в молитвенном экстазе наставник вознёсся в те сферы, где обувь не нужна, а оставленные им башмаки можно рассматривать как некий знак, указывающий на необходимость следовать по его стопам. Ну, действительно, чем не явный символ – надень их на ноги и отправляйся напрямик туда, где отныне пребываю я! Упомянутый юноша именно так и поступил, сделавшись в одночасье верным последователем своего исчезнувшего учителя. Со временем ему даже удалось собрать вокруг себя группу фанатично настроенных единомышленников, а пара изношенных башмаков стала

для многих из них предметом поклонения.

А третий юноша (самый мудрый) подумал, что оставленные наставником старые башмаки не что иное, как обращённый к ученикам призыв оставить старую жизнь и, не оглядываясь назад, начать искать свой путь к просветлению. И эти поиски он направил внутрь самого себя. Со временем они привели его к желаемой цели. Так бывший неофит стал Мастером.

Спустя много лет пропавший некогда учитель сам нашёл к нему дорогу.

– Теперь ты знаешь, почему когда-то давно я покинул вас так внезапно? – спросил он при встрече.

Тот, кто был когда-то его учеником, улыбнулся в ответ:

– Ты не хотел, чтобы мы шли по оставленным тобою следам. Ведь каждый должен сам проложить свой путь в неизвестное. Но позволь и мне задать тебе один вопрос. Что означали оставленные тобой башмаки?

– Ровным счётом ничего, – удивлённо пожал плечами учитель. – В то утро я так торопился, что по рассеянности просто-напросто забыл про них.

Украденный посох

На постоялом дворе толпилось много всякого народу, но высокий старик с прожигающим насквозь взглядом и копной длинных седых волос, одетый в заплатанный балахон до пят, всё же резко выделялся в этой шумной разношерстной толпе. Очевидно, он отправился в путь налегке: у него не было даже котомки за плечом, а в руках – только простой деревянный посох.

Своим внешним видом он ненароком привлёк внимание человека, промышленящего воровством. К разочарованию воришки карманы потенциальной жертвы оказались пустыми, но от его внимательного взгляда не ускользнуло странное поведение необычного старика. Время от времени тот едва заметно стучал посохом по земле, при этом что-то бормоча себе под нос. Продолжив наблюдение, воришка заметил, что сразу после этого каждый раз происходило нечто необъяснимое – сперва, словно из ниоткуда, на столе появилась миска с дымящейся похлёбкой, потом глиняный кувшин с водой, а напоследок старик коснулся посохом калеки, и тот, отложив в сторону костыли, самостоятельно дошёл до повозки, на которой его привезли.

Сообразив, что перед ним настоящее сокровище, с помощью которого можно легко разбогатеть, наш вор замыслил недоброе. Ночью, когда все обитатели постоялого двора заснули, он, пустив в ход всё своё мастерство, преспокойно стащил посох и скрылся. Отыскав укромное место, похититель долго стучал им о землю, озвучивая свои желания сначала шёпотом, а потом во весь голос, но чуда не происходило. Повторяя свои попытки снова и снова, бедняга окончательно выбился из сил – увы, всё было напрасно. Тогда, не на шутку разозлившись, он положил один конец посоха на камень и ударом ноги разломал его надвое.

– Теперь мне придётся выстругать новый. Впрочем, я могу обойтись и без него, – раздался у него за спиной чей-то насмешливый голос.

Обернувшись, незадачливый похититель увидел перед собой таинственного старика в заплатанном балахоне и буквально съезжился под его пронизывающим взглядом.

– Без своего посоха ты ни на что не годен, проклятый колдун! – с вызовом

крикнул он, стараясь скрыть охвативший его страх.

– Ты так и не понял, глупец, что дело вовсе не в посохе, – усмехнулся старик.
– В моих руках даже простая палка способна превратиться в волшебную, в твоих же – и магический жезл становится обыкновенной палкой.

Возвращение

Двое влюблённых в минуту особой духовной близости дали друг другу клятву никогда не расставаться. Они собирались соединить свои судьбы в одну, связав их священными узами брака. Однако этому не суждено было случиться – за день до свадебной церемонии юноша погиб. Обезумевшая от горя невеста едва не лишила себя жизни, лишь вовремя подоспевшая мать смогла уберечь несчастную от рокового шага.

Девушка не забывала о своём возлюбленном ни на минуту, мысленно обращаясь к нему со словами той самой клятвы. И вот однажды, словно услышав её, он пришёл к ней во сне и пообещал, что вернётся. Незримая связь, сохранившаяся между ними даже после его смерти, заставила её поверить в невозможное и дала силы жить дальше. Не слушая уговоров родителей и отвергая доводы рассудка, с той самой ночи она стала ждать его возвращения.

Но время шло, а он всё не появлялся. Молодость не терпит одиночества: тело жаждет ласки, сердце – любви, а живое тянется к живому. Боль утраты не прошла, но притупилась, и наша героиня начала, наконец, замечать на себе заинтересованные взгляды мужчин. А один из них, самый решительный и настойчивый, предложил ей выйти за него замуж, и девушка обещала подумать. В ту же ночь бывший возлюбленный вновь явился к ней во сне и благословил её на брак. Она перестала противиться неизбежному и дала своё согласие.

Спустя девять месяцев у неё родился сын. Его появление окончательно вернуло её к жизни. Теперь она вспоминала о своей первой любви со светлой печалью и тихой радостью.

Дни складывались в недели, недели – в месяцы, а месяцы – в годы. И вот однажды ей приснился сон, что она потеряла своего возлюбленного в тёмном непроходимом лесу и никак не может найти. Она кричала во весь голос, звала его, захлёбываясь слезами, но никто не откликнулся на её зов, только ветер тревожно шумел листвою, да мрачные тени, извиваясь и шипя, ползали у её ног.

Неожиданно из-за деревьев донёсся звонкий смех и навстречу ей, широко раскинув руки, выбежал самый близкий и дорогой ей человек – её маленький сынишка.

Она застыла на месте, словно заворожённая.

Ребёнок крепко обнял её колени и, задрвав кверху кудрявую головку, изумлённо воскликнул:

– Неужели ты не узнаёшь меня? Ведь это я! Я вернулся!

Женщина проснулась с мокрыми от слёз глазами. Теперь, когда наконец она всё поняла, ей казалось таким необъяснимо странным, что она не замечала раньше, как поразительно похож её сын на того первого и единственного, которого забрала у неё смерть, но который навсегда остался в её сердце. Он не солгал ей. Он действительно вернулся.

Побеждённый дракон

К нашему внешне ничем особенным не примечательному герою с самого его рождения каждую ночь прилетал гигантский дракон. Крылатое чудовище смотрело на него через закрытое окно огненным всепроникающим взглядом и как будто пыталось что-то сказать.

Поскольку ночной гость оставался невидимым для всех, кроме нашего героя, родители сочли его рассказ то ли нелепой детской выдумкой, то ли сюжетом из приснившегося кошмара и по совету семейного доктора постарались убедить напуганное чадо, что дома оно в полной безопасности и от любого внешнего зла защищено крепкими стенами и надёжными запорами. А воинственно настроенный отец заверил своего наследника, что когда он вырастет и станет сильным и смелым, то сразится с ужасным монстром и убьёт его.

Наш герой повзрослел, но так и не отважился вступить в битву с чудовищем, справедливо рассудив, что победить его в одиночку вряд ли возможно. А спустя годы он и вовсе уверовал в то, что дракон всего лишь плод его воображения, фантазмагорический образ, пришедший из глубин подсознания, и о нём лучше помалкивать, дабы не сделаться мишенью для злых насмешек и не прослыть душевнобольным. Чтобы оградить себя от преследующего его видения, с наступлением темноты наш осторожный и предусмотрительный герой наглухо закрывал ставни, плотно задёргивал шторы на окнах и до рассвета никогда не покидал своё жилище, напоминающее неприступную крепость.

Так в тайных страхах и сомнениях, терзающих сердце и разъедающих душу, промелькнула целая жизнь. А когда от неё уже почти ничего не осталось, кроме ожидания неотвратимого конца, он, устав бояться и изо дня в день лгать самому себе, твёрдо вознамерился встретить смерть не в окружении детей и внуков, а один на один со своим главным страхом. Дождавшись ночи, наш герой совершил невозможное – поддавшись внезапному порыву, не свойственному его натуре, распахнул настежь окно и, глядя в прямо глаза дракону, громко выпалил:

– Ты можешь покончить со мной прямо сейчас! Я готов принять вызов и умереть!

Дракон был потрясён его словами.

– Но я вовсе не собираюсь причинять тебе вред. Я твой небесный покровитель и всегда хотел стать твоим другом, – растерянно ответил он.

Такие разные помощники

Дома стояли рядом, но были столь же непохожи, как их хозяйки. В том, что плоше и победнее, за редкой деревянной изгородью, жила женщина приветливая и добрая, но не слишком удачливая. Ей не раз приходилось сталкиваться с человеческой подлостью и несправедливостью, но золотое сердце её от этого не очерствело и не ожесточилось, только часто ныло от обиды. В соседнем же доме, том, что крепче и побогаче, за высоким каменным забором обитала самая настоящая ведьма. Ведь именно так обычно называют представительниц женского пола, обладающих не просто скверным характером, а прямо-таки отталкивающе-злобным и мстительным нравом. Но это ничуть не мешало её делам идти как нельзя лучше. Ведьма не приобрела друзей, но и врагов не имела – она владела тайнами магического ремесла, и

люди её боялись.

Шла как-то через деревню блаженная странница, имени которой никто не знал, но про которую в народе говорили, что за ней следом идёт Божье благословение, а её устами глаголет Святой Дух. Время от времени она неожиданно приходила к тем, кого избирала сама по признаку, известному только ей одной. Проходя мимо дома ведьмы, блаженная слегка замедлила шаг и, погрозив пальцем кому-то невидимому, двинулась дальше.

В дверях соседнего дома, куда она свернула, её радушно встретила хозяйка:

– Приветствую тебя, святая провидица. Никак не возьму в толк, почему из всех домов в нашей деревне ты выбрала мой, самый неприметный и неказистый?

Та в ответ ласково улыбнулась:

– Твой ангел-хранитель привёл меня сюда.

– А я думала, что он забыл обо мне, – печально вздохнула женщина. – Брал бы пример с ангела-хранителя моей соседки. Вот кто помощник в любом деле!

– Дела её злы, и в них ей помогает не ангел. Ведьме служит демон. Здесь, на грешной земле, он хозяин, поэтому и заботится не о небесном, а о земном. А твой ангел-хранитель призван спасти прежде твою бессмертную душу, нежели брренное тело.

– Помощь нужна при жизни, – горько усмехнулась женщина. – Когда наступит для нас обеих время умирать, от смерти не спасёт ни демон, ни ангел.

– Но зато после смерти демон низвергнет её в могильную тьму, а твой ангел вознесёт тебя к Свету, – ответила провидица.

Дом с призраками

Двум сёстрам после смерти их дальнего родственника достался в наследство его старинный родовой дом. По слухам, покойный, живя затворником, всерьёз увлекался чёрной магией. Может быть, поэтому после появления новых хозяев в доме стали твориться более, чем странные вещи, способные напугать даже самого закаменелого скептика или отчаянного храбреца. Что уж говорить о двух простых женщинах, воспитанных обществом в страхе перед всем непознанным, неизвестным и необъяснимым! Радость их по поводу нежданно-негаданно свалившегося на них богатого наследства оказалась недолгой. Ещё бы! По комнатам сами по себе двигались предметы, исчезая в одном месте и появляясь в другом, в камине внезапно вспыхивал и гас огонь, по ночам отовсюду слышались посторонние голоса и раздавались непонятные звуки. А вскоре сёстры и вовсе начали замечать полупрозрачные силуэты, разгуливающие по лестницам и коридорам и свободно перемещающиеся прямо сквозь стены.

Чтобы избавиться от нечисти, наследницы пригласили в дом священника, но проведённые им обряды с зажиганием свечей и обкуриванием помещений, сопровождаемые протяжным песнопением под звон серебряных колокольчиков, не возымели никакого действия.

– Изгоняйте злых духов непрерывными молитвами. Молитесь денно и нощно, рабы божьи, дабы уберечь от зла ваши души, – посоветовал женщинам духовный пастьер, сам ничем не сумевший им помочь.

Старшая сестра, женщина послушная и весьма набожная, тотчас принялась усердно молиться. Присутствие в доме призраков казалось ей не чем иным, как карой

небесной за её греховные помыслы и недостаток веры. Желая доказать обратное и тем самым исправить ситуацию, она часами простаивала на коленях, истово призывая на помощь всех известных ей святых заступников, каждого поимённо.

Младшая сестра, с детства привыкшая во всём следовать примеру старшей, первое время тоже молилась вместе с ней. Но очень скоро ей это наскучило, к тому же она обнаружила, что призраки никак не реагируют на их молитвы и ведут себя так, будто они здесь настоящие хозяева, а вовсе не сёстры.

Однажды вечером, порядком утомившись от бесполезных молитв и от безнаказанных проделок разбушевавшихся духов, она, яростно топнув ногой, крикнула что есть мочи в адрес непрошенных гостей:

– А ну пошли прочь, окаянные! Это моя территория! Вон отсюда!

Самое поразительное, что призраки тут же подчинились, сразу и навсегда покинув её половину дома. Зато они прочно обосновались в комнате её старшей сестры, которая с прежним усердием продолжала молиться, словно не замечая своих бестелесных соседей. А они жили своей привычной жизнью, не обращая внимания на скорбную женскую фигуру, застывшую на полу в неестественной позе. Устремив глаза в пустой потолок, она с отчаянной одержимостью бормотала себе под нос слова, предназначенные кому-то невидимому и понятные только ей одной.

Бродячий факир

В маленьком захудалом городишке, немногочисленные жители которого были лишены даже самых простых развлечений, однажды днём появился странного вида незнакомец с перекинутым через плечо дорожным вещевым мешком. Дойдя до центральной площади, он остановился, скинул свою ношу и один за другим вытащил оттуда три предмета: моток верёвки, потёртый коврик и деревянную дудочку.

Постелив коврик под себя, человек взял в руки дудочку и сыграл на ней короткую незамысловатую мелодию, а затем, скрестив пальцы на коленях и закрыв глаза, стал терпеливо ждать. Ожидание, представьте себе, продлилось недолго: вскоре на площади собралось достаточное количество зевак из числа горожан, обступивших его со всех сторон плотным кольцом.

Встав в полный рост, незнакомец обвёл гипнотическим взглядом притихшую толпу, а когда она, отступив, подалась назад, быстрым движением размотал верёвку и, лихо размахнувшись, с силой подбросил вверх один её конец. В полёте ей каким-то чудесным образом удалось вытянуться во всю длину и, зацепившись за что-то, находящееся за пределами видимости, фактически повиснуть в воздухе. Другой конец верёвки остался в руках у незнакомца. Ухватившись за него, он начал проворно взбираться вверх, пока не исчез из виду. Через минуту, вновь появившись из ниоткуда, ловкач тем же манером спустился вниз. Едва коснувшись ногами земли, он резко дёрнул за висящий конец верёвки, а когда она упала вниз, запихал её в мешок вместе с остальным реквизитом.

Потрясённая невероятным зрелищем публика пришла в неистовство, и в подставленную шапку со звоном полетели монеты самого разного достоинства. Ссыпав их в карман, факир сдержанно поклонился, послал прекрасным дамам воздушный поцелуй и, не обращая внимания на восторженные крики с просьбой повторить выступление, двинулся прочь из города.

Несколько наиболее отчаянных зрителей, жаждущих раскрыть тайну трюка,

увязались было вслед за ним, однако все их вопросы, обращённые к неразговорчивому чародею, остались без ответа. Поневоле беднягам пришлось вернуться ни с чем.

Городок остался далеко позади, когда чародея догнал юноша, который в своём стремлении докопаться до истины решил не отступать и идти до конца.

– Как тебе это удаётся? – робко спросил он, тронув факира за рукав.

– Откровенно говоря, я и сам не знаю, – честно признался тот.

– А как ты этому научился? – продолжал допытываться юноша, не отставая от него ни на шаг.

Окинув оценивающим взглядом собеседника, факир остановился:

– Мне нравится твоя настойчивость. Возможно, я тот, кто тебе нужен, и ты действительно готов выслушать мою историю, – помолчав и собравшись с мыслями, он продолжил вновь: – Это случилось много лет назад, в пору моего бесшабашного и озорного детства, которое прошло в маленьком горном селении. В нашей шкодливой мальчишеской компании сорванцов и бедокуров я был единственным тихоней, но изо всех сил старался походить на остальных ребят, гордых на всякие шалости и проказы. Как-то, рыская по окрестностям, мы наткнулись на бедно одетого старика, который мирно спал в тени выжженного молнией чинара. Мои изобретательные товарищи тут же придумали очередную забаву, поспешив воплотить её в жизнь: связали вместе старые стоптанные сандалии ни о чём не подозревающего бедолаги, забросили их на самую высокую ветку и, довольные своей удачной выходкой, задали стрекача. А я так и не смог покинуть место преступления и, оставшись один на один с жертвой нашей глупой и жестокой шутки, набрался храбрости и полез на дерево за сандалиями. Пока взбирался наверх, натерпелся страху, до крови исцарапал лицо и ободрал ладони, но всё-таки достиг своей цели. Положив заветный трофей, добытый в битве с самим собой, рядом с его законным владельцем и восстановив тем самым попорченную справедливость, я собирался потихоньку улизнуть, но неожиданно старик приподнялся и заговорил со мной. – Факир снова умолк, погружившись в воспоминания. – Повзрослев, я понял, что это был не простой старик, и что наша с ним встреча предопределила всю мою дальнейшую судьбу.

– Почему ты так решил? – озадаченно спросил юноша, внимательно выслушав рассказ факира.

– Оказалось, он видел всё, что тогда происходило с его злополучными сандалиями, в том числе и мой геройский поступок, и в благодарность обучил меня этому трюку, навсегда избавив от страха высоты и обеспечив возможностью зарабатывать себе на жизнь.

– А что для этого должен сделать я? – голос юноши дрожал от волнения.

– Старик предупредил меня, что только человек с чистыми помыслами способен проделать весь трюк без вреда для себя и с пользой для окружающих, – помедлив с ответом, признался факир. – Однажды один смельчак уже пытался подняться в небо таким непривычным способом, но верёвка сорвалась, и он, упав на землю с большой высоты, разбился насмерть. Даже знание сокровенного слова не убергло его от беды.

– А при чём здесь какое-то слово? – недоумённо пробормотал юноша.

– Неужели ты до сих пор не понял, что всё дело в тайном слове, наделённом магической силой, которая и удерживает верёвку в воздухе? – удивился факир. – Ведь она у меня самая обыкновенная, точно такую же можно купить на любом базаре. Итак, ты готов рискнуть своей жизнью? – он вопросительно уставился на юношу.

От волнения у того перехватило дыхание, и он лишь судорожно кивнул в ответ, не отрывая заворожённого взгляда от собеседника. Факир огляделся по сторонам и, хотя рядом не было ни одной живой души, почти вплотную приблизил губы к самому уху юноши и шёпотом произнёс всего одно слово.

Далее вся церемония повторилась в той же последовательности, только в этот раз на глазах у единственного зрителя, и уже не факир, а юноша, резво взобравшись по верёвке, пропал из виду. Однако прошла минута, потом другая, но он не появлялся. И тогда не на шутку встревоженный факир, задрал голову и напряжённо вглядываясь в пустое небо, слегка потянул за конец верёвки. Итог этого привычного действия ошеломил его, заставив содрогнуться, – так же, как в прошлый раз, она бесшумно упала к его ногам.

Две Марии

Свою настоятельницу игуменью Марию монахини и послушницы просто боготворили, почитая за святую. В монастыре ей приписывали столько добродетелей, что их с избытком хватило бы на десяток праведниц, а за его пределами поговаривали даже о творимых ею чудесах. Одна из послушниц, тоже Мария, простая деревенская девушка, смотрела на неё как на икону, с замиранием сердца ловя каждое её слово и стараясь во всём ей подражать. Услышав однажды молитву, которую игуменья читала во время заутрени, и проникшись желанием её выучить, она попросила ту помочь ей в этом. Согласившись, игуменья потратила на это несколько часов. Однако все её усилия были напрасны: несмотря на неслыханное упорство, девушке никак не удавалось запомнить мудрёные слова молитвы. Бедняжка постоянно сбивалась и путалась, забывая то её начало, то конец.

Исчерпав запасы терпения, игуменья нашла соломоново решение: написала текст на клочке бумаги и, вручив его бестолковой послушнице, посоветовала ей учить молитву с листа. Та, робко кивнув в ответ, молча удалилась к себе.

На другой день, проходя мимо кельи девушки, настоятельница отчётливо услышала чей-то незнакомый голос. Приоткрыв дверь и с опаской заглянув внутрь, она едва не лишилась чувств от увиденного: за столом рядом с послушницей сидела... сама Дева Мария. Чтобы справиться с охватившим её волнением, игуменья невольно зажмурилась, а когда вновь открыла глаза, то, кроме девушки, в комнате уже никого не было. Всерьёз испугавшись за свой рассудок, она осторожно спросила:

– Мария, ты с кем-то разговаривала или мне показалось?

Залившись румянцем, та смущённо потупилась:

– Ах, матушка! Мне было стыдно признаться тебе, что я не знаю букв и совсем не умею читать. С твоим листочком я подходила ко многим сёстрам в монастыре, но никто из них не откликнулся на мою просьбу. Поэтому мне ничего другого не оставалось, как обратиться за помощью к Деве Марии. Это она была у меня, и это с ней я говорила.

– Как тебе такое в голову пришло? – едва переведя дух, пробормотала потрясённая игуменья.

– Это пришло не в голову, а в сердце. Дева Мария и прежде никогда не оставляла меня в беде и всегда откликалась на мои просьбы, – простодушно ответила девушка.

Добро и зло

Глубокой ночью, когда уставший от дневных забот город спал, погружённый во тьму, два попутчика, всячески избегавшие общества себе подобных по причине, известной только им, молча шли по пустынной улице. Поскольку один из них причислял себя к братству дервишей, а другой считался философом, то и молчали они по-разному. Пока дервиш пребывал в безмолвии, философ предавался размышлениям.

Как и следовало ожидать, молчание прервал любящий порассуждать философ.

– Почему не добро, а зло обладает большей властью над людьми? – продолжил он вслух собственные размышления.

Не слишком разговорчивый, как и большинство его собратьев, дервиш вынужден был включиться в беседу.

– Под влиянием эмоций, которые ими управляют, легко спутать одно с другим, – нехотя отозвался он.

– Возможно ли спутать тьму и свет?! – недоумённо воскликнул философ.

– Слепец не ведаёт разницы между ними, но прозревший духовно не ошибётся, хотя порой их проявления так похожи, что зло может предстать в облики добра, а добро – обернуться злом.

Философ собирался возразить, но не успел – не иначе, как в дело вмешался его величество случай. Всё произошло за считанные секунды в полусотне шагов от наших героев. По замыслу Создателя, им была отведена роль зрителей, а не участников.

Неожиданно из переулка вынырнул прохожий. Судя по его торопливым движениям, он явно куда-то спешил. Наперерез ему столь же неожиданно на бешеной скорости вылетела повозка, запряжённая шестёркой лошадей. Две дюжины копыт гулко и тревожно, как барабаны перед публичной казнью, отбивали дробь по булыжной мостовой, намереваясь привести в исполнение приговор, вынесенный самой судьбой. Время замедлило свой ход, позволив неумолимому року завершить начатое. Столкновение, казалось, было неизбежно. Путники замерли, приготовившись стать невольными свидетелями трагической развязки... Но внезапно какая-то расплывчатая тень, отделившись от вязкой темноты, ястребом метнулась навстречу приговорённому к смерти и, подхватив его, в одно мгновение перенесла на противоположную сторону улицы.

Неуправляемая повозка, громыхая колёсами, понеслась дальше, а потрясённый прохожий, чудом избежавший фатального конца, прихрамывая, добрёл до обочины и, опустившись на землю, принялся растирать ушибленное колено. Странная же тень, обретая плотность и приняв вполне осязаемые очертания, превратилась в человеческую фигуру в надвинутом на лицо капюшоне и, пройдя несколько шагов по тротуару, скрылась в поглотившей её темноте.

– На этот раз добро победило, – удовлетворённо вздохнул философ. – Только что на наших глазах ангел, спустившись с небес, спас человека.

– Приветствую твою веру в добро, но всё же выбираю истину, – печально покачал головой дервиш. – Ибо истина превышает наших представлений о добре и зле. И вот в чём она состоит: минуту назад один из тех, кого принято называть падшими ангелами, при поддержке сил Тьмы спас своего – человека, представляющего для тёмных исключительную ценность. В недалёком будущем ему предстоит выполнить особую миссию по упрочению зла на Земле, и силы Света попытались этому поме-

шать. Но им не удалось осуществить задуманное – тёмные воспрепятствовали правосудию, и зло одержало верх. Однако хочется верить, что спасённый оценит своё чудесное избавление не как дьявольский промысел, а как акт божественной милости, и навсегда отвратит своё сердце от зла. Вот тогда можно будет утверждать, что в извечной битве двух начал за его бессмертную душу действительно победило добро.

Смертельный выбор

Нашему первому герою суждено было стать врачом. Однажды и навсегда сделав свой выбор, он с фанатичной самоотверженностью помогал людям в их неравной борьбе со смертью. Он не опускал рук и не сдавался, даже когда не оставалось никакой надежды, и конец был близок и неотвратим. Проиграв одну битву, он не складывал оружия и отважно вступал в следующую. Иногда чудо всё-таки случалось, и безнадежный больной, уже отмеченный печатью смерти, неожиданно выздоравливал. Получив из рук судьбы второй шанс, он покидал своего спасителя счастливым и крылённый, унося с собой в свою новую жизнь дни и годы, которые тот ему подарил.

Сам врач умер в глубокой старости, и смерти пришлось долго сражаться, прежде чем она одолела его тело. Но дух его ей так и не удалось сломить.

Он мечтал, что сын продолжит его дело, но тот отказался следовать по стопам отца. Борьба со смертью не вдохновляла его и казалась бессмысленной, ведь любая одержанная победа была лишь отсрочкой приговора, который вынесен каждому ещё до его рождения.

Наш второй герой видел своё предназначение в том, чтобы избавить людей от страха перед смертью, и потому избрал стезю священника.

Юноша так объяснил свой выбор:

– Жизнь, даже самая успешная, скоротечна. Она – только подготовка к смерти, перед которой любой человек испытывает первобытный страх и которую принимает как неизбежное зло. Он должен узнать, что на самом деле смерть – это самое прекрасное из того, что может с ним произойти. Это возвращение Домой, в то единственное место во Вселенной, где нас всегда любят и ждут, простив нам все наши земные ошибки и прегрешения. Я проводник, благословляющий её приход, и моя задача – сделать это возвращение светлым и торжественным праздником.

Священник покинул этот мир в преклонных летах, и близкие родственники, присутствующие при его кончине, рассказывали, что в момент ухода лицо его озарила счастливая улыбка, словно он вернулся в отчий дом после долгой разлуки.

Сын его не пожелал стать ни врачом, ни священником, поскольку ни его дед, отвергавший смерть, ни его отец, приветствовавший её приход, не сумели её избежать. Достигнув зрелости, наш третий герой сознательно сделал свой собственный выбор в пользу бессмертия и потратил целую жизнь на то, чтобы достичь этой непостижимой разумом цели. В отличие от своего отца и деда, он был не слишком озабочен проблемами других и потому не стремился помогать людям в том, в чём старался преуспеть сам. Однажды вечером он вышел на обычную прогулку по городу и не вернулся.

Никому доподлинно не известно, что же случилось на самом деле. Но некоторые утверждают, что после таинственного исчезновения его якобы встречали где-то в спешащей толпе или видели сидящим на скамейке в безлюдном парке. Впрочем,

что-то подобное говорили и про тех немногих, кто, как и он, осмелились бросить вызов смерти.

Не оставив на земле своего тела, наш ни на кого не похожий герой отправился туда, где кончается время и начинается Вечность. К нему никто не примкнул, но ведь он и не искал попутчиков, потому что позвавшее его бессмертие окутано одиночеством и неизвестностью. А одиночество и неизвестность страшат смертных больше, чем сама смерть.

Таинственное исчезновение

На этой маленькой тенистой улочке, расположенной на окраине города, все соседи хорошо знали друг друга. А с течением времени отношения между ними и вовсе сделались почти родственными. Однако кое-кто всё же предпочитал держаться особняком. Так, умудрившийся оставаться для всех безымянным молодой щеголеватый холостяк с броским запоминающимся лицом и надменным взглядом всячески сторонился любопытных и словоохотливых соседей, упорно избегая вопросов и разговоров на личные темы.

Злые языки поговаривали, что, несмотря на примечательную внешность и неприступный вид, он работал обычным банковским служащим, получая весьма скромное жалованье. Впрочем, слухам, как известно, не всегда нужно и можно верить. Так вот, каждую субботу этот самый господин садился в свой надраенный до зеркального блеска автомобиль и уезжал на все выходные в не известном никому направлении.

Протекавшая у всех на виду жизнь каждого обитателя окраины была так уныла, предсказуема и однообразна, что тайна скрытного молодого человека многим не давала покоя, пробуждая у соседей нездоровый интерес и откровенную зависть.

В числе прочих на той же улице жила немолодая одинокая дама неприметной наружности. Если упомянутый выше господин всем своим видом вольно или невольно привлекал к своей персоне всеобщее внимание, то её, бедняжку, попросту не замечали. Большую часть времени она проводила взаперти, не принимая гостей, и выходила из дома разве что на прогулку или для того, чтобы наведаться в ближайшую продуктовую лавку. Эта особа тоже не водила дружбы с соседями, но, похоже, такая странная нелюдимость их почему-то вполне устраивала, и совершенно никому не было до неё никакого дела.

И вот однажды наш безымянный герой, как обычно, уехал на выходные и пропал, как оказалось впоследствии, навсегда. Взбудораженная этим происшествием улица ещё долго пребывала в волнении. Люди не говорили ни о чём другом, выдвигая всевозможные версии, одна фантастичнее другой, и в конце концов сошлись во мнении, что тут не обошлось без вмешательства потусторонних сил. Слишком уж загадочными выглядели регулярные отлучки молодого красавца. Через год его дом был выставлен на продажу, но споры и пересуды не прекратились, даже когда в нём поселились другие люди.

Так случилось, что вслед за ним бесследно исчезла и одинокая дама. Соседи не сразу заметили её отсутствие, поскольку она и прежде нечасто попадалась им на глаза. Время было упущено, и предпринятые несколькими добровольцами поиски не дали никаких результатов, причем, никто и не надеялся найти её живой. Когда же спустя полгода наша героиня так и не объявилась, люди окончательно решили, что

несчастную похитили и убили неизвестные злодеи, а тело закопали в лесу.

Правду сказать, это происшествие не вызвало особого интереса у обитателей городской окраины, о нём очень быстро забыли и почти никогда не вспоминали. Чему тут было удивляться? Известно, что всякая любительница пеших ночных прогулок рискует стать жертвой подобного преступления.

Никто из соседей так никогда и не узнал, что же произошло на самом деле с нашими героями, и каковы были истинные причины их исчезновения. Но для читателей мы приоткроем завесу тайны.

Со скрытным господином всё было предельно просто: он уезжал на выходные в другой конец города, где на съёмной квартире под чужим именем встречался со своей невероятно изобретательной любовницей. Будучи замужней дамой, та каждый раз придумывала для своих свиданий всё менее и менее правдоподобные причины, пока фантазия её не иссякла и обманутый муж не догадался, что его водят за нос.

Заподозрив плутовку в неверности, разъяренный рогоносец выследил её и поймал с поличным. В порыве ревности он зарезал любовника столовым ножом, а труп утопил в озере. Преступление так и осталось нераскрытым. Как видите, ничего таинственного и сверхъестественного – такое случается сплошь и рядом. Кстати сказать, распутница отделалась лишь парой затрещин – то ли муж действительно любил её, то ли не захотел лишиться своей собственности.

Что до одинокой дамы, то здесь без чуда не обошлось. Дело в том, что последние несколько лет её каждую ночь посещали обитатели другой, невидимой для нас, удивительной планеты, на которой нет ни болезней, ни старости, ни смерти. Она всегда мечтала, чтобы они забрали её с собой, и однажды её сокровенное желание исполнилось.

Вы спросите, почему это случилось именно с ней, ведь она была самой обыкновенной, такой же, как все, ничем не лучше прочих. Но ведь, в отличие от нашей героини, ни у кого из этих прочих никогда не было такой волшебной, несбыточной мечты. А именно с неё и начинается любое чудо.

Океан

Много веков тому назад возле самой кромки Великого океана жило свободное племя благородных и бесстрашных рыболовов. Эти сильные и загорелые мужчины и женщины были едины с океаном, почитая его как священный и неизбывный источник жизни. Они, словно малые дети, вверяли ему свои сердца и судьбы, а он хранил их от бед и был к ним по-отечески изобилен и щедр. Их сети всегда наполнялись рыбой, а лодки в любую непогоду благополучно doplывали до берега. И они, проявляя мудрость и сыновнюю преданность, никогда не брали больше, чем им было необходимо, чтобы с благодарностью прославлять вечный праздник земного бытия.

Неумолимое время многое изменило, заставив их менее удачливых потомков покинуть благословенное побережье, где были счастливы их прекраснодушные и отважные предки. Они отправились на поиски лучшей доли, избрав судьбу сухопутных скитальцев. Спустя многие и многие десятилетия океан стал для них грозной, пугающей и чуждой стихией, особенно в ненастье. Они относились к нему с опаской и лишь изредка появлялись в этих местах, да и то только для того, чтобы позагорать на солнышке и поплескаться у самого берега в тихую, безветренную погоду. Любовь и почитание сменились страхом и недоверием.

Миновали столетия. У потомков славного племени рыболовов родились дети, а потом и внуки, которые уже и вовсе не походили на своих великих прародителей. И селились они так далеко от океана, что постепенно забыли о своих истоках. А ещё они сделались настолько благоразумными и рассудительными, что верили только в то, что могли увидеть собственными глазами и пощупать собственными руками.

Эти трезвые и здравомыслящие мужчины и женщины ставили под сомнение само существование неведомого океана, считая рассказы о нём не более, чем красивой выдумкой. Но всё же среди них встречались чудачки, движимые то ли неуёмным любопытством, то ли суеверием, тайком покупавшие у проезжих торговцев и путешественников бутылки с прозрачной солёной жидкостью, которую те выдавали за настоящую океанскую воду. Странные чужеземцы, привозившие эти бутылки, осмеливались утверждать, что океан вовсе не вымысел и что он действительно существует, но где-то очень-очень далеко, и добраться до него способны лишь немногие избранные Небес.

Империя лысых

У могущественного правителя Империи Златовласых Исполинов родилась дочь. Однако это радостное событие было омрачено неприятной новостью – малышка появилась на свет абсолютно лысой. Жрецы истолковали это как дурной знак. Такого никогда прежде не случалось: испокон веков дети в стране рождались с густыми рыжими волосами. Именно волосы, а не что-то другое, были показателем жизненной силы и красоты. Стричь их запрещалось законом, а облысение считалось карой небесной. Недаром исполинов называли златовласыми. Поэтому неудивительно, что факт отсутствия волос у новорожденной наследницы престола решено было утаить от народа. Венценосные родители надеялись, что волосы у ребёнка со временем отрастут, и всё станет на свои места.

Проходили годы, но девочка по-прежнему оставалась безволосой, скрывая свой изъян под весьма искусно выполненным париком. Чтобы никто из верноподданных ни о чём не догадался, императрица даже ввела моду на головные уборы, и сама стала носить на голове тюрбаны из разноцветного бархата и парчи, украшенные золотом и драгоценными камнями. И многие женщины незамедлительно последовали её примеру.

Лучшие знахари и врачи, порознь и сообща, пустив в ход алхимию и чародейство, перепробовали все известные магии и медицине способы лечения этого странного недуга, но, увы, ни один из них так и не помог бедняжке.

Когда девушка достигла возраста невесты и скрывать её недостаток стало далее невозможно, правитель позвал к себе главного советника и дал ему ровно сутки, чтобы тот придумал самое быстрое и простое решение этой проблемы.

В назначенный срок советник пришёл во дворец и, учтиво поклонившись императору, заявил следующее:

– О, мой господин, велите всем своим подданным, от мала до велика, побриться наголо, и тогда изъян принцессы станет незаметен для окружающих.

– Но как я могу заставить их сделать это, не нарушив закон? – воскликнул император.

– Вы и есть закон, мой повелитель, – склонил голову советник. – Кто посмеет ослушаться вашего приказа?

Приздумался император над словами советника. Осторожность и осмотрительность – вот что сейчас ему требовалось проявить прежде всего. Причина для такого дерзкого указа должна была быть серьёзной и достаточно убедительной. Иначе не избежать недовольства и смуты.

Промучившись до утра и не придумав ничего заслуживающего внимания, он поделился своими сомнениями с императрицей. И та, будучи женщиной смекалистой и прозорливой, тотчас предложила ему весьма хитроумный план, который показался ему вполне подходящим для немедленного воплощения в жизнь.

В этот же день глашатаи разнесли весть о том, что в стране объявлена охота на тайных пособников Сатаны, угрожающих своими зловещими ритуалами безопасности государства и благополучию его граждан. Ими же сообщалось, что опознать этих обычных с виду служителей Тьмы можно только по особой метке на голове, а для того чтобы её обнаружить, необходимо обрить человека наголо. По высочайшему указу императора эта жестокая, но вынужденная процедура освидетельствования проводится исключительно в интересах граждан, и никто не имеет права от неё уклониться. По отношению к тем, кто откажется подвергнуться освидетельствованию добровольно, будут применяться насильственные меры воздействия.

Таким образом, несмотря на то, что кое-кто попытался этому воспротивиться, в течение нескольких дней всё население, от младенцев до стариков, было обрито наголо. А вскоре и вообще в стране был принят закон, по которому сбривание волос на голове стало обязательным для всех граждан без исключения.

Со временем эта идея многим показалась даже привлекательной, в особенности тем, у кого были проблемы с волосами, а таких, как выяснилось, нашлось немало. В волосах, которые требовали постоянной заботы и ухода, постепенно отпала необходимость. Без них было удобнее и проще. Обритые головы стали украшать всевозможными рисунками и покрывать затейливыми узорами. О метке Дьявола уже и не вспоминали. К тому же никто толком не знал, как она выглядит.

Исполины забыли, что когда-то звались златовласыми. И ни один из них так и не догадался, что причиной всему был врождённый изъян наследницы престола. А многие посвященные в эту тайну унесли её с собой в могилу.

Самое большое сокровище

Это случилось в светлый день поминовения усопших. Возвращаясь с погоста, где она когда-то похоронила всех своих близких, а вместе с ними и все свои мечты и надежды, женщина наткнулась на лежащего у дороги мужчину, забитого камнями почти до смерти. Уложив беднягу на свой плащ, она с трудом доволокла его до дома. Окровавленное и изувеченное тело долго не подавало никаких признаков жизни. Прошло несколько недель, прежде чем несчастный пришёл в себя, и ещё столько же, прежде чем смог подняться на ноги. Всё это время женщина выхаживала незнакомца, не отходя от него ни на минуту, и буквально вытащила с того света.

Когда мужчина окончательно поправился и к нему вернулась речь, он рассказал ей, что в тот роковой для него день он обречён был умереть от рук разъяренной толпы изуверов. Он с самого начала знал о своей участи и не противился жребию, который ему выпал. Но ей каким-то чудом удалось изменить его судьбу, возвратив к жизни из мира мёртвых. Ещё он признался, что происходит из древнего рода могущественных магов и чародеев, и сам способен творить чудеса. Именно за этот дар его

и пытались убить воинственные невежды, ослеплённые завистью и страхом.

– Проси всё, что пожелаешь, мне по силам исполнить любое твоё желание, – сказал ей в заключение спасённый чародей.

– У меня нет желаний, которые не могла бы исполнить я сама, – улыбнулась в ответ его спасительница.

– Тогда почему ты медлишь? Разве, как всякой женщине, тебе не хочется, к примеру, счастливой, полноценной семьи? – не поверил её словам чародей.

– Когда-то она у меня была. Но я лишилась всего, что имела, и не хочу возвращаться в прошлое. Этот опыт счастливого обладания я уже получила, и он навсегда останется со мной. Теперь я постигаю горестную науку потерь и одиночества. Этот нынешний опыт так же необходим моей душе, как предыдущий. И я не откажусь от него за все сокровища мира, – невозмутимо ответила женщина.

– Тобою движут твои воспоминания. Это они мешают тебе вновь обрести счастье. Я удалю их горечь и боль из твоего сердца и сделаю так, что ты забудешь пережитое и сможешь начать всё заново, с чистого листа. Ты ведь ещё достаточно молода, чтобы успеть прожить оставшуюся половину жизни по-другому.

– С чего ты взял, кудесник, что я согласна прожить её по-другому? Ты собираешься лишить меня моих воспоминаний, чтобы избавить от боли? Но ведь именно они – самое ценное из того, чем я владею. Зачем же ты хочешь отнять их у меня? Разве мы приходим в этот мир не ради тех чувств, которые нам суждено испытать, сохранив их навсегда в нашей памяти? Мне было дано пережить величайшее из них – радость материнства и наихудшее – боль потери. Я любила до самоотречения и ненавидела до бешенства. Меня душила обида, сжигал гнев и терзала неизвестность. Я раскаивалась и прощала, плакала навзрыд и хохотала до слёз. Каждое моё чувство священо, я никогда не отрекнусь ни от одного из них и не предам забвению. Жизнь отобрала у меня всё, но они принадлежат только мне. Они – мои сокровища, которые я заберу с собою в вечность.

– Как же мне отблагодарить тебя? Я не привык оставаться в долгу, – тяжело вздохнул опечаленный чародей.

– Когда мой сын умер, мои чувства умерли вместе с ним. Душа моя была выжжена дотла. Ты сумел вернуть меня к жизни. Сострадание и забота о тебе спасли меня от духовной смерти. Выходит, мы с тобой в расчёте, – успокоила его женщина.

Летающая рыба

В маленьком лесном озерке жили две рыбы, которые выросли вместе и были лучшими подругами. С тех самых пор, как они вылупились из икринок, подруги мечтали выбраться на сушу и отправиться в дальнейшее путешествие. Огромный загадочный мир, от которого они были отделены толщей воды, манил их и звал на разные голоса.

И вот долгожданное событие, которым они грезили с детства и к которому так долго готовились, наконец должно было свершиться. Накануне вечером подруги договорились, что с восходом солнца втайне ото всех покинут родное озеро.

Казалось бы, ничто не в силах было этому помешать. Но одна из рыб не выдержала и обо всём рассказала родителям.

Узнав о том, что задумала дочь, те дружно принялись отговаривать её от губельного для неё шага:

– Опомнись, неразумная! Рыбы созданы для того, чтобы жить в воде, а не на

суше. Ты задохнёшься и умрёшь мучительной смертью через несколько минут после того, как окажешься на берегу. К тому же у нас нет конечностей, чтобы передвигаться по земле. Мы рождены плавать, а не ходить.

Юная особа не на шутку испугалась и, послушавшись родителей, осталась дома. Конечно, ей было нелегко отказаться от заветной мечты, но она справилась со своими чувствами.

Другая рыба была круглой сиротой и не привыкла делиться с кем-то своими планами. Она приплыла в условленное место задолго до назначенного часа и прождала там подругу до самого восхода солнца, но та так и не появилась. Сообразив, что её партнёрша передумала, наша героиня решила отправиться в путь одна.

Добравшись до берега, она выплыла на поверхность и подняла голову к небу. Оно было поразительно похоже на озеро, в котором она жила, такое же бездонное и прозрачно-голубое. Рыба увидела, что прямо над ней, в этой лазурной глубине парили прекрасные создания, облачённые в перья, которые она приняла за чешую. Своим обликом и плавными движениями они так напоминали её собратьев, что ей страстно захотелось очутиться среди них.

Выпрыгнув из воды на прибрежный песок, рыба оттолкнулась от земли и, расправив плавники, поднялась в воздух, взмывая всё выше и выше. Неведомый доселе мир открылся перед ней – бескрайний и необъятный, и она устремилась ввысь к самым облакам.

В отличие от своей осведомлённой подруги, наша мечтательница не знала о том, что рыбы не могут жить без воды. Никто не объяснил ей и того, что рыбы не умеют летать. Порой знание мешает нам выйти за пределы своих возможностей, лишая могущественной силы воображения и отнимая у нас веру в себя.

Встреча со смертью

Потеряв в одночасье по воле злого рока всех своих близких, да к тому же лишившись крова над головой, юная девушка, ведомая неутешным горем и подгоняемая попутным ветром, брела, куда глаза глядят, покуда дорогу ей не преградил большой серый камень с выбитой на нём надписью. Остановившись, она прочитала: «Налево пойдёшь – богатство обретёшь, направо пойдёшь – пару себе найдёшь, прямо пойдёшь – смерть свою повстречаешь».

Тяжело вздохнув, девушка подумала: «До богатства ли мне теперь! А тот единственный, кому я отдам своё сердце, если суждено, в свой срок сам меня отыщет. Не иначе, как пришло время встретиться со смертью, чтобы спросить у неё, почему забрала она всех, кто мне дорог». И решила девушка никуда не сворачивать и идти прямо.

Немало ещё пришлось ей пройти, прежде чем она увидела перед собой высокий красивый дом, окружённый цветущим садом. Она окликнула хозяев, но никто не отозвался. Тогда утомлённая путница открыла резную калитку и направилась напрямиком к колодцу, который заметила ещё издали. Утолив жажду и омыв лицо прохладной колодезной водой, она прилегла на зелёную шелковистую травку, смежила вмиг отяжелевшие веки и тотчас заснула.

Так бы и не проснулась вовек наша горемычная героиня, если бы не юноша, который ехал на своём коне вслед за ней по той же дороге. Погружённый в невесёлые думы, давно уже отпустил он поводья, не замечая ничего вокруг. Туманила его взор

печаль, и была на то тайная причина: пришлось ему, точно разбойнику, бежать из отчего дома, потому как родители собрались насильно женить его на дочери богатого соседа.

Юноша тоже остановился у камня с надписью и, прочитав её, рассудил так: «Зачем мне невеста и богатство, коль я сам от всего этого сбежал? А вот со смертью готов сразиться, если доведётся встретиться. Поеду-ка я прямо и приму вызов». Так он и поступил.

Привела его дорога к дому с цветущим садом, и увидел он возле колодца прекрасную незнакомку, спящую на траве непробудным сном. Верный конь его тревожно заржал, почуяв беду. Да и вешнее сердце подсказало юноше, что здесь что-то не так. Огляделся он по сторонам. Более всего остального насторожило его полное ведро, стоящее на колодезном срубе. А когда позади дома он обнаружил ещё один колодец, то сразу догадался, что всё дело в воде, которую выпила девушка.

Влил юноша в её уста воду из другого колодца, и она тотчас открыла глаза. Взгляды их встретились, и оба поняли, что нашли друг друга. А богатство им искать не пришлось – остались влюблённые жить в доме, который словно давным-давно ждал их возвращения после долгого пути.

Несостоявшаяся свадьба

Как всякая девушка, она с самого детства втайне мечтала встретить однажды своего единственного, предназначенного ей всевидящей и всемогущей судьбой, мысленно наделив его многочисленными добродетелями и внешними достоинствами. Невесело было угодно, чтобы эта встреча состоялась. Вспыхнувшее чувство оказалось взаимным, и ничто не воспрепятствовало желанию двоих быть вместе.

Дело уже благополучно шло к свадьбе, как вдруг счастливая невеста неожиданно заявила родителям, что передумала выходить замуж. Им так и не удалось добиться от неё никаких объяснений. На все расспросы она отвечала что-то невразумительное или попросту отмалчивалась. Поэтому ни расстроенный отец, ни обеспокоенная мать, ни, тем более, растерянный жених не могли понять причину странного поведения девушки. Друзья и родственники распавшейся пары пребывали в недоумении, выдвигая всевозможные версии, одна нелепее другой.

Злые языки заговорили о порче, наведённой отвергнутой соперницей, и даже о временном помешательстве. Но все предположения, и весьма правдоподобные, и не слишком убедительные, и самые простые, и совершенно невероятные, так и не нашли своего подтверждения, хотя и не были никем опровергнуты.

О расторгнутой помолвке ещё какое-то время посудачили и вскоре забыли, тем более, что спустя пару лет наша заметно повзрослевшая героиня, оказавшаяся чрезвычайно практичной и прозорливой особой, заключила выгодный брак, расчётливо обменяв свою красоту и невинность на искущённость и состоятельность своего избранника.

Только она одна могла бы раскрыть настоящую причину, по которой рассталась со своей первой и единственной любовью, но она предпочла этого не делать. Вы спросите, почему. Да потому, что при всём желании не сумела бы подобрать нужные слова, чтобы выразить свои чувства. Ведь понять и объяснить собственные поступки способны очень немногие.

Обладай наша героиня мудростью и опытом (не свойственным её юному воз-

расту), её ответ мог бы прозвучать примерно так:

– Всё было замечательно до тех пор, пока он оставался моей сладкой грёзой, манящей, недостижимой мечтой. Но когда пришла пора расстаться с ней навсегда и принять действительность со всей её обыденностью и обыкновенностью, а значит, пугающим несовершенством, мне стало страшно. Ведь даже самая прекрасная действительность не может соперничать с мечтой, и в этой их извечной битве она неизменно терпит поражение. Мечта всегда остаётся недосыгаемой, как бесконечно далёкая звезда, мерцающая в ночи.

Остаётся только добавить: поэтому проще и удобнее жить без мечты. Правда, это не приносит счастья, зато избавляет от детских иллюзий и юношеских разочарований.

Странная находка

Немногочисленная группа самоотверженных исследователей, фанатично преданных своему делу и объединившихся ради общей цели, отправилась в те неведомые заповедные земли, куда, как им казалось, ещё не ступала нога человека. Преодолев немалые расстояния и ни разу не встретив собратьев по разуму, они окончательно утвердились в своём мнении, с гордостью объявив себя первопроходцами.

На месте очередного привала самый юный и, видимо, самый рассеянный член экспедиции позабыл свой походный дневник, который прилежно вёл с самого первого дня пути. С восходом солнца отряд, покинув место стоянки, двинулся дальше, а тонкая книжица в бумажном переплёте, исписанная торопливым неразборчивым почерком, осталась лежать под чахлым низкорослым деревцем, название которого история не сохранила.

Но этой затерявшейся в непролазной глуши вещице суждено было вновь попасть в руки человека, потому что местность всё-таки оказалась вполне обитаемой, и вскоре дневник обнаружил здешний охотник, который тут же поспешил отнести свою диковинную находку старейшине племени. А тот, недолго думая, передал странный предмет жрецам, приказав выяснить его природу и назначение.

Вот тут-то всё и началось... Жрецы, с давних пор враждовавшие между собой, после долгих и многословных споров, взаимных обвинений и попыток уличить друг друга в невежестве так и не пришли к единому мнению. И на вопрос старейшины о том, что каждый из них думает о найденном предмете, духовные соперники выдвинули две совершенно непримиримые версии.

– Я убеждён, что эти священные письмены – не что иное, как божественное обращение к твоему народу, открывающее перед ним сияющий свет истины, – воздев руки к небу, с непоколебимой уверенностью заявил первый жрец.

– У меня нет сомнений в том, что эти устрашающие взор каракули не иначе, как сатанинское послание, призванное увлечь твой народ в зловещую бездну тьмы, – яростно сверкнув глазами, с не меньшей уверенностью изрёк второй жрец.

Выслушав обоих горе-провидцев, но так и не отважившись сделать выбор, старейшина решил дожидаться вешего знамения, чтобы вынести свой вердикт. Между тем племя разделилось на два противоборствующих лагеря. Отчуждение и рознь, подогреваемые лукавыми речами лицемерных жрецов, росли с каждым часом. Одни благословляли странную находку, считая её святыней, другие осыпали проклятьями, называя исчадием ада. Мирной жизни и всеобщему благоденствию пришёл конец.

Чтобы избежать кровопролития и спасти свой народ от братоубийственной войны, старейшина принял единственно верное решение – велел своему старшему сыну потихоньку сжечь опасную находку, а пепел развеять по ветру. Достоверно известно, что мужчина унёс дневник с собой, однако среди его соплеменников прошёл слух, что он так и не смог выполнить волю отца, а заветную реликвию спрятал так надёжно, что её до сих пор ищут, но не могут найти его потомки. Их не покидает надежда раскрыть тайну её предназначения, которая так и осталась неразгаданной.

Шут и король

В некоем затерявшемся во времени королевстве почил с миром старый король. Вслед за ним, как и полагается в таких случаях, на трон взошёл его прямой наследник – единственный сын, который был поздним и долгожданным ребёнком, родившимся у короля уже в преклонном возрасте.

В ночь его появления на свет кто-то незаметно положил у парадных дворцовых ворот маленький пишущий свёрток, внутри которого стражник, заступивший на свой пост, обнаружил младенца мужского пола. Король, которому тут же сообщили о подкидыше, посчитав такое совпадение неслучайным, приказал оставить его во дворце, где с той поры он воспитывался и рос вместе с наследником престола.

Несмотря на разницу в их происхождении, дети, ничего не ведая о границах, искусственно созданных между людьми, стали настоящими друзьями и были почти неразлучны. Возмужав, они вместе осваивали навыки военного дела и учились верховой езде, вместе выезжали на охоту и участвовали в рыцарских турнирах. Они понимали друг друга с полуслова и никогда не ссорились. Только бывшему найдёнышу будущий король позволял открыто говорить всё, что он думает, ему одному мог доверить свою жизнь, и лишь от него был готов принять дружеский совет.

Будучи по своей природе мечтательным романтиком и идеалистом, принц действительно нуждался в поддержке такого трезвого и здравомыслящего друга, каким был приёмный сын. А однажды приёмный сын даже спас жизнь наследнику. Он успел схватить под уздцы коня, когда тот, неожиданно взбрыкнув, хотел сбросить седока, и получил при этом сокрушительный удар копытом. От подковы у него на теле остался приметный шрам в виде разорванного круга. Это происшествие ещё больше сблизило друзей, навсегда связав невидимыми нитями их судьбы.

За прямодушие, несвойственное придворным лицемерам, и острый, насмешливый язык дворцовая челядь прозвала приёмного сына королевским шутком.

Узнав об этом, юноша одобрительно усмехнулся и заявил во всеуслышание:

– Носить такое прозвище – высокая честь. Оно даёт мне право быть свободным в своих высказываниях в адрес любого вельможи. Только шуту не возбраняется то, что запрещено даже королю.

Несмотря на столь явное различие в их характерах, друзья, точно братья, были очень похожи внешне. Это замечали все окружающие, хотя и не осмеливались болтать об этом вслух.

После коронации нашего героя и его восшествия на престол в отношениях между друзьями ничего не изменилось, но вскоре после этого события шут внезапно умер. Поскольку он спал в комнате, смежной с покоями юного короля, то его величество узнал об этом первым. Как он рассказывал впоследствии, утром он зашёл к другу, чтобы разбудить его и вместе позавтракать, но тот так и не проснулся.

Пренебрегши условностями и не обращая внимания на пересуды, король велел похоронить его со всеми надлежащими почестями, на которые мог рассчитывать только член королевской семьи.

После смерти друга он навсегда отказался от личной жизни, посвятив себя служению собственному народу. Его подданные объясняли это тем, что со смертью злого и заносчивого шута (такую славу распространили о нём в народе придворные завистники), закончилось и его дурное влияние на их доброго и великодушного правителя. И в самом деле, молодой король прекратил войны, установив мирные и взаимовыгодные отношения с соседними государствами, открыл новые торговые пути, всячески поддерживал учёных и деятелей искусства, заботился о неимущих и помогал обездоленным, не жалея на это своей казны. Годы его правления были названы в истории королевства золотым веком всеобщего процветания и просвещения.

Король прожил не слишком долгую жизнь, но очень многое успел. В день его кончины по всей стране был объявлен траур. Люди собрались на главной площади, словно перед лицом общей беды, чтобы оплакать и проводить покойного короля в последний путь, помолвившись о спасении его души.

Знавший государя с самого рождения старый слуга, который должен был обрядить его тело для погребения, тотчас понял, что, несмотря на поразительное сходство, перед ним вовсе не король. По памяtnому шраму, оставленному некогда конским копытом, он догадался, что страной все эти годы правил вовсе не король, а его верный шут.

Напрасная жертва

Эта история началась так же, как начинаются почти все истории о любви. Он и она встретились на перекрестье судеб и сразу поняли, что предназначены друг другу. Но на беспечное и безоблачное счастье им было выделено не так много времени – безжалостной разлучницей встала между ними война. Ему предстояла дальняя дорога в пугающую неизвестность, ей – одиночество и испытание долгой разлукой. Прощаясь, они плакали и клялись в вечной любви. Он обещал ей остаться в живых и вернуться, а она дала слово хранить ему верность и ждать.

Насытившись болью и кровью человеческой, война закончилась. Но когда самое страшное, казалось, было уже позади, из чужой далёкой страны, где воевал её суженый, пришло горестное известие о его гибели, вмиг развеяв по ветру все её радужные девичьи грёзы. Она хотела отправиться в мир иной вслед за ним, но смерть не откликнулась на её отчаянные мольбы. И ей пришлось научиться жить без надежды, храня в памяти его образ: удивлённо распахнутые глаза, непослушные смоляные кудри, детская ямочка на подбородке и широкий разворот плеч.

Шли годы, оставляя морщины на её лице и шрамы на сердце. Продолжая любить и помнить, она так и не впустила в свою жизнь никого другого, не вышла замуж, не родила детей. Но прежде чем покинуть этот мир навсегда, наша героиня решила сделать то последнее, что считала своим священным долгом – прикоснуться к земле, в которой лежал её любимый, и сказать ему напоследок о своих нерастратченных чувствах.

Приехав в город, откуда когда-то давно было отправлено роковое письмо, она обратилась в мэрию, чтобы ей помогли отыскать нужную могилу. Но там её заверили, что это письмо либо чья-то злая шутка, либо умышленный подлог, и что интересую-

щий её человек вовсе не погиб и жив по сию пору. Ей даже дали его адрес, предложив убедиться в этом самой.

Красивый двухэтажный дом, увитый плющом, был виден издалека. Она прошла по дорожке, выложенной мраморными плитами, мимо аккуратно постриженных кустов и позвонила в дверной колокольчик. Дверь ей открыл плечистый черноволосый юноша с удивлённо распахнутыми глазами и знакомой ямочкой на подбородке. Это его много лет назад она проводила на войну, обещав дожждаться. Он нисколько не изменился за эти годы.

От охватившего её смятения она невольно ахнула, назвав его по имени.

Сдержанно улыбнувшись, юноша деловито уточнил:

– Так вы к моему деду? Сейчас я его позову.

Он вежливо попросил её подождать и скрылся в глубине дома. А через минуту навстречу ей неуверенной шаркающей походкой вышел лысый сгорбленный старик, обвязанный толстым шарфом. Подслеповато щурясь и что-то недовольно ворча себе под нос, он смотрел на неё с явной подозрительностью и даже не пытался выглядеть любезным.

Рассудку свойственны сомнения, глаза и уши могут ошибаться, но сердце неспособно лгать. Именно оно подсказало, что перед ней тот единственный, в жертву которому она принесла свою жизнь.

Маленький народец

В густой зелёной рощице, спрятанной среди высоких холмов от жадных и любопытных людских глаз, жил маленький лесной народец. Эти загадочные существа называли себя хранителями будущего и, обладая кротким, беззлобным нравом, были очень добры и миролюбивы. Их тихое, уединённое существование никогда никем не нарушалось, поэтому, несмотря на врождённую боязливость, им ни разу ни от кого не приходилось скрываться или спасаться бегством.

Но вот однажды в те безлюдные места забрёл какой-то заплутавший искатель приключений. Проходя вдоль рощицы, он успел разглядеть на лужайке странное существо, похожее на крохотного человечка, которое при его внезапном появлении бросилось наутёк и молниеносно исчезло в высокой траве. Потрясённый увиденным, путник обшарил все окрестности в поисках приткого беглеца, однако ни его самого, ни кого-то из его предполагаемых сородичей он не встретил. На глаза ему попадались только беспечно порхавшие бабочки да пугливые птицы. Он ушёл ни с чем, но непоправимое уже случилось, навсегда изменив судьбу всех здешних обитателей.

Так люди узнали о маленьком народце, и с той самой злополучной встречи на жителей зелёной рощицы началась настоящая охота. Пришельцы, число которых росло день ото дня, расставляли повсюду изуверские капканы и хитроумные ловушки, а попадавших в них бедняг, нередко полуживых и покалеченных, как диковинных зверушек, сажали в клетки и уносили с собой, чтобы потом за большие деньги продавать на забаву богатым любителям всякой экзотики.

Не в силах защититься от нависшей над ними угрозы полного истребления, жители зелёной рощицы вынуждены были вырыть лазы и переселиться глубоко под землю. На поверхность они выходили под покровом темноты, да и то только затем, чтобы насобирать лесных ягод и орехов и пополнить запасы воды. Но это вовсе не

остановило пришельцев. Чтобы заставить упрямцев выбраться наружу и не дать им сбежать, люди подожгли рощицу со всех сторон. За считанные часы она сгорела дотла, но на поверхности так никто и не появился. Рабству гордый и отважный маленький народец предпочёл добровольную мученическую смерть.

Но существует и другой финал этой печальной истории. Крохотные лесные жители, пустив в ход колдовство, которое было их ремеслом, стали невидимыми для своих истязателей и тайком покинули эти проклятые места. Они не пытались отомстить людям, разрушившим их мир. Зачем? Ведь те, кто взвалил на себя груз неискупимой вины за совершённое ими злодеяние, сами лишили себя будущего, уничтожив его хранителей.

Голос

Едва сделав первый робкий шаг и начав познавать этот пока ещё чужой и незнакомый ему мир, маленький человек услышал тихий, но властный Голос, который уверенно произнёс: «Я твой проводник в Вечность. Следуй за мной». С этой минуты Голос не покидал маленького человека, зная о каждом его побуждении, и звучал всякий раз, когда тот стоял перед выбором или нуждался в помощи. Человек всегда чувствовал его незримое присутствие, защищавшее от любой беды, и безоговорочно доверял своему невидимому хранителю, который предвидел всё наперёд и потому никогда и ни в чём не ошибался.

Так продолжалось до тех пор, пока наш герой окончательно и бесповоротно не распрощался с детством. А это произошло в тот самый момент, когда в нём пробудился и вырвался на свободу мятежный дух гордости. Впервые человек отказался подчиниться, и Голос умолк. Как оказалось, навсегда. Всё сразу изменилось, и мир для человека отныне стал другим.

Теперь он шёл по жизни хоть и окружённый людьми, но один. Шёл то прихрамывая, то вприпрыжку, то вальяжно, то бочком, порою преодолевая боль, иногда легко и без усилий, а бывало – и в счастливом кураже. Капризная сумасбродка удача не раз стучала в его дверь, одаривая ослепительной белозубой улыбкой. Часто не сразу, но всегда он получал всё, что жаждал получить: и крепкую семью, и большой дом, и престижную работу, и шальные деньги.

Но с годами это перестало радовать и тешить душу, тем более, что любая жизнь, даже самая благополучная, когда-нибудь подходит к концу. Оставаясь наедине со своими мыслями, человек всё чаще ощущал опустошение и усталость. Бесконечную усталость. А ещё невыразимую печаль и скорбь, словно он был предательски обманут в своих надеждах и ожиданиях.

– И что дальше? – произнёс он вслух, обращаясь к самому себе за неимением другого собеседника.

– Дальше – могила, – неожиданно услышал он давно забытый Голос своего проводника.

– Ты указываешь направление и предлагаешь мне следовать за тобой? – горько усмехнулся человек.

– Я лишь объявил конечный пункт твоего прибытия. Не я привёл тебя сюда, – ласково и грустно возразил Голос. – Когда-то ты сам выбрал жизненный маршрут, по которому следовал, позволив миру, а не мне быть твоим проводником. И это решило твою участь. Слишком поздно, чтобы что-то исправить. Тебе не хватит времени и сил

добраться до исходной точки и начать всё заново. Ты двигался в противоположном направлении и упустил свой шанс попасть туда, где начинается Вечность.

Неисполненный долг

У немолодой орлиной четы из одного снесённого яйца к невообразимой радости родителей вылупилась пара птенцов. Но эта радость оказалась недолгой, быстро сменившись горем и отчаянием. Орёл и орлица знали, что это последний в их жизни выводок и потому возлагали на малышей особые надежды, вместе мечтая о том, какими они будут необыкновенными. Однако необыкновенность порой принимает такие причудливые формы, что выглядит как несовершенство или даже изъян. По воле злого рока один из птенцов появился на свет с четырьмя крыльями, зато второй – вовсе без крыльев. Любящие и заботливые родители, смиренно приняв удар судьбы, с одинаковой нежностью относились к обоим, стараясь не думать о будущем.

Когда братья окрепли и подросли, четырёхкрылый орлёнок, научившийся летать и добывать себе пищу, распрощался с семьёй и стал жить самостоятельно, а бескрылый, не в силах подняться в воздух, так и не смог покинуть гнездо. Родители не бросили своё несчастное чадо и пока были живы, делились с ним добычей.

Пребывая в уверенности, что он особенный (ведь у него было вдвое больше крыльев, чем у других птиц, а значит, и вдвое больше талантов и возможностей), и несколько не сомневаясь в том, что его ждут великие дела, четырёхкрылый орёл не жаловал своих пернатых собратьев и вёл себя с ними дерзко и заносчиво, предпочитая гордое одиночество. Впрочем, они и сами сторонились его, считая спесивцем и задавакой. О своём брате он не вспоминал, навсегда вычеркнув его из памяти.

Быстротечное время неумолимо отсчитывало дни и годы, а ничего необыкновенного в жизни нашего героя так и не произошло. Даже одиночество, к которому он так стремился в юности, стало тяготить его, но и в обществе своих сородичей четырёхкрылый чувствовал себя изгоем и чужаком, часами кружа по небу в беспричинной тоске. А однажды предчувствие неотвратимой беды вдруг так сдавило ему сердце, что он стрелой помчался к родному гнезду.

Оно всё ещё хранило тепло его детских воспоминаний, но было безжизненно пустым. Окинув зорким взглядом окрестности, на дне каньона четырёхкрылый заметил мёртвое тело брата и понял всё. Сами скалы поведали ему печальную историю, финал которой, казалось, был предreshён. Когда старые орлы отжили свой век, его бескрылый брат, обречённый на медленное умирание, выбрал единственно достойную смерть – он подобрался к краю гнезда и с высоты птичьего полёта бросился вниз, разбившись о камни.

Четырёхкрылый знал, что ничем не смог бы ему помочь. Но он винил себя в том, что не разделил с братом последние минуты его безнадёжного бескрылого одиночества.

ВЛАДИМИР МИШИН ШАМИЛЬ СУЛЕЙМАНОВ

Главы из книги «История спецслужб Азербайджана (в очерках) 1954-1991»

Комитетские курьёзы

КГБ – организация, безусловно, серьёзная, однако и в комитетской работе происходили порой забавные случаи. Их можно было бы назвать даже анекдотическими, но с обязательной ремаркой: «смех сквозь слёзы»...

* * *

Один такой «системный курьёз» произошёл в Баку в середине 1960-х годов. После шести вечера сотрудник 2-го отдела направлялся на явочную квартиру для встречи с агентом. Явка находилась в доме по улице Ага Нейматулла в квартире на последнем этаже 5-этажного дома. Жила здесь благообразная дама, некогда работавшая в школе педагогом, а после выхода на пенсию «переквалифицировавшаяся» в содержательницу явочной квартиры КГБ. На явку направлялся и агент 2-го отдела – молодая дама, сотрудница одного из бакинских научно-исследовательских институтов (необходимостью трудиться днём в НИИ объяснялось и вечернее время встречи опера 2-го отдела с «нештатным сотрудником» Комитета). По стечению обстоятельств, мимо «явочного» дома по улице Ага Нейматулла в это же время шествовал по делам и старший брат супруги оперативника 2-го отдела – мужчина степенный, приверженный семье и восточным традициям. И увидел вдруг (чисто случайно, такое бывает) мужчина степенный, как в подъезд дома (в котором, традиционалист знал это наверняка, родственники семьи не обитают), оглядываясь воровато по сторонам (на языке контрразведки это действие называется «проверочное мероприятие по выявлению наружного наблюдения»), скользнул супруг его родной сестры. Пока хранитель семейных устоев пребывал в задумчивости, анализируя мотивы странного поведения родственника, в подъезд столь же воровато, как пятью минутами ранее гайын, оглядываясь по сторонам, юркнула молодая эффектная дама – агент КГБ, спешивший на встречу с «представителем Комитета». Где работает гайын, традиционалист, в общем-то, знал, но откровение, посетившее его на улице Ага Нейматулла, эффектную даму и сотрудника КГБ – супруга сестры, связало интересами не государственной безопасности, а иными. «Жене сказал, что пошёл с врагами бороться, а у самого интим с любовницей!» – примерно так можно описать квинт-эссенцию бурного потока чувств и мыслей, нахлынувших на традиционалиста. Недолго думая, кинулся он следом за гайыном и эффектной дамой в подъезд и успел-таки уловить чутким ухом, как к пятому этажу поднимается цокот женских каблучков, затем открывается дверь и – вне всякого сомнения! – голос гайына нежно приветствует молодую любовницу! Сомнений больше нет – гайын, заведя любовницу и тайно встречаясь с ней в приватном месте, оскорбил сестру традиционалиста, оскорбил честь семьи! Позор, который можно смыть... ну, для начала чернилами. Записав адрес квартиры, в которой гайын тайно встре-

чается с любовницей, традиционалист отправился к сестре и, пылая праведным гневом, нарисовал обманутой и оскорблённой живописную картину Содома и Гоморры, открывших на улице Ага Нейматулла апшеронский филиал. «Не веришь мне – убедись сама!» – воскликнул в апофеозе прокурорской речи традиционалист и сообщил «оскорблённой и убитой горем измены» бакинский адрес Содома и Гоморры.

«Убитая горем» оказалась достойна супруга-контрразведчика – старший брат, конечно, авторитет, но ориентироваться лучше не на эмоции близкого родственника, а на мудрость народную, гласящую: «Доверяй, но проверяй». С мастерством, достойным асов наружного наблюдения, «убитая горем» спустя две недели, когда муж телефонным звонком предупредил её, что задержится на работе, «быстро-быстро, ещё быстрее» отправилась на улицу Ага Нейматулла. Здесь «униженная и оскорблённая» ловко проследила (пункт наружного наблюдения – подъезд в доме на противоположной стороне улицы) за супругом, вышедшим в сумерки «защищать интересы государственной безопасности». Петляя и воровато оглядываясь, супруг нырнул в подъезд. Дама стремительно пересекла улицу, влетела в парадное, затем, сняв туфли, на цыпочках поднялась следом за «неверным» и отметила квартиру, за дверью которой скрылся супруг. После этого спустилась двумя этажами ниже и, словно охотник, выслеживающий дичь, замерла в ожидании. Вскоре внизу зацокали каблочки, и дама, играя роль «проживающей в доме», двинулась навстречу «разлучнице». Встретились они на лестничной площадке, и «обманутая» убедилась, что приметыв «любовницы мужа» (их сообщил бдительный старший брат) совпадают с внешностью «цокающей мимо» эффектной дамы. Мужество не изменило супруге контрразведчика – само равнодушие, она продолжила неторопливый спуск по лестнице. Пролёт, ещё один, затем разворот и осторожный тигриный взлёт на пятый этаж. К входной двери явочной квартиры «обманутая» примчалась вовремя – «голубки» как раз обменивались на пороге «нежными приветствиями». Доказательства супружеской измены были налицо, и «обманутая и оскорблённая» могла дать волю «праведному гневу». Ворвавшись «на плечах любовницы неверного мужа» в явочную квартиру КГБ, дама обрушила на сотрудника госбезопасности и агента спецслужбы речи гневные, местами ненормативные. Слова растерянного супруга (их потом станут часто использовать в телевизионных сериалах, но родились они в тот роковой вечер в Баку на улице Ага Нейматулла): «Дорогая, это не то, что ты думаешь!», только «катализировали реакцию». Распаяясь всё более и более, «обманутая» попыталась отпихнуть «неверного», чтобы «испортить причёску» и «снять ноготками» макияж с лица прятавшейся за его спиной «проститутки». На шум и крики подтянулись жильцы дома – зрелище, достойное Колизея Древнего Рима, да ещё бесплатное, как такое пропустишь! Оценив ситуацию и проявляя гендерную солидарность, «соседки» охали, ахали и вовсю честили «проститутку». Досталось и заслуженному ветерану труда, уважаемому педагогу (она же содержательница явочной квартиры КГБ, то есть лицо, приобщённое к защите интересов государственной безопасности), выглянувшей из кухни в прихожую, в которой разворачивалось действие. «Обманутая» гневно бросила в лицо уважаемому педагогу: «Старая сводня!», соседи шептались: «Мы думали – приличная женщина, а она притон держит!» Грандиозный, одним словом, получился скандал.

Агент, вся в слезах, смывающих макияж (подобные лица стали позднее использовать в фильмах ужасов), «с боем прорвалась» через заслоны «праведной, но обманутой» и товарок по гендеру, расстроенных скоротечностью зрелища. Оперу не оставалось ничего иного, как последовать за агентом, а содержательнице явочной квартиры громко хлопнуть дверью перед «длинным носом массовки».

Опер, проведя тяжкую ночь у родственников (возвращаться к родному очагу было преждевременно), утром явился в Серый дом и доложил руководителю отделения о «казусе» на явочной квартире. Во 2-м отделе, конечно, посмеялись, однако последствия «ка-

зуса» были отнюдь не анекдотические. Во-первых, оказалась «засвечена» явочная квартира, а её содержательница получила психологическую травму. Во-вторых, был раскрыт агент КГБ (хорошо, что в начале 1960-х годов не было ни смартфонов, ни Интернета, ни социальных сетей). В-третьих, семейная жизнь сотрудника КГБ оказалась в «глубоком кризисе». Проблему с явочной квартирой решили просто – её закрыли, перед содержательницей извинились и дали прощальную премию. Перед агентом тоже извинились, дали премию и сменили куратора. Оперу объявили выговор за непрофессионализм и премии не дали. Ну, а чтобы решить «семейный кризис», руководитель отделения отправил за «униженной и оскорблённой супружеской изменой» оперативную машину. Мотив «приглашения» в Серый дом был «убойный» – интересы государственной безопасности, так что встреча и беседа состоялись. Руководитель отделения 2-го отдела с «женщиной, которая подаёт на развод», был сух, строг и категоричен. Даме было заявлено, что своими экс-прессивными действиями она «засветила» явочную квартиру КГБ и «раскрыла особо ценного секретного агента». В общем, нанесла непоправимый ущерб интересам государственной безопасности. «В сталинское время вас расстреляли бы как врага народа!» – вынес суровый вердикт руководитель отделения (смех при этом он сдерживал с трудом). После того, как женщина всласть порыдала и покаялась, ей дали подписать «бумагу о неразглашении», посоветовали «сдувать пылинки с мужа, взявшего её на поруки» (только это, дескать, и спасло её «от каземата»), и отправили восвояси.

Над опером, которого выследила ревнивая супруга, коллеги потом долго потешались, а руководители отделений стали требовать от подчинённых «соответствовать профессиональным требованиям». Проще говоря, если идёшь на явочную квартиру, проверяй, нет ли за тобой «наружного наблюдения», не крадётся ли по пятам ревнивая жена.

Судя по тому, что казусы, аналогичные произошедшему в доме по улице Ага Нейматулла, с операми КГБ Азербайджана продолжали случаться и дальше (в среднем раз в семь-восемь лет), комитетские курьёзы с ревнивыми жёнами можно квалифицировать как «системные»...

* * *

Конечно, бывали в работе КГБ Азербайджана курьёзы куда более приятные для оперов, чем описанный выше. *«На острове Кипр, в городе Лимассол (это греческая Республика Кипр), на пляже у меня должна была произойти встреча с агентом Первого Главного Управления (ПГУ) – внешней разведки КГБ СССР. От этого человека я должен был получить важную разведывательную информацию и передать ему «адекватный гонорар». День, время и место встречи на лимассольском пляже были согласованы заранее. Однако агент на встречу не явился. Неявка агента могла быть мотивирована целым рядом причин, из которых наиважнейшая – выявленное наружное наблюдение зарубежных спецслужб. Поэтому, если агент не приходил на встречу, это всегда была «заявка на чрезвычайную ситуацию». Но агент – человек, он может, например, заболеть. Или, если плохо знает страну и город, в котором должна произойти встреча, опоздать «на рандеву». Поэтому, планируя встречу с агентом, сотрудник ПГУ обязательно заранее обговаривает с ним запасные варианты. Это может быть встреча в том же месте, но в другие день и время. Может, конечно, измениться и место запасной встречи. На греческом Кипре местная контрразведка особо «не свирепствовала», поэтому место запасных встреч с агентом оставалось неизменным – пляж города Лимассол. На следующий день агент вновь не явился на встречу. Я же, ожидая встречи с агентом, продолжал, «как на работу» (фактически так оно и было), каждый день ходить на пляж. В Лимассоле я дивно провёл время и могу признаться, что лучшего отдыха, чем та неделя на греческом Кипре, у меня больше не было. Правда, к концу недели в резидентуре ПГУ на Кипре на меня стали коситься. Понять коллег можно – время идёт, а я то ли отдыхаю за государственный счёт, то ли про-*

вою операцию... К счастью, через неделю агент на встречу явился, и я получил от него долгожданные разведданные. Причиной же моего «прекрасного лимассольского ожидания» стала банальная ошибка агента в планировании маршрута в Лимассол. Агент сначала прилетел в Турцию, оттуда – в Турецкую Республику Северного Кипра. Агент почему-то решил, что каких-либо проблем на пути из Северного Кипра в Лимассол у него не будет. Ан нет – на границе греческого и турецкого Кипра греческие пограничники агента, имевшего в паспорте отметку о нахождении в Турции, «завернули обратно». Пришлось агенту возвращаться в Турцию, оттуда – на Балканы, и только после этого на греческий Кипр, в Лимассол. Эта ошибка агента в планировании маршрута операцию не сорвала, а мне обеспечила неделю великолепного отдыха на Кипре...» **(Акиф Гасанов).**

* * *

История встреч сотрудников ПГУ с агентами в «зарубежье» полна курьёзов «на любой вкус» – большей частью с той или иной горчинкой (случай в Лимассоле стоит в этом ряду приятным особняком). «Моя первая зарубежная встреча с агентом должна была произойти в столице Финляндии у памятника маршалу Маннергейму. Агента (его я должен был получить «на связь» от другого сотрудника КГБ) я знал в лицо, он, соответственно, знал меня. Подхожу в назначенное время к памятнику, вижу агента, «устанавливаю с ним визуальный контакт» и начинаю сближение. И вдруг агент поворачивается ко мне спиной и делает «дугу» за памятник. Я тоже делаю «дугу» – но агента «за спиной Маннергейма» нет! Исчез агент! Я был уверен, что к месту встречи подошёл без «хвоста» наружного наблюдения финской контрразведки. Во-первых, на маршруте к памятнику я прошёл полную проверку (это сделали сотрудники резидентуры ПГУ в Финляндии). Во-вторых, оперативная обстановка в Хельсинки всегда была спокойная – активно финны против КГБ не работали. Поэтому финская «наружка» за моей спиной была практически исключена, и что (или кто) насторожило агента, было непонятно. Но гадать – это впустую тратить время, тем более, что по плану операции через два часа агент должен был ждать меня (это был запасной вариант встречи) у памятника композитору Яну Сибелиусу. Подхожу в назначенное время к памятнику Сибелиусу – агента нет! Состояние у меня жуткое – первая зарубежная командировка, и неудачи следуют одна за другой! В резерве – последний запасной вариант встречи – в церкви. Вечер, я устал, нервы – на пределе, вхожу в церковь – ну, наконец-то, агент стоит у колонны! Там и встретились. Он мне в руку – разведданные в полиэтиленовом пакете, я ему – конверт с «гонораром». На прощание всё же спросил у агента, почему он исчез «у Маннергейма» и не явился «к Сибелиусу»? Агент зашептал: «Вы должны были руку к шапке поднести, дать знать, что «хвоста» за вами нет». «Рука у шапки» оговорена не была, у агента, я думаю, просто сдали нервы. Хотя агент был проинструктирован: сотрудник ПГУ, если за ним «наружка», если он под контролем «сопредельной контрразведки», на встречу с источником никогда не пойдёт. Потому что по всем профессиональным канонам, если за разведчиком «хвост», целесообразнее не пойти на встречу с агентом, потерять время и силы, потраченные на путь (с проверками и перепроверками на «хвосты») к месту встречи, чем лишиться источника разведывательной информации» **(А.Гасанов).**

Ещё один курьёз из разряда «с горчинкой» произошёл в столице Австрии Вене. «В условленном месте я встретился с агентом, получил от источника материалы, в общем, операция успешная, остался последний штрих – сесть в машину посольства СССР (а это – советская экстерритория, здесь чувствуешь себя почти в безопасности) и доехать до резидентуры. Настроение у меня хорошее, гуляю по переулкам старого города, высматриваю опера, который должен «подхватить» меня на авто с дипномерами. Время идёт, опера не видно, я начинаю нервничать – в кармане у меня разведданные, мало ли что может произойти, полицейская история какая-нибудь, случайная или спецслужбами на-

товскими подстроена. Попаду в участок, проведут личный досмотр, найдут разведданные – и всё, провал операции! Махнул рукой на комфорт машины посольской и, как простой австриец, сел на метро и поехал – но не в дипмиссию (это «сломало бы творческие биографии мне и оперу»), а в посольскую гостиницу. В те годы сотовой связи не было, позвонить оперу и предупредить, что жду его в гостинице, не могу. Делать нечего, отправился в буфет. Сижу, пью пиво, вдруг в буфет врывается «потерянный опер» и лезет на меня с кулаками. Кричит нервно: «Где ты был?! Я тебя ждал, я тебя искал!..» Ясно, что нервы у коллеги на пределе, да и мысли самые тревожные прессингуют: контрразведка австрийская меня скрутила, разведданные изъяла, операция с треском провалена! И один из виновников провала, не исключено, опер, который вовремя в переулочек не заехал, не забрал коллегу! (На самом деле вина была моя – переулки-то я перепутал!) Хорошо, что всё хорошо закончилось. Съездили мы в посольство, сдали материалы, а потом отправились «на реанимацию» – пивом и водкой стресс снимать...» **(А.Гасанов).**

«Венский курьёз» отнюдь не уникален – подобных случаев в работе ПГУ (и сотрудников КГБ Азербайджана, работавших за рубежом) было немало. Главная тому причина – недостаточное знание опером топографии места встречи с агентом. «Топография» же может подвести в двух случаях: либо опер прибыл в страну, где ему предстоит работать «под крышей» посольства или другой советской зарубежной организации, не так давно и потому просто не успел самостоятельно изучить «местность» (сначала по карте, затем, словно турист, «осматривая городские достопримечательности» – и не только их). Либо, если маршрутную часть оперативной встречи опера с агентом готовят коллеги, они допускают небрежность или неточность в описании движения разведчика «из пункта А в пункт Б». Для опера ПГУ не выйти в назначенное время на встречу с агентом – не провал, конечно, операции, но происшествие чрезвычайное, больно бьющее по нервам разведчика. Да и отчёт об инциденте «навечно» ляжет в комитетское досье сотрудника КГБ. А это обидно, особенно если инцидент произошёл не по вине опера.

«Такой «прокол», связанный с топографической ошибкой, произошёл в моей работе в Финляндии. В Хельсинки у меня должна была состояться встреча с агентом. И я, и агент приехали в Хельсинки из-за «финских рубежей», встреча должна была пройти в ресторане, поэтому мой маршрут «из пункта А в пункт Б» подготовила финская резидентура ПГУ. Вот только опер, «проложивший маршрут», сделал это, используя карту Хельсинки – без «проверки на дорогах». На карте предпоследний этап маршрута проходил по проспекту, который выводил меня на этап последний – улицу, ведущую к «ресторану встречи». В резидентуре, показывая мне на карте маршрут, опер отметил точку, от которой «проспект раздваивается»: одна улица сворачивает к побережью, а вторая ведёт к месту встречи. «В этом месте, – водя карандашом по карте Хельсинки, сказал мне опер, – повернёте направо и через двадцать минут дойдёте до ресторана, где вас будет ждать агент». В день встречи иду проложенным резидентурой маршрутом, сворачиваю в нужном месте, шагаю двадцать минут – а нужного ресторана всё нет и нет. Прошёл ещё метров сто – ресторана по-прежнему нет, но пришло осознание очевидного – с маршрутом вышла ошибочка. Кто ошибся – я или опер, готовивший маршрут, пока не знаю, но нервы на пределе – если опоздаю на встречу с агентом, он, когда истекут контрольные тридцать минут ожидания, из ресторана исчезнет. Хорошо, если не запаникует – ведь источник проинструктирован: сотрудник резидентуры ПГУ на встречу не придёт лишь в том случае, если обнаружит за собой «хвост». В общем, ситуация не критическая, но неприятная – за микроплёнкой с разведданными придётся идти ещё раз. Развернулся – и быстрым шагом обратно, в исходную точку последнего этапа маршрута. Взял такси, назвал адрес, и через пятнадцать минут был у ресторана. Опоздал на встречу на час. По инструкции агент должен был ждать меня не более десяти минут, затем уйти из ресторана, побродить где-нибудь рядом, через двадцать минут вернуться, если меня по-прежнему нет – встреча

отменяется. Торопливо вхожу в холл ресторана, оглядываюсь – агента нет. И тут меня так скрутило от боли в желудке! Потом врач посольский объяснил – пережитый стресс обернулся для меня «медвежьей болезнью». Кинулся в туалет ресторанный – «с болезнью медвежьей бороться». Одолеп хворь, вышел из туалета, на всякий случай кинул из холла «контрольный взгляд» в зал... И – о чудо! – увидел за столиком знакомый затылок. Забежал в зал – точно, мой агент! Инструкцию он, конечно, нарушил, хотя и по веской общечеловеческой причине – по Хельсинки гуляя, агент проголодался и, раз «ресторан под рукой», решил голод утолить. В итоге мы с агентом, несмотря на «ошибочку в маршруте», всё же встретились. А опер ПГУ из резидентуры финской, который маршрут готовил, за «ошибочку» ту получил выговор – картам доверяй, но улицы да переулки проверяй лично – в Хельсинки тоже случаются дорожные реконструкции...» (Ш.Сулейманов).

* * *

Случались в комитетской работе курьёзы, «оплаченные» стрессами не только нервными. Особенно был богат на синяки и ссадины, причём не фигуральные, а буквальные, шахский Иран. Хотя сотрудников шахской спецслужбы САВАК «учили профессии» коллеги из ЦРУ и Моссада, иранские контрразведчики позволяли себе порой использовать в работе методы «дедовские» – то ли от лени, то ли по какой-то внутренней склонности к физическому насилию. Один такой случай произошёл в Тегеране. Опер ПГУ на посольской машине выехал на встречу с агентом. Время было вечернее, улицы Тегерана пустынные (шла ирано-иракская война), опер ПГУ водитель был лихой и уйти от автомобильных «хвостов» САВАК надеялся, хотя и «со скрипом тормозов», но с желаемым результатом. Вот только в тот роковой вечер «автозатеея не удалась»: саваковцам, очевидно, надоело получать от начальства нагоняя за провальное наружное наблюдение за рьяным сотрудником советской разведки, и они решили прибегнуть к «старым дедовским методам». Когда опер ПГУ пошёл на столичной улице в отрыв от машин САВАК, на дорогу перед его авто вдруг неожиданно рухнуло дерево. Опер успел затормозить, а вот оценить ситуацию и принять верное решение не смог. Да и как тут оценишь и примешь, если в разведшколе подобные ситуации с падающими деревьями не изучались, и весь опыт решения подобных проблем советский разведчик мог почерпнуть разве что «из фильмов про партизан». Другое дело – парни из САВАК. Они-то хорошо знали, где и что им предстоит свершить, когда упадёт подпиленное шахской спецслужбой «зелёное насаждение». И свершили – посольский автомобиль был заблокирован подкатившими следом машинами иранской спецслужбы, из которых вывалились дюжие костоломы, вытащили опера ПГУ с советской экстерритории (таковой являлся автомобиль с дипломатическими номерами) и стали лупить его больно и нещадно.

К счастью для «попавшего в засаду» опера, саваковская экзекуция продолжалась недолго. Резидентура в посольстве СССР слушала (по инструкции) тегеранский эфир, и когда началась «операция устрашения» (рухнуло дерево, к заблокированной «экстерритории» подкатили машины с костоломами, далее в ход были пущены кулаки и ноги), радиодонесения, отправляемые саваковцами начальству, были услышаны не только старшими офицерами САВАК. Из резидентуры ПГУ была тут же дана команда операм из групп прикрытия «прибыть на место инцидента и разобраться в ситуации». Одна за другой к «месту схватки», а точнее, банального избияния толпой саваковцев опера ПГУ, стали подкатывать машины советской резидентуры. Каких-либо сложных мыслительных процессов для трезвой оценки ситуации на дороге не требовалось, и советские разведчики, что называется, «с колёс» вступили в кулачное единоборство с иранскими костоломами. Со стороны это «противостояние спецслужб СССР и Ирана» выглядело банальной уличной дракой, в которой, благодаря численному превосходству (в САВАК этот момент не учли, рассчитывали, что четверых иранцев на одного советского вполне хватит, а тут от-

куда ни возьмись на подмогу одиночке ещё восемь бойцов!), специальной подготовке (в школах КГБ рукопашному бою учили неплохо) и силе духа (товарища, попавшего в беду, надо выручать, да и страстный призыв: «Саваковцы наших бьют!» – звучал в сердце каждого и требовал отмщения – апперкота в челюсть или ногой в пах) разведка ПГУ изрядно поколотила шахскую спецслужбу. Саваковцам апперкоты в челюсти и ноги в пах пришлись явно не по вкусу, и костоломы быстренько с места схватки ретировались. Избитого саваковцами опера коллеги доставили в тегеранский госпиталь, построенный СССР. Здесь его подлечили, а потом откомандировали на родину – в Баку. Посольство, естественно, направило ноту протеста в МИД Ирана, в ответ пришли извинения и рекомендации – отнюдь не все жители Тегерана законопослушны, среди них встречаются хулиганы и даже бандиты, поэтому в ночное время советским дипломатам следует быть «осторожнее на поворотах». Пожалуй, единственный плюс, заработанный ПГУ на этом тегеранском курьёзе – потенциальный агент, на встречу с которым ехал «опер, перед которым упало дерево», был оценён как «подстава САВАК». Само же нападение на советского дипломата на тегеранской улице было квалифицировано в резидентуре как «безуспешная попытка САВАК» погугать оперов ПГУ, укоротить их профессиональный пыл, а заодно всласть поиздеваться над советским разведчиком, «раздражавшим» иранцев своей активностью. Всласть, впрочем, не получилось, скорее, наоборот...

* * *

Слишком активных разведчиков «потенциального противника» не любит ни одна контрразведка мира. САВАК, устроив «хулиганское нападение» на «советского дипломата» в Тегеране, продемонстрировал тем самым не столько своё отношение к «слишком активному» оперу 1-го отдела КГБ Азербайджана, сколько уровень профессионального мастерства иранской спецслужбы, которую в ПГУ иначе, как костоломной, и не называли. Во 2-м отделе КГБ Азербайджана «активных сопредельщиков» тоже недолюбливали, но выражали к этим людям свои чувства, скажем так, изящнее, чем «коллеги из САВАК».

«Каждую неделю в Баку приезжало по 10-15 дипломатов из США, ФРГ, Великобритании, среди которых были и установленные КГБ разведчики. Иностранцы очень любили бродить по Крепости. Место это весьма удобное для встреч с агентами, для закладки контейнеров в тайники, для отработки маршрутов ухода от «наружки». Контролировать перемещения таких персон по Баку – работа тяжкая, поэтому чувства, которые мы испытывали к этим иностранцам, были весьма прохладные. Однажды в Баку из Москвы прилетела большая группа журналистов из США. Из ВГУ мы получили на «гостей» информацию, что они работают на ЦРУ. А также задание: добыть на американцев компрометирующие материалы. Как мы поняли, журналисты из США очень «надоели» нашим московским коллегам, и ВГУ был нужен повод для их выдворения из СССР «за деятельность, несовместимую со статусом журналиста». Американцы в Баку приехали, но как получить на них компромат? И вот здесь нам повезло: «параллельно» с американцами в Баку на гастроли прикатил музыкальный ансамбль из Грузии – «Новые Битлы». Грузинские парни работали под раскрученный бренд «ливерпульской четвёрки» и потому пользовались успехом у «меломанов». Американцы после концерта зашли к грузинам в номер гостиницы, дескать, хотели бы взять у вас интервью. А дальше пошёл разговор, подпадающий под определение «антисоветская агитация». Американские журналисты пустились в демагогию: жили бы на Западе, были бы богаты, знамениты и т.д., мы можем вам помочь уехать из СССР и прочее. Мы этот разговор тоже «послушали» и, когда американцы оставили грузин «подумать», зашли к «кавказским клонам «Битлз» в номер и вежливо спросили, что они думают об этой устроенной «гостями из США политической провокации»? Грузины всё быстро поняли и тут же написали заявления, полные пафоса возмущённых патриотов. Ну, а дальше – дело техники и выдворение «апологетов сво-

* * *

Что стоит за чувством контрразведчиков, выраженным фразой «очень надоели», хорошо иллюстрирует история, произошедшая в Баку в 1981 году. «Весь май нам пришлось «отработать» по немецкому учёному-историку – стажёру, приехавшему в Азербайджан из ФРГ. Стажировался он в Институте истории АН, поселился, как и все приезжавшие в Баку иностранцы, в гостинице «Интурист». У нас была директива Центра, что стажёр является установленным сотрудником германской спецслужбы. Поэтому, как только немец появился в Баку, за ним было установлено тщательное наблюдение: что делает, куда ходит, с кем встречается, о чём говорит. Поведение немца сразу насторожило 2-й отдел. Например, стажёр заходил на Главпочту и вбрасывал в ящик для «иностранной корреспонденции» по десять-двадцать открыток – ОТО приходилось их изымать, изучать на тайнопись и наличие микроплёнки, «отрабатывать адресатов». Или ночью, тихо поднявшись с постели, стажёр заходил в ванную комнату и в темноте (номер был оборудован «жучками» и аппаратурой визуального контроля) то ли тайник закладывал, то ли что другое оборудовал. На следующий день сотрудники ОТО в поисках тайника должны были дотошно изучить в ванной комнате стажёра из ФРГ каждый квадратный сантиметр. Вот только результаты «дотошности» каждый раз оказывались нулевыми. Или около полуночи стажёр гасил в номере свет и, как сообщали нам «средства контроля, установленные в отеле», ложился спать. Наружное наблюдение за стажёром «после отбоя», естественно, снималось. А немец через 30-40 минут тихо выходил из номера, покидал отель и «растворялся» на улицах Баку. Я был единственный неженатый сотрудник отделения, поэтому круглосуточно «держат руку на пульсе» стажёра в «Интуристе» «доверили» мне. И когда немец «вдруг пробуждался» и покидал номер отеля, я вынужден был срочно – по тревоге – вызывать к гостинице оперов «наружки». Потому что по всем канонам контрразведки ночные вылазки стажёра должны быть оценены либо как попытки закладки иностранцем в тайник контейнера, предназначенного для агента или шпиона-нелегала, либо как попытки изъятия из тайника контейнера с разведывательными донесениями, подготовленными агентом или разведчиком-нелегалом для западной спецслужбы, на которую это неизвестное нам лицо работало в Азербайджане. В первом случае, если бы речь шла о закладке контейнера, нам необходимо было узнать место, где находится тайник, и установить за ним круглосуточное наблюдение в надежде, что за контейнером рано или поздно придёт агент или шпион-нелегал. Ну, а затем установить за персоной выявленного агента или шпиона-нелегала (что само по себе большой успех контрразведки!) наблюдение, позволяющее выявить связи «тайного врага». Во втором случае мы должны были зафиксировать момент изъятия из тайника шпионского контейнера, а затем изъять его у стажёра, чтобы, во-первых, не допустить «ухода» за рубеж информации, имевшей, не исключено, стратегическое значение, а во-вторых, расшифровав донесение агента (как вариант – шпиона-нелегала), можно определить круг лиц, имевших доступ к отправляемой за рубеж информации, после чего, проведя ряд оперативных мероприятий, выйти в итоге на агента или шпиона. А это уже «высший контрразведывательный пилотаж»!

В «работе по стажёру», продолжавшейся месяц, были задействованы значительные силы 2-го и 7-го отделов, а также ОТО. В номере стажёра были установлены «жучки», когда он покидал отель, все его перемещения по Баку, все встречи с людьми на улицах фиксировались на фото- и видеокамеры. Затем устанавливались личности людей, с которыми стажёр случайно или не случайно, но встретился, пусть и мимолётно – ведь даже при контакте, продолжавшемся несколько секунд, можно обменяться словами, можно передать из рук в руки миниатюрный контейнер с микроплёнкой. И каждый день писались «отчёты о проделанной работе». К концу операции опера с ног валились от усталости, но

отчёты для руководства требовалось писать каждый день, точнее, каждую ночь – только в это время, когда стажёр после «прогулок по городу» возвращался в «Интурист», у нас появлялась возможность заняться отчётотворчеством.

Через месяц закончилась у немца стажировка, и уехал он обратно в Германию. За это время 2-й и 7-й отделы плюс ОТО выполнили колоссальный объём работы. Перефразируя слова поэта, переворошили «сто тонн руды» – и всё ради единственной выявленной встречи стажёра с агентом или шпионом-нелегалом, ради обнаружения хотя бы одного тайника, одного контейнера! А в результате – ничего! Ни агента, ни шпиона, ни тайника, ни контейнера!

В общем, поняли мы, что стажёр приехал в Баку «на шпионскую практику» – учился он, используя спецов КГБ, уходить от «наружки», закладывать тайники – работать, одним словом, «под колпаком» спецслужб противника. Думаю, что месяц, проведённый «на полигоне» в Баку, дал немцу – как разведчику – богатейший профессиональный опыт. К сожалению, такие пустейшие сценарии в работе спецслужб, как месячная слежка КГБ Азербайджана за стажёром из ФРГ, увы, тоже случаются...» **(А.Гасанов)**.

* * *

Перефразируя известное речение, можно сказать, что в жизни всегда есть место курьёзу. Забавные случаи могут происходить с каждым человеком, но в КГБ учились, набирались опыта даже на курьёзах, «достойных забвения». «Забавный – и поучительный – случай произошёл со мной во время учёбы в 101-й разведшколе. В декабре слушатели школы должны были сдавать зачёт по СД-1 по теме важной, базовой, выявлявшей уровень хватки контрразведчика и ловкости разведчика – «Отрыв от наружного наблюдения и закладка тайника». Сдавать зачёт надо было сначала теоретически – билет, вопросы, ответы – это не трудно. А после теории – практически. Вот это была действительно задача! За слушателем 101-й во время сдачи зачёта экзаменаторы пускали настоящее наружное наблюдение – профессионалов из Седьмого управления КГБ СССР. От них надо было оторваться, провериться «на отрыв», добраться до выбранного в зачётном задании места и заложить «тайник с секретной информацией». Готовиться к сдаче этого зачёта мы начали осенью: по субботам-воскресеньям изучали в Москве и области маршруты движения к месту закладки тайника, искали, где и как можно оторваться от «семёрочников», сами придумывали и готовили тайники и контейнеры.

К зачёту по СД-1 я подготовился хорошо. Понимая, что от московской «наружки» мне, бакинцу, плохо знающему улочки-переулки Москвы, оторваться вряд ли удастся, я подумал-подумал и решил, что пусть опера Седьмого ведут меня «от начала и до конца». Главное-то в задании – заложить контейнер в тайник так, чтобы «наружка» не заметила, пропустила сам момент закладки. Поэтому, готовясь осенью к сдаче зачёта по СД-1, я долго бродил по центру Москвы в поисках места, подходящего для закладки тайника. И в октябре нашёл такую подходящую для выполнения моего плана точку: почтовое отделение на Гоголевском бульваре недалеко от Центральной почты. Открываешь в это почтовое отделение входную дверь – «наружка» тебя видит, идёт следом, но по тротуару. А ты закрываешь входную дверь, за ней тамбур, шаг-другой – и ты перед дверью второй, ведущей в небольшие сени, или, если по-иноземному, в холл. Вошёл в холл, дверь за собой закрыл – и всё, на секунду-две «наружка» теряет тебя из виду. А в холле справа – радиатор отопления, прямо – дверь в почтовый зал. За ту секунду, которую ты выиграл у «наружки», надо просто протянуть руку и прилепить к задней стенке радиатора «контейнер» – в моём случае деревянный сучок, обёрнутый липкой лентой. В сучке, разумеется, ничего нет, это так, учебный муляж контейнера. Главное – чтобы этот сучок оказался в нужное время в нужном месте, куда через полчаса после закладки должен подойти другой слушатель 101-й, с которым – «в оперативной паре» – я сдавал зачёт по СД-1. У моего

партнёра было другое зачётное задание – отрыв от «наружки» и изъятие контейнера. Разумеется, задание своё совместное мы с партнёром обсудили-обговорили, побывали заранее на Гоголевском бульваре, в почтовом отделении осмотрели-пощупали радиатор, к месту, где контейнер-сучок прилипнет, примерились – и не раз – и глазом, и рукой. По всем прикидкам выходило, что даже с плотной «наружкой» за спиной задание своё зачётное мы выполним. Надо только поводить «наружку» по Москве, по местам людным, бойким, часа два-три, чтобы глаза у «семёрочников» «замылились», чтобы для них почтовое отделение, где «контейнер» схоронен будет, стало в один длинный и однородный ряд «объектов посещения». Чтобы на ту секунду, которая понадобится мне для закладки «контейнера», а партнёру для его изъятия, опера «наружки» внимания не обратили. Чтобы сразу, как войдут они в сени-холл – в зал почтовый – следом за слушателями, зачёт сдающими, протопали, на радиатор если и взглянули, то мельком, и, главное, пальцами чуткими по поверхности его, обращённой к стене, «контрольно» не прошлись.

И вот в день декабрьский, прямо как у Пушкина – «Мороз и солнце, день чудесный!» – отправился я сдавать зачёт. От «наружки», как ни пытался, оторвался не смог – в Седьмом управлении работали профессионалы. В метро, в вагоне, пристроившись у дверей с категорической надписью «Не прислоняться», записал я в блокнотик необходимое для «отчёта по зачёту» – приметы двух оперов, пущенных по моему следу, кто во что одет, и номер «Волги», которая катила за мной по улицам до станции подземки. Настроение у меня было отличное, хотя «наружка» не отстаёт, топает рядом, но это неважно, потому что главное для сдачи зачёта по СД-1 – заложить мой контейнер-сучок в тайник. С приятными мыслями о близкой оценке «отлично» вышел я на станции «Курская кольцевая», поднялся на эскалаторе, двинул на Курский вокзал к кассам пригородных электричек – очередная порция «мыла» для цепких глаз оперов «наружки», ещё одна щепоть «перца кайенского» для их чутких ноздрей.

И тут неожиданно почувствовал я неладное – цепкий взгляд милиционера, прохаживавшегося около касс. Зацепил он меня взглядом – и не отпустил, «пошёл на сближение». Подошёл, козырнул, сухо представился: «Сержант Сидоров», и сразу к делу: «Предъявите ваши документы». Ну что ж, имеет право, лишь бы до обыска не дошло: в одном внутреннем кармане пальто у меня «контейнер» для закладки в тайник, в другом – диктофон, в рукаве – шнур и миниатюрный пульт с кнопками «включить-выключить». Милиционеры, если найдут «шпионскую амуницию» – непременно («для выяснения обстоятельств») в отделение потащат. А это – провал учебного задания и незачёт. Поэтому, стараясь сохранить спокойствие и невозмутимость, достал я паспорт, протянул сержанту, глаз от милицейских буравчиков не отвёл. Сержант паспорт изучил, а потом вопросы стал задавать: куда едете да зачем? Поведение слушателя 101-й «на маршруте» при сдаче зачёта по СД-1 должно быть естественным, начнёшь нервничать, суетиться, «наружка» потом в отчётах «детали» эти отразит, а это нехорошо, потому что играет на понижение оценки. Пожал я плечами и как законопослушный рядовой советский гражданин отчитался перед сержантом Сидоровым: инженер-нефтяник из Азербайджана, прилетел неделю назад в Москву в служебную командировку, на Курский вокзал зашёл, чтобы узнать насчёт поезда в Баку.

Скрипнул зубами сержант, вернул мне паспорт, но не отошёл, рядом каблуками стучит. На Курском вокзале – людей тьма, ввинтился я в толпу, залавировал к выходу, только оказался на улице, вздохнул с облегчением, что от неугомонного сержанта Сидорова оторвался, как ко мне два милиционера подходят, вновь документы требуют. Что за чёрт! Протянул я им паспорт, сам стал у сержантов выпытывать, чем это я так московской милиции приглянулся?

Прищурил на меня глаз старший, да и выдал: получена ориентировка на насильника, надругался, негодяй, над девочкой трёхлетней, до смерти замучил дитя невинное,

и по приметам я(!) – как раз та самая похотливая мразь, с юной москвичкой поступившая жестоко и бесчестно!

Высказал я тогда громко всё, что думаю о педофилах. Высказал искренне, с болью за дитя погибшее, за родителей его несчастных, хотя мать, оставившая на улице коляску с маленькой дочерью, дура безответственная! Потом уже, оценивая свою реакцию на слова сержанта о педофиле и его приметах, пришёл я к выводу, что милиционер ждал от подозреваемого иной реакции, ждал, что если проверяемый им кавказец тот, кого ищет столичная милиция, не выдержат его нервы напряжённые, чем-нибудь да проявит себя сущность его преступная. А реакция у «подозреваемого» оказалась иной, смутившей сержантов – да нет, вроде не педофил, вроде бы человек законопослушный. Если, конечно, не обладает педофил талантами актёрскими, и весь его гнев праведный, все слова его правильные – не игра «за выживание», не попытка вырваться из, казалось бы, уже зачёркнувшегося милицейского капкана.

Переписал сержант мои паспортные данные и отпустил, но вниманием своим столичная милиция меня не оставляет, идёт следом, «на всякий случай», вдруг мои документы – липа, вдруг я и есть тот самый педофил, которого надо найти и «взять живым или мёртвым». Может быть, ещё час-другой, и последует команда на моё задержание по подозрению в изнасиловании ребёнка! И всё, нет тогда зачёта по СД-1!

Иду я по улице, спокойно иду, со стороны – сама законопослушность, а в душе – буря! Следом – сержанты. За ними – опера из «Семёрки». Идут, улыбаются, ещё бы, как весело, оказался слушатель 101-й на крючке у милиции, вот потеха! Наверное, уже успели доложить преподавателю моей учебной группы, зачёт принимающему! Подумал я, подумал, подошёл к телефону-автомату, да и позвонил в штаб ПГУ, в особнячок старый, двухэтажный, настоящий сказочный терем рядом со Смоленской площадью как раз напротив здания МИДа – на время сдачи зачёта по СД-1 преподаватель с коллегами, сидя в том домике уютном и кофеек попивая, ситуацию зачётную «на контроле» держали.

Трубку снял преподаватель, я ему сразу поведал про милицию, мешающую нормальному учебному процессу, и попросил либо позвонить в МВД, чтобы приказали своим сержантам не мешать сдаче зачёта по СД-1, либо машину прислали, чтобы хотя бы от сержантов милицейских увезла она слушателя 101-й! Хохотнул преподаватель, а потом выдал: «Будем считать, что вы действуете в условиях, максимально приближенных к «боевым». Покажите, чему вас научили в разведшколе, сами оторвитесь и от милиции, и от нашего наружного наблюдения!»

«Задача невыполнимая», – подумал я тогда, из телефонной будки вышел, а что делать, не знаю. А часы тик-так, тик-так, на весь зачёт время – шесть часов, до закладки тайника – всего два часа осталось, плюс ещё полчаса – и в почтовом отделении за радиатором-обогревателем будет нащупывать «контейнер» мой партнёр по зачёту. Если не оторвусь от милиции, получается, у обоих – «провал операции» и незачёт по СД-1!

Как за последнюю соломинку ухватился я тогда за друга-одноклассника по моголиёвской контрразведывательной школе – Муслима Мамедова. Окончил Муслим исторический факультет МГУ, в Джалилабаде преподавал в школе историю, но в Комитете решили иначе, и оказался историк Мамедов в Моголиёве. После окончания моголиёвской школы получил назначение в Баку, в КГБ Азербайджана. А через год направили Муслима на работу в ЦК Компартии республики. Но образовательный ценз у Муслима оказался «невысок» – истфак МГУ да школа контрразведывательная, вот его для повышения квалификации «профессионального революционера» и направили в Москву в Академию общественных наук при ЦК КПСС.

Академия стояла на Большой Садово-Кудринской улице и граничила с Зоологическим парком, на который по какому-то наитию возлагал я остатки своих зачётных надежд. Позвонил по телефону-автомату Муслиму, он, к счастью, оказался в комнате своей ака-

демической, на просьбу друга о пропуске в АОН откликнулся легко.

Поймал я такси – и в АОН! На входе уже поджидает Муслим с пропуском. Поднялись мы в комнату Муслима, я быстро рассказал ему о зачёте и «топтунах» – милицейских (об этих без деталей) да своих, «семёрочных», на пути к оценке отличной стоявших. Всё понял Муслим, задумался. Вижу, думы у Муслима есть, а результата нет. И вдруг открывается дверь, и в комнате появляется сынишка Муслима – Рауф. Стрельнул в него глазом Муслим, да говорит: «А скажи нам, сын, можно ли дядю Шамиля в парк Зоологический вывести так, чтобы никто об этом не узнал?»

Почесал голову Рауф, сделал глаза хитрящие и говорит: «Взрослому дяде будет как-то неудобно в парк без билета пробираться».

Слова мальчугана для меня – как бальзам на рану. Потому что понял я главное – уйду сейчас через лаз тайный, мальчишеский, сделанный в заборе, АОН от парка отделившем, и от милиции, и от «Семёрки»!

Так и получилось. Пока сержанты да опера Седьмого управления перед зданием АОН переминались, вывел меня мальчуган через двор академический в парк Зоологический, оттуда – на Большую Грузинскую, ну, а дальше – дело техники. На такси я в нужное время оказался на Гоголевском бульваре и прилепил за батареей отопительной свой сучок-контейнер. В общем, выполнил задание на «отлично»!

А педофила милиция московская всё же нашла – оказался им кавказец, но не из Азербайджана...» (Ш.Сулейманов).

* * *

«Королём комитетских курьёзов» стал в КГБ Азербайджана случай, поначалу обещающий – по накалу интриги и ожидаемым результатам – войти в комитетские анналы как чрезвычайный.

Началась эта история, поначалу представлявшаяся контрразведывательной операцией «особой государственной важности», осенью 1957 года. Один из агентов 2-го отдела, работавший в Баку на заводе (каком – не суть важно, не будем бросать тень на уважаемое предприятие), сообщил офицеру контрразведки, с которым «добровольный помощник КГБ» был «на связи», информацию «особой важности». Её суть – на первого секретаря ЦК КПСС и главу советского правительства «дорогого Никиту Сергеевича Хрущёва» готовится покушение! Об этом «в узком кругу» случайно проговорился коллега агента, принёсшего в Комитет чрезвычайную информацию – инженер со «славного пролетарскими традициями завода».

Полученную информацию о «готовящемся на товарища Хрущёва покушении» КГБ Азербайджана оперативно доложил на Лубянку. Это было естественно: только-только, в июне 1957 года, на заседании Президиума Совета Министров СССР «антипартийная группа Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» попыталась отстранить от власти Хрущёва. «Легитимным путём» довести до конца задуманное у «заговорщиков» не получилось, вот они и «примкнувшие к ним сталинисты» и надумали лишить жизни главу партии и правительства. Схема «физического устранения заговорщиками видного партийного и государственного деятеля СССР» в логику мышления руководства Лубянки вписалась идеально – сколько таких заговоров за неполные сорок лет советской власти удалось раскрыть чекистам! Тут покушения и на товарища Ленина, и на товарища Сталина, теперь очередь дошла и до товарища Хрущёва! Одним словом, «дело о готовящемся покушении на Хрущёва», за ниточку которого в Баку потянула контрразведка КГБ Азербайджана, на Лубянке взяли под особый контроль!

Сознавая «чрезвычайную важность операции по предотвращению покушения на главу партии и правительства и разоблачению всех заговорщиков», в КГБ Азербайджана рьяно взялись за дело. За инженером – ниточкой, ведущей к заговорщикам – было уста-

новлено круглосуточное наружное наблюдение. В квартире, в которой проживали инженер и его жена, в их отсутствие был произведён тщательнейший обыск – искали оружие, взрывчатку, «адреса, пароли, явки», одним словом, нити, ведущие к ядру заговора. Не нашли ни оружия, ни взрывчатки, ни «нитей», что свидетельствовало о «глубокой конспирации заговора». Об этом же свидетельствовали и внезапные исчезновения инженера из Баку, его ловкие «уходы» от наружного наблюдения оперов 7-го отдела и тайные поездки в другие города СССР. Ясное дело, что «тайные поездки в другие города» инженер мог совершать лишь с одной целью – для конспиративных встреч с заговорщиками, получения от них инструкций, не исключено, оружия, из которого будет совершено покушение! Причём не где-нибудь, а, вероятнее всего, в Баку, который «кремлёвский вождь» должен был посетить с руководящим визитом в апреле 1960 года.

Лубянка «держала дело на контроле» и требовала результатов. А вот с этим были проблемы: в почти 500-страничном «деле о заговоре и покушении на Н.Хрущёва», заведённом в КГБ Азербайджана, накопилось великое множество донесений от оперов «наружки» и 2-го отдела, спецов ОТО (прослушка, перлюстрация), но в этих бумагах не было ни адресов, ни явок, ни паролей, ни имён заговорщиков! Из чего следовало, что участники заговора мастерством конспирации владеют на высочайшем уровне!

Поэтому, чтобы раскрыть глубоко законспирированный заговор (Лубянка требует и требует результаты!), дело было передано лучшему «пинкертону» КГБ Азербайджана.

Лучший не подвёл – покушение на Н.Хрущёва во время апрельского визита главы партии и правительства в Баку КГБ Азербайджана удалось предотвратить. Хотя можно сформулировать и так: оно не случилось. Но конспирация заговорщиков выстояла – инженер продолжал уходить от «наружки» 7-го отдела, тайно посещал другие города, явно с кем-то встречался, однако нить, за которую цепко держалась контрразведка, к «ядру заговора» так и не приводила – рвалась... Задерживать инженера 2-й отдел не решался – арест единственного известного КГБ заговорщика «мог испортить всю большую многоходовую игру»...

Нераскрытому заговору против Н.Хрущёва шёл пятый год...

«В 1962 году меня, молодого опера 2-го отдела, вызвал к себе начальник контрразведки КГБ Азербайджана Гейдар Алиев. Гейдар Алиевич передал мне 700-страничное дело «о заговоре», приказал ознакомиться с ним и доложить выводы. Как я понял, у Гейдара Алиевича «дело о заговоре» вызвало какие-то сомнения, и он поручил мне взглянуть на собранные материалы «незамыленным взглядом».

С делом я ознакомился, и вывод, к которому пришёл, «теорию заговора»... полностью опровергал! Почему? Во-первых, за пять лет, в течение которых за инженером «шло» плотное наружное наблюдение, не было выявлено ни одного контакта бакинца с «товарищами по заговору» – ни в столице Азербайджана, ни в Ростове, ни в других городах Союза, которые «тайно посещал» единственный известный КГБ заговорщик. Правда, из этого факта можно было сделать два вывода: либо в деле конспирации заговорщики превзошли КГБ, либо заговора, участником которого является инженер, не существует в природе. Во-вторых, ни в квартире инженера, ни в квартирах, которые он посещал, не было обнаружено ни одной улики, ведущей к заговорщикам. Из этого факта можно было сделать аналогичные выводы: либо заговорщики супермены, либо их – в нашем конкретном деле – «нет в природе». В-третьих, в поведении инженера «наблюдались странности». Например, в «свежем» отчёте 7-го отдела сообщалось, что инженер «ушёл от наружного наблюдения», затем позвонил из телефона-автомата домой и назначил супруге встречу в кустах Московского проспекта (сейчас это проспект Гейдара Алиева). Но «великий конспиратор», уйдя от «наружки», никогда бы не позвонил на номер домашнего телефона! «Великий-то» наверняка должен знать, что КГБ его «домашнюю линию» прослушивает! Дальше странностей ещё больше. Инженер «конспира-

тивно» встречается с женой в кустах, съедает принесённый супругой обед, а затем мужчина и женщина вступают в интимную близость. Интим заговору не помеха, да и в самой близости между мужем и женой ничего странного, конечно, нет. Странно то, что любовью мужчина и женщина занимаются на одном из проспектов Баку, в кустах, которые – для фиксации действия на фотоплёнку – раздвинула «наружка», но мог раздвинуть любой бакинец, «перебежавший дорогу в неполюженном месте». Возможно, опера «наружки», проведя фиксацию действия на Московском проспекте, «по горячим следам» пришли к выводу, что «инженер – великий и смелый любовник». Но мне «на холодную голову» в Сером доме пришла мысль иная – а заговорщик-то наш, случаем, не больной ли душой человек? А раз так, «заговор с целью покушения на товарища Хрущёва» не является ли плодом его, скажем мягко, больного воображения? К этой простой мысли меня подвело и отсутствие в деле каких-либо документов, отражающих психический статус «выявленного заговорщика».

Когда я доложил Гейдару Алиевичу свои выводы, он тут же снял телефонную трубку и поручил сотруднику отдела, «работавшему со студентами вузов Баку», организовать встречу «с профильным специалистом».

В клинической психиатрической больницы №2 (сейчас – улица Сулеймана Рустама, 40) меня принял молодой врач, назовём его «доктор С». Он был завербован 2-м отделом ещё в студенческие годы – информировал контрразведку «о политических настроениях среди студентов и преподавателей медицинского института». «Доктор С», выслушав меня, тут же «поставил диагноз». Оказывается, наш инженер – пациент психиатрической больницы №2 «с большим лечебным стажем». Инженера периодически лечат, после этого он возвращается в семью и на «родной завод». Администрация завода, как я затем выяснил, знала и о диагнозе, и о странностях инженера, но из гуманных соображений прощала ему прогулы, которые наш «заговорщик» использовал для «тайных визитов в другие города СССР». **(Ш.Сулейманов).**

Таким вот образом, благодаря «свежему взгляду» на дело о «заговоре с целью покушения на главу Коммунистической партии и советского правительства», всё странное в этой тянувшейся пять лет истории стало явным. Хотя винить в непрофессионализме лучшего «пинкертон» КГБ Азербайджана, который вёл это дело, не стоит. Время тогда было суровое, и, коль речь шла о «заговоре против первого лица», меньшим персональным злом было продолжение дела, а большим – его закрытие... Мало ли что, а вдруг?! В том смысле, что напишет, например, коллега «лучшего пинкертон» донесение на Лубянку: так мол и так, закрыл дело о готовящемся покушении на товарища Хрущёва, не исключено, сочувствует заговорщикам, а то и состоит в их рядах... Опять же президента США Джона Кеннеди в Далласе застрелили. Если уж у них за океаном у Ли Харви Освальда получилось, то, кто знает, может, и наш инженер стрелок не промах?.. Да и мудрость житейская гласит: лучше переключаться, чем недоключаться...

Хотя, как показывает бакинская история «с подготовкой покушения на первое лицо СССР», даже отмеряя поклоны, не стоит забывать о чувстве меры...

«Медовые ловушки»

Ветеран советской разведки Ашур Давыдович Азизов в 1943 году в Тегеране был одним из тех, кто, противодействуя сотрудникам и агентам германского Абвера, обеспечивал безопасность встречи «большой тройки» – председателя Совета Народных Комиссаров СССР Иосифа Сталина, президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. О событиях, произошедших в 1943 году в Тегеране, Ашур Давыдович молодым сотрудникам КГБ Азербайджана не рассказывал, на все их просьбы «прикоснуться к истории» отвечал: «Об этом как-нибудь

потом...» А вот о методах работы советской разведки кое-что поведал. «Перед моей командировкой в иранский Исфахан Ашур Давыдович, с которым я занимался «шлифовкой» фарси, дал мне несколько ценных профессиональных советов – и не только филологических. Помня о наставлениях ветерана советской разведки, в Исфахане я счастливо избежал так называемой «медовой ловушки», подготовленной для меня САВАК...» **(Фариз Мамедов).**

«Медовая ловушка» – один из традиционных, известных с древнейших времён метод вербовки агентуры с помощью женщины (для педераста сгодится и мужчина), «подставленной» объекту вербовочной операции спецслужбой потенциального противника. Однако для того, чтобы «объект разработки» угодил в расставленную для него «медовую ловушку», требуется наличие целого ряда условий. Во-первых, объект должен быть готов (в идеале – иметь сильное желание) пойти на любовный контакт. Во-вторых, при создании необходимых условий объект на любовный контакт идёт (это важный момент – дипломаты и разведчики о вероятных «медовых ловушках» инструктируются и – чисто гипотетически – попадать в них не должны). В-третьих, «сцена любви» документально фиксируется спецслужбой потенциального противника (в древнейшие времена для фиксации использовались «неожиданно появившиеся свидетели», после появления фотографии процесс документирования перешёл в чисто техническую сферу). В-четвёртых, получив «медовый» компромат, сотрудники спецслужбы потенциального противника должны, используя «методы психологического давления», добиться от объекта вербовки согласия на сотрудничество (в идеале – письменного).

«В Исфахане иранский инженер, с которым мне пришлось работать как переводчику, узнав, когда я выезжаю в Тегеран, а оттуда в Баку (командировка моя заканчивалась, и о дате отъезда знали в САВАК), пообещал «в знак благодарности» отлучиться на пару дней с комбината и сводить меня в столичные бары. Рассказав немало приятного о барах, инженер плавно перешёл к «Дарвазе газвин» – официально действовавшему в шахском Тегеране публичном доме. Инженер в подробностях живописал фонтан «Дарвазе газвин», расположенный в центральном зале публичного дома, струи которого «окрашены в семь цветов радуги». И, конечно же, о восточных, на все вкусы, красавицах, сидящих вокруг фонтана в лёгких пеньюарах в ожидании «возлюбленных». Понять, что задача инженера – соблазнить меня прелестями «Дарвазе газвин», завлечь в эту «медовую ловушку», предоставить САВАК (или ЦРУ с Моссад) реальную возможность получить на меня глянцевый компромат, а затем завербовать, было совсем нетрудно. Я вежливо поблагодарил инженера за «любезное желание познакомить меня с восточными сказками Тегерана» и, сославшись на неотложные дела, от приглашения посетить столичные бары и «Дарвазе газвин» отказался. На первый взгляд, иной реакции на прямолинейное приглашение САВАК шагнуть в «медовую ловушку» у проинструктированного советского специалиста быть и не могло. Однако спустя несколько лет после Исфахана в беседе с коллегой (он был из КГБ, но не Азербайджана) я вдруг услышал от него «оговорку по Фрейду» – детали о «Дарвазе газвин», которые мог знать либо человек, получивший точную информацию об этом публичном доме, либо побывавший в этом заведении. Знал или побывал мой коллега в «Дарвазе газвин» – вопрос принципиальный. Потому что, если побывал, САВАК или ЦРУ могли получить на него «медовый компромат»... Последовала ли после визита в «Дарвазе газвин» попытка вербовки моего коллеги спецслужбой «потенциального противника», была ли она удачной?.. Ответов на эти вопросы я не знаю. Зато известно, что у «медовых ловушек» КГБ «коэффициент полезного действия» был высокий...» **(Ф.Мамедов).**

АЛИНА ТАЛЫБОВА

Из цикла «ЕВРОХРОНИКИ»

Брашовская рапсодия

1

...Жить бы мне в городе
Брашове, Брашове,
Жить, разговаривать не по-нашему,
Быть среди прочих, черных и рыжих,
Не замечая Карпат, обхвативших
Города чашу...

По утренним улицам
Вдаль устремляться, от ветра ссутулившись,
Снег убивая на маленькой площади
Злыми студенческими подошвами.
Зданыя минуя муниципальные,
Где Католичество и Православие
Робко друг друга касаются крыльями,
А в сумраке под черепичными крышами
Вечность порхает летучею мышью...

Но трезвый наш век
этих звуков не слышит:
Дракула служит инструктором лыжным
Где-то на базе... (Ну да, не без риска:
Недосчитаются пары туристов
Время от времени –

спросят у Влада,
Хмыкнет и взгляд отведет косоватый.
Тянет давно в Трансильвании серой...)
Ну, а в свободное время в таверне
Он жарит бифштексы, с гостями смеется
И под охотку за скрипку берется:
Пробует ногтем смычок, и покорно
Навзничь откинется тоненьким горлом
Юная скрипка...

Не вздумайте слушать!..
Вот уж и вправду: выпьет всю душу
Капля за каплей – и тело пустое
С тихим смешком
опрокинет на стойку....

2

...Что бы родиться мне этой вот брашовкой
В джинсах и свитере вязки домашней,
Смуглою и угловатой нимфеткою,
Узкой попыхивать сигареткою,
Путь пролагая в Консерваторию,
Предпочитая «Колу» истории,
Щедро разлитой в мартовском воздухе...
Тайно влюбляться в учителя музыки
(Он же – хормейстер в местном соборе,
Где он, не то, чтобы верует в Бога,
Ну, а скорее, уверовав в Баха,
По воскресеньям, не ведая страха,
Руки кладет на пюпитр, как на плаху...)

...Ах, не понять
        всем на свете нимфеткам,
Как это сладко: порою рассветной,
Дома захлопнув скрипучую дверцу
Вновь пробираться со стынувшим сердцем
Прямо туда, где от ночи налево
Черная Церковь стоит по колено
В белом снегу... (В ледяном ее чреве
Мерзнут скамьи, и химеры, и девы
С толстым младенцем
        и профилем плоским,
Митры, колонны, граненые розы...)

Темною узенькой лестничкой виться,
Чтобы в урочное время явиться
Перед лицо отгоревших династий.
И отзываться с покорностью рабской
На Иоганна и Себастьяна,
        Эммануэля и Христиана...
Быть простачком среди интриг с обманов,
Со жгучим стыдом вождедея к органу –
Гладить его мускулистые трубы,
И уводить пересохшие губы
От поцелуев валторн и фаготов,
Наспех оправдываясь чахоткой.

И вот уже, над мирозданьем убогим
Фуга –
        как поступь незримого бога.
Лист партитурный, как свежие соты,
Вьются впотьмах золотистые ноты –
Мед их так сладок,
        так нежно смертелен...
Можно ль все это равнять, в самом деле,
С диким надрывом цыганистых скрипок,
Что так и льнут,
        по-кошачьему гибки!..

И снова, свой страх объяснить не умея,
Тщиться разжать на натянутой шее
Их деревянные смуглые руки,
Брезгуя страстью... Из этого круга
Нету исхода...

(И сломанной флейтой
Тоненько плачет на хорах нимфетка.)

3

...Номер не тесный,
нескучная книжка –
Что ж мне еще?..

Но отчетливо слышу:
В угольной тьме на подтаявших склонах
Сонм колокольчиков звонит по сонму
С двух Мировых не пришедших героев...
Чем я прапамять свою успокою?..
Не интернетом, вопящим о третьей
Из Мировых, о последнем рассвете...

Вроде бы сплю, но и бодрствую тоже
В кресле лилово-немыслимой кожи.
За полночь в двери ко мне постучится
Серый и маленький пехотинец
(Тот, что на низком стоит пьедестале
Города в центре).

Я спорить не стану:
Вот мы сидим в пригостиничном баре –
Странная прочим непарная пара.
Он меня слабым вином угощает,
Сердится, просит,
ревнует, прощает.
В губы целует –
протяжно, отдельно,
Напрочь смутив постояльцев отеля.
– Па¹, – говорит,
– Тэ ю беск², – говорит он.
– Па...

И уходит по выбитым плитам,
Тяжкий приклад волоча...
– Ave, Ave!..
Он сотни раз мне изменит со Славой –
Той маркитанткою в алом корсаже,
С вечною флягой у рта... А однажды
Мне сообщат в равнодушном конверте –
Что он изменил мне навечно –
со Смертью,
Этой высокою девушкой в белом...

¹ Па (румынск.) – прощай, до свиданья

² Тэ ю беск (румынск.) – я люблю тебя

4

**...И снова мне снится роскошная бедность
Старых домов, где Мадонна над входом
Тесную дружбу ведет с письмоводом
И старой соседкой.**

**А в медальонах
Каменных вновь расцветают пионы,
И розы Эдема, и черепице
Вымокшей небо июньское снится...**

**Снег заметает мой след в город Брашов,
Где разговаривают не по-нашему,
И жителей томит предчувствие марта...
Память опять, как Карпаты, сжимает
Черепашку, и скрипка смеется,
И снова вино разноцветное льется
Наземь из бочек из великанских.
Дракула, замки, напевом цыганским
Дунет в лицо, как цветною метелью,
Лыжники, банки, церкви, отели...**

**– Па, – говорю,
– Мультимеск¹, – говорю я.
Время у памяти мелочь ворует.
Визы кончаются, так же, как жизни,
Мы разъезжаемся в наши отчизны,
И только ночами истомой встревожит
Сердце, о шпиль твоих уколовшееся.
И через годы в неведомом страхе
Снова трепещут чепцы у монахинь,
В аэропортовской тесной часовне...
В окнах – луна, королева бессониц.
Я с чемоданами зрею над миром,
Вечность дробя на неровные миги,
Снег осыпая на шпиль и башенки
В городе Брашове,
в городе Брашове.**

Брашов – Баку

Я минус ты

* * *

**...Ну, а ночами –
обычное дело –
Снова душа выбиралась из тела
И уходила – на запад, на запад.
Этот жильца холостяцкого запах**

¹ Мультимеск (румынск.) – спасибо

С винной кислинкой,
с пыльцой шоколадной...
Шторы, набухшие ранним закатом,
Гасли нескоро.
А в свете торшерном
Тени вились, и на полке шеренгой
Книги стояли недвижно и немо,
Словно гвардейцы у стен Букингема.

Адрес начеркан рукою невнятной,
Но тэги слетаются стайкою жадной:
Улицу помню и серую реку,
Скучный бульвар,
ресторанчик турецкий,
Ветхий собор в мишуре карнавальной...
Всё, что тогда обступало в реале
И болью зубовно-любовною ныло –
Зарубцевалось,
оглохло,
остыло.

* * *

...Ты был несвободен –
а как же иначе?..
Какая-то мелкая, медная сдача
Былых отношений звенела в кармане,
Как гнутая ложечка
в смутном стакане.
Экспресс, между тем, набирал обороты,
Отстукивал фуги, и марши, и оды
Властителям,
и лакрिमозы – ушедшим.
Мы спали бок о бок,
но бились на шеях
Стихи, заплутавшие в кровеносных
Проулках... Стояла роскошная осень
На европространстве, на милях и акрах,
В тетрадках поэтов,
в покоях тетрархов.
И мачо седели и шли в патриархи,
И парки вязали на лавочках в парке
Футлярчики
для старомодных смартфонов.
И не с кого было спросить поименно
За то, что творилось внутри и снаружи,
За всю эпохальность локальных войнушек
Каких-то там сербов, и басков, и горцев,
За ужасы, скучные для миротворцев –
Рожателей санкций,
инспекторов ада...

Соседи твои – пожиратели БАДов,
Здоровались с нами, но чуяли ясно,
Что мы представляем
опасность для расы.

* * *

...Клочок мироздания взявши в аренду,
Мы часто летали
по-над континентом.

Трещали устои, свободы крепчали,
Планету сорвать норовило с причала
И в щепы разбить
о пустоты Вселенной.
В положенный час выходила Селена,
С трудом разлепляя белесые веки:
Налево пропахшая вафлями Вена
Кафкину тень предъявляла туристам.
Мальчик в Брюсселе старательно писал.
Шлялись Антверпенем вялые готы,
Под локоток выводили кого-то
Из казино в люксембургскую полночь.
Был будапештский отель переполнен
Сходкой отвязных цыганских баронов,
За толерантность радеющих кровно.

А рядом, в какой-то из смежных Италий
Новые русичи смачно гуляли,
И аниматоры жались по стенам,
И прочие этносы в страхе смотрели
На истребителей лобстеров модных,
Этих носителей странной свободы –
Хамов, пророков,
детей, азиатов...
И возносился над всеми Распятый.

* * *

...Ночь черновик
свой же собственный правит,
Ангелы в небе гоняют без правил.
Час откровений – ни рано, ни поздно.
Окон напротив вояка из бронзы
На постамент свой взберется неловко.
Наспех обдернувши экипировку,
Ногу отставит, застынет картинно.
Млечный хайвей
растворился в стремнине
Утра. Рядятся с рекламами птицы,
Фрекен с метелками в двери стучится...

– Не выдавай меня!..

Спрячь меня, скомкав,
В стопке белья в самой дальней из комнат,
В горке вчерашней посуды на кухне
Иль во флаконе из-под шампуня...
И поклянись журналистам бывалым:
Я здесь ни атомом не побывала –
Просто фрамугою стукнуло в спальне,
Да невзначай пробрело в зазеркалье
Нечто, ничто, бестелесное нетто...

Призраки выключенного интернета
Тихо скребутся в углах ноутбука,
Маясь предчувствием скорой разлуки
С цивилизацией атомных инков
И непристойных наскальных картинок.

...Дальше не стóбит. Всё это пустое.
Новая осень тебя успокоит
И ниспошлет тебе хлеба и рифмы.
Я же останусь – погрешностью шрифта,
Стиля помаркой, дизайнерским ляпом...
И снова –

дождями забрызганный Запад.
Я, возвращаясь в родные восток,
Счастлива, в общем,
постольку-поскольку:
Жгу менуэты на кончиках нервов,
Телепортируюсь
в век двести первый.

Кёльн – Баку

МАРКИШ, СЫН МАРКИША

Когда ведущий литературного вечера в Бакинском славянском университете произнес имя присутствовавшего среди гостей Первого Международного фестиваля книги прозаика Давида Маркиша, в памяти сразу всплыло имя известного еврейского поэта Переца Маркиша, репрессированного в годы сталинизма, а когда следом было заявлено, что гость печатался в местных изданиях – газете «Вышка» и журнале «Литературный Азербайджан», тут же дала о себе знать болезнь всех бакинцев, влюбленных в свой уникальный город: узнать какие-либо неизвестные факты из прошлого Баку и бакинцев, в том числе, из общей для всех советской истории. Естественно, что по окончании вечера я тут же засыпала гостя вопросами, успев узнать, что в 13-летнем возрасте он скрывался в Баку от чекистов, а в 1992 году у него в нашем городе состоялись литературные вечера. Интервью продолжалось уже в гостинице, где остановились российские гости, и растянулось на полтора часа, потому что оказалось, что внутренний мир моего собеседника вместил в себя целую Вселенную, в которой нашлось место не только бакинцам, но и многим из тех, с кем скрещивались жизненные пути моего собеседника. Это потом только из Интернета я узнала, что Давид Маркиш – широко известный в Израиле, где он сейчас живет, общественный человек. В свое время он был советником премьер-министра Израиля Ицхака Рабина по связям с русскоязычной общиной, председателем Союза русскоязычных писателей, ныне является президентом Ассоциации творческой интеллигенции Израиля, главным редактором русскоязычной газеты «24». Книги Давида Маркиша в переводах выходили в США, Бразилии, Англии, Германии, Швеции, Швейцарии, в различные годы он удостоивался израильских и британских литературных премий.

– Давид, расскажите, пожалуйста, о вашем отце. За что его репрессировали? Вообще, поподробнее расскажите о вашей семье.

– Мой отец был известным поэтом. Я его знаю, можно сказать, больше как поэта, потому что, когда его арестовали 28 января 1949 года, мне было 10 лет. Семья не знала ни что с ним, ни какие ему предъявлены обвинения. После того, как его увели, у нас два дня был обыск, искали какие-то документы. Он погиб в тюрьме 12 августа 1952 года, нам об этом сообщили. Во всем мире люди, которым было известно, кто такой Перец Маркиш, знали о его гибели. Он был великий поэт, писавший на языке идиш, и в этом у меня нет никаких сомнений, поскольку я его переводил и знаю как поэта. Это был удивительной мощи поэт. В 20-е годы он эмигрировал от большевиков, провел в эмиграции четыре с половиной года и основал там движение молодой еврейской поэзии, которое называлось «Халястрэ» («Порыв»). Он работал вместе с двумя замечательными людьми, втроем они издавали в Варшаве в начале двадцатых годов журнал «Халястрэ». Одним из этих людей был Марк Захарович Шагал, с которым отец дружил. Шагал оформлял журнал, а соредктором отца по журналу был знаменитейший впоследствии израильский поэт, писавший на языке иврит, Ури-Цви Гринберг. Он родился во Львове и, как многие из израильтян, приехал в Палестину в начале 20-х годов, стал там крупным поэтом, мистическим и немного пророческим. Отец приехал в страну в те же годы, пробыл там меньше года и уехал, потому что не хотел менять язык своего творчества – идиш – на иврит.

В те времена в Палестине писать на каком-либо языке, кроме иврита, было невозможно по той причине, что шла война языков, и иврит утверждался как язык будущего государства. Потом вся группа еврейских прозаиков и поэтов где-то в середине двадцатых годов вернулась в Советскую Россию, и это определило их судьбу: они все погибли. Это были самые крупные писатели, писавшие на языке идиш, и среди них мой отец. Лишь один или два поэта в эмиграции не были. Они и погибли намного раньше – в 1937 году.

Я могу сказать, что моя семья дала мне возможность как бы почувствовать подъемную силу двух крыльев. С одной стороны, это семья моего отца, родом из маленького местечка Полоное близ Житомира. Они были люди с минимальным, нищим достатком. Мой отец писал в

своей автобиографии, что он получил домашнее образование. Он ходил в начальную еврейскую школу. Его отец (мой дед) был преподавателем в младшей еврейской школе (так называемый «хедэр»). Денег у евреев за это не платили, но очень уважали, и каждый что-то давал из съестного: хлеб, селедку. Бабка зарабатывала тем, что покупала на рынке селедку, разрубала на куски и продавала по кусочкам. В этом был доход семьи. У отца моего не было обуви, поэтому старший брат носил его в школу осенью и зимой на плечах. Я потом побывал на родине отца, ходил по улице, которая сегодня носит его имя, хотел понять, почувствовать, что такое бедность. Для меня это было очень важно.

По материнской линии мы были богатые, вернее, мой дед, который имел в Баку, в 20-е годы, нефтеносный участок, потом – фабрику, вплоть до НЭПа. Когда НЭП закончился, деда стали регулярно сажать в тюрьму и все у него отняли, а что не отняла власть, отобрали бандиты.

– В Баку он приехал из России?

– Из Украины, они были родом из каких-то тамошних мест. Он здесь, в Баку, жил с конца десятих годов до прихода большевиков. Его дом стоял на Малой Крепостной, 14 и сохранился до сих пор. Когда сюда пришли комиссары, к деду подселили Джапаридзе, при этом деда хотели выкинуть из собственного дома, но Джапаридзе сказал: «Не надо, не надо, мы не хотим вас стеснять». Так они и жили в одном доме: мой дед и Джапаридзе, но недолго. Дед вскоре со своей семьей эмигрировал за границу, в Турцию.

– Вы не интересовались, как у деда складывались отношения с Джапаридзе?

– Вполне нормально. Комиссар в него не стрелял, не вешал, не пугал, но было понятно, кто в доме хозяин, а кто как бы жилец. Хозяин был Джапаридзе. И более того, Джапаридзе заступался за моего дядьку, брата моей матери, впоследствии знаменитого журналиста Лазебникова. То ли его кто-то побил, то ли хотел посадить, и Джапаридзе, в свою очередь, хотел посадить обидчиков моего дяди, который в те годы был совсем молодым парнем. С трудом мой дед, вся семья умолили Джапаридзе никого не сажать.

Когда начался НЭП, дед вернулся обратно и открыл здесь, в Баку, какой-то завод, кажется, по производству красок. Когда наступил конец НЭПа, деда стали регулярно таскать в тюрьму и все из него выколачивать, выбивать. Пытаясь спасти имущество, он отправил его в Украину, но бандиты украли вагон, в котором оно находилось. Дед обнищал и в первой половине 30-х годов умер в России от последствия арестов – тяжелой астмы, которую заработал в тюрьме. Так что еще до того, как я родился, у меня были две подпорки в семье; одна была богатая, другая – нищая, и это очень меня греет. И я как-то с удовольствием об этом думаю. Потому что я испытал не только... Нет, я знаю, ощущаю...

– Темные и светлые стороны жизни?

– Я бы не сказал, что нищета – это темная сторона. Она обычная для человека, а богатство – это необычная сторона. Ну вот я как-то ощущаю, что, с одной стороны, – был дом, автомобиль, чуть ли не первый в Баку, у моего деда, а с другой стороны, был отец, которого старший брат носил на спине, потому что у отца не было обуви, чтобы шлепать по грязи до школы. Отец очень рано ушел из дома, из местечка, где родился – в 1895 году. И где-то с 1915 года он начал печатать стихи на идиш. Он был очень образованным человеком, хотя не учился ни в университете, ни...

– Самообразование?

– Да, домашнее, как он называл. Он много чего умел делать.

– А чему он вас учил?

– Вы знаете, обычно принято считать, что отец, хороший отец, ходит с коляской, с детьми ходит в зоопарк, в цирк... Я считаю, что это чепуха. Связь между отцом и сыном базируется не на количестве часов, проведенных вместе, а на качестве времени, которое отец уделяет своим детям, и я могу сказать, что мой отец не относился к категории отцов, которые ходили с детьми, гуляли, «выгуливали», но те часы, которые он уделял своим детям, запечатлелись в нас.

– Это были краткие часы? Чем они были заполнены?

– Краткие. Общением и контактом духовным, душевным, сердечным...

– *Что он вам говорил, что вы больше всего запомнили?*

– Он определил, например, чем я буду заниматься. Однажды на даче он пошел со мной погулять, и, когда мы возвращались, он мне по дороге сказал: «Ты видел, как летала бабочка над цветком? Опиши это своими словами». Мне было, может быть, 6-7 лет. И я ему, как смог, описал полет бабочки над цветком. Он сказал моей матери: «Этот мальчик будет заниматься искусством – литературой, музыкой, не знаю, но будет заниматься искусством». И я это запомнил...

– *А житейскому чему-то учил?*

– Чему житейскому я мог учиться в семье знаменитого поэта, финансово независимого человека, где были две няньки, домработница, квартира в центре Москвы? А вот мать моя хотела, чтобы я снимался в кино. Мальчишкой меня приглашали. Отец не хотел и правильно делал. Это совершенно ни к чему ребенку. В конце концов, все-таки уговорили его, и я снялся в довольно знаменитом детском фильме «Слон и веревочка» по сценарию Агнии Львовны Барто. Я играл главную роль мальчика, а взрослых там играли Фаина Раневская и Плятт. Так что, довольно серьезные люди... Они знали моего отца. Барто позвала меня, потому что увидела в доме отца и предложила попробовать сняться в кино. Я тогда уже учился в первом классе и, конечно, пропуская уроки, поэтому студия, которая снимала фильм, взяла мне учителя. Когда меня пригласили сниматься во втором фильме, отец сказал: «Все, это конец, он никуда больше не пойдет, дайте ему спокойно учиться, не морочьте ему голову». И это я тоже помню хорошо. Он был прав. Если бы у меня была такая ситуация, я сделал бы то же самое по отношению к своим детям. У отца была очень большая библиотека. И мы, конечно же, пользовались ею, конечно же, читали книги, которые в Москве трудно было найти, особенно если не ходить по спецхранам, библиотекам. Все было дома. Но мы знали, что отцу мешать нельзя. Он с утра работал до обеда, и тогда нельзя было даже говорить по телефону. То есть мы, дети, знали, что это не шутки, что отец работает, мы не шумели, не галдели, это вырабатывало во мне, скажем, я так думаю, ощущение того, чем мой отец занимается. И занятия отца оказали огромное влияние на мою психологию.

– *Вы сказали, что в Баку вам пришлось скрываться от чекистов. Как это могло быть, не представляю себе. Сколько же вам было лет?*

– Ссылку я получил в 13 лет, через несколько лет после гибели отца. В феврале 1953 года, за месяц и 5 дней до смерти Сталина, у всей нашей семьи – матери, брата, сестры отца, племянника – тех, кто был прописан в отцовской квартире в Москве, взяли подписку о невыезде. Было ясно, что это означает: следующий этап – арест или ссылка. Поэтому было решено, что я, подросток, попытаюсь скрыться. И я уехал в Баку, к жившим здесь, в Крепости, родственникам. Они не испугались, приняли меня, и это был смелый шаг. Вот так я здесь попытался скрыться от чекистов, даже пошел в школу, но если нашу семью забрали первого февраля, то меня поймали не позже 2-3 числа. Мне было заявлено, что я должен немедленно отправиться в ссылку, иначе меня арестуют здесь, в Баку, и повезут по этапу. Это было крайне неприятно. Я собрал свой ранец и поехал не в школу, а в ссылку, в Северный Казахстан, приблизительно через 10 дней после того, как туда приехали мои родные. Нам всем дали по 10 лет. Смерть Сталина нас спасла, и мы вернулись почти через два года.

– *На вас ссылка каким-то образом сказалась, определила ваш характер?*

– Поскольку я был молодой, то воспринимал ее не как наказание, а как авантюру, но понимал, что значит отнять свободу: оттуда никуда нельзя было выйти. Тем, кто выходил, давали 20 лет каторги. Я считаю, что ссылка принесла мне пользу. Ведь обычно подростка ведут из мира детей в мир взрослых, как на цепочке, аккуратно, чтобы он не поранился. А в ссылке перед тобой стеклянная стена. Ты ее лбом пробьешь. Если изранился, ничего страшного не будет, заживет, но зато ты переходишь из мира в мир рывком, и это – экстремальная ситуация. На мой взгляд, в тех условиях, в которых мы жили при большевиках в Советском Союзе, это было полезно.

– *Где же вы жили?*

– В ауле посреди степи, неподалеку от Байконура. Тогда Байконура не было, место называлось Тюратам. Это была голая пустыня, аул же назывался Кармакчи.

– И как к вам, ссыльным, относились местные жители?

– Их почти не было. Там жили 10 тысяч человек, из которых более девяти тысяч ссыльных и 500 казахов, да и тех не видно было. Там каждый волен был заниматься чем угодно и так же совершенно свободно умереть. Денег не было, родственники из Москвы чуть-чуть помогали, мама вязала кофты, которые отсылала в Москву для продажи. Я работал в похоронном оркестре – играл на «тарелках». Денег не платили, но кормили на поминках. Это был мой, можно сказать, первый трудовой заработок.

– У вас есть музыкальные способности?

– Никаких, слуха музыкального нет вообще, но есть хотелось очень сильно, и я мог играть хоть на чем угодно, но ни на чем, кроме как на тарелках, не мог. Я начал писать стихи, и у меня было чувство ритма, то, что нужно для игры на тарелках. Оркестр был из 5 человек и играл только одну вещь – траурный марш Шопена, почему-то больше ничего не знал. Ничего. Он ритмический, этот марш, и я играл себе на тарелках. Так что, когда нас иногда приглашали на свадьбу, мы тоже играли марш Шопена. Когда после смерти Сталина режим ослаб, нас перевели уже в город, потом мы вернулись в Москву, я уже окончил школу, тот же класс, откуда меня забрали по окончании. Поступил сначала в мединститут, потому что отец еще не был реабилитирован, а когда это случилось, ушел после I курса мединститута и поступил в Литературный институт имени Горького. Потом я учился на Высших курсах сценаристов и режиссеров кино и ваш Рустам Ибрагимбеков – мой товарищ по этим курсам. Мы два года проучились в одной группе.

– Вы говорили, что учились с Айтматовым.

– С ним я учился в Литинституте. Айтматов учился на Высших литературных курсах (ВЛК), а я учился в Литинституте. Это в одном здании было. А со мной учился – он младше был меня на курс или два – Олжас Сулейменов, мой товарищ хороший, которого я сейчас в Баку встретил. Мы видимся иногда с ним. Это все мои друзья.

– Какими они были? Чем выделялись?

– Я с Олжасом был ближе, мы просто были хорошие друзья, у Чингиза я бывал во Фрунзе (нынешний Бишкек – ред.) не один раз, мы были в теплых приятельских отношениях, которые и сейчас сохранились. А Олжас был моим другом.

– Мне интересно, какой он был человек в общении, с друзьями, людьми?

– Олжас очень талантливый, одаренный человек. Я считаю, что он хороший поэт и совершил подвиг, написав книжку «Аз и я». Он рассказывал мне о замысле этой книги. Я был первым из людей, выступавших на его поэтическом семинаре на обсуждении его стихов. Я ему недавно напомнил стихотворные строчки, которые запомнил с тех лет. Мы с ним очень дружны.

– Когда были нападки на него, связанные с «Аз и я», он, наверное, переживал, вы, наверное, об этом знаете.

– Конечно, переживал. Он боялся, что его посадят.

– А что? Могли посадить?

– Ну конечно, могли. Ведь он как бы наехал на русскую историю.

– А Айтматов?

– Он никогда не занимался подобным делом. Он писал только прозу, политикой не занимался. Но это не политика, а литературное осмысление «Слова о полку Игореве». Олжас замахнулся как бы на святое.

– Вы разделяете его мнение?

– Я считаю, что это очень интересно. Вы понимаете, я скажу так: не зная, невозможно судить. Знать мы не можем ничего. Ничего, включая подлинность «Слова о полку Игореве». Оригинал, как известно, пропал. Это все ссылки на оригинал, которого нет, а темные места в «Слове о полку Игореве» остаются, и Олжас смелейшим образом пытался эти темные места просветлить. Некоторым это не нравилось, некоторые считали, что это вообще поклеп на русскую литературу. Я этого не думаю. Каждый свободен высказать свою точку зрения.

– Каким в молодые годы был Айтматов?

– Он был другой. Задумчивый человек, он всегда был более замкнут, чем Олжас. Я дружил с таким замечательным поэтом – Геннадием Айги, его звали Гена Лисин. Практически его

считают гением, и я думаю, что это близко к правде. Он умер менее полугода назад. Он был знаменитым, самым крупным из известных. Он чуваш, но писал по-русски. Каждый был по-своему чрезвычайно интересен. Это были безумно талантливые люди. Это моя обойма по институту. Евтушенко был старше меня, но мы дружили. Белла Ахмадулина, Юнна Мориц – это наш курс, 60-е годы, «шестидесятники» так называемые. А потом, когда прошло несколько лет, я поступил на Высшие сценарные курсы. Там был Рустам Ибрагимбеков – он тогда только начинал. Резо Габриадзе – великолепнейший талант, Володя Маканин – прекрасный прозаик, может быть, один из лучших, на мой взгляд, очень хороший армянский прозаик Грант Матевосян, недавно умерший. С Андреем Битовым мы учились в одной мастерской два года.

Нас было человек 30 на курсе, маленький курс, который назывался лицей. Потому что, когда мы закончили, люди как-то проявили себя и вошли в литературу и в кино. Это все сильные были ребята. Поэтому мы очень приятно дружили, общались.

– *Вы общались с Владимиром Высоцким, Иосифом Бродским...*

– С Высоцким мы дружили, по его просьбе я для него написал две песни. В одной такие слова: «Слушай, мальчик Ваня, в этой жизни все цыгане...» и другая – «Мечется стрелка спидометра, деревья падают замертво, в синих глазах твоих...» Он пел их, хотя редко пел на чужие слова, – не любил. С Бродским я познакомился когда-то в публичной библиотеке в Ленинграде. А потом мы с ним виделись в эмиграции, я был у него дома в Нью-Йорке. Мы всю ночь с ним сидели и разговаривали об Андрее Платонове. Он любил Платонова, и я считал, что он гениальный писатель. Мне о Бродском рассказывала еще Анна Ахматова, и она меня о нем спрашивала: читал ли я его стихи и т.д. От нее я впервые услышал такие высокие слова о Бродском... Она считала, что он самый перспективный, крупный из молодых поэтов, а из стариков, разумеется, Пастернак. Самым крупным камерным поэтом России она считала Арсения Александровича Тарковского.

– *Какими были ваши первые годы в литературе?*

– Мне было 18 лет, я учился на первом курсе Литинститута, когда ко мне в Москве обратился один грузинский литератор, которого я знал, и сказал: «Приехал очень известный грузинский поэт – Алеко Мирцхулава (Мошишвили), и он недоволен переводом своей поэмы «Урмули». Он хотел заказать повторный перевод, потому что ему не понравился тот, который сделали для самого главного издательства страны – Гослитиздата. Я пришел к нему в гостиницу и он сказал: «Вот поэма». Там было строк шестьсот, очень много. Тем не менее я сказал: «Алеко Андреевич, сколько даете времени?» «Два дня», – ответил он. Это очень мало, но я сказал: «Хорошо, попробую». Пришел домой, завесил окошко шторами, чтобы не отвлекаться, стол поставил в угол и засел. За двое суток перевел я эту поэму. Перевод Мирцхулаве понравился, и поэма ушла в издательство. Это для меня было важно, потому что я только начинал, учился на 1 курсе. Мирцхулава пообещал меня пригласить на подготовку к Декаде грузинской литературы и искусства в Москве. «Приезжайте, будете переводить грузин, если хотите». Я сказал, что очень хочу. И действительно, я получил приглашение и приехал в Тбилиси. Это был 57-й год. Я тогда перевел две книжки – Мариджан и Саджая. Это были первые в моей жизни книжки. Они вышли в Тбилиси. Так началось мое сотрудничество с грузинской литературой. Потом переводил Вазу Пшавелу, Акакия Церетели, в том числе и живых классиков, в частности Леонидзе, Каладзе. Стихи я писал до 30 лет, и в те же годы переводил стихи Наби Хазри.

– *Вы говорили, что знали Петра Чагина.*

– Петр Иванович Чагин был председателем комиссии по литературному наследию моего отца после того, как отца реабилитировали. Это было в 1956 году. Он приходил к нам домой не один раз. Был замечательным, очень интересным человеком. Если бы я знал, кто он такой, но... Он это скрывал, не то, чтобы скрывал, не выпячивал. Я знал, что он здесь, в Баку, был как бы руководителем.

– *Вторым секретарем ЦК КП Азербайджана, редактором газеты «Бакинский рабочий».*

– Да. Он рассказал мне историю о том, как Есенин написал стихотворение «Шаганэ, ты моя, Шаганэ», а в первом варианте было «Чаганэ, ты моя, Чаганэ» и посвящено Чагину.

– *Да что вы, да что вы?! Расскажите, об этом никто не знает.*

– На самом деле Есенин просил Чагина, чтобы тот отвез его в Персию и показал ему

эту страну. И один раз с вечера они крепко погуляли, Чагин посадил Есенина в машину и они целый день ездили где-то тут в окрестностях Баку. Провели время весьма приятно. Вечером пришли домой, наутро Чагин спрашивает Есенина: «Сереза, как тебе понравилась Персия, мы были в Персии». И Есенин написал цикл стихов «Чаганэ, ты моя, Чаганэ». Чаганэ – такого персидского имени нет, как и Шаганэ, а Чаганэ – потому что Чагин. Он как бы посвятил стихотворение Чагину. Но во втором издании он поменял Чаганэ на Шаганэ.

– Кто поменял?

– Сам Есенин.

– А почему все-таки «Чаганэ»? Он объяснил Чагину, может, это было шутивное стихотворение?

– Не-е-т. Это была благодарность, они были друзьями.

– Высшая форма признательности... Но это же сенсация – то, что вы рассказали, потому что некоторые литературоведы утверждают, что стихотворение посвящено армянке.

– Не-е-т. Какой там армянке. Это Петру Ивановичу Чагину.

– Что еще он рассказал вам? Вы говорили, что он и Якова Блюмкина знал.

– Это я узнал потом. Я писал большой роман об Исааке Бабеле, и там есть большие куски о Блюмкине, я хотел бы побольше узнать о нем, но...

– А чем вас заинтересовал Блюмкин?

– Он был в какой-то степени связан с Бабелем, о котором я писал роман. И Блюмкин там играет значительную роль в этом романе. Блюмкин, на мой взгляд, был, если не самым крупным, то одним из крупнейших авантюристов XX века.

– Объясните, пожалуйста.

– Блюмкин убил немецкого посла графа Мирбаха.

– Да, это известно.

– Кроме того, не один раз бывал здесь, в Баку. Он был разведчиком, занимался Гилянской республикой, ведь красные в свое время захватили кусок Персии. И он был комиссаром, а потом начальником штаба. Ему было 19 лет тогда, и он, такой вот мальчишка, командовал армией в Гиляне, вступил в персидскую компартию и приехал в Баку как представитель персидских коммунистов, а на самом деле он был одесский еврей.

– А эта история с Николаем Рерихом, где тоже присутствует имя Блюмкина?

– Рерих в своих воспоминаниях о тибетских путешествиях упоминает такой персонаж – «молодой лама». Вот молодой лама все знает, потом выясняется, что он говорит по-русски. Так вот этим молодым ламой был Блюмкин. Он шел с экспедицией Рериха в Тибет на поиски Шамбалы.

– Хорошо, а как же он встретился с этим молодым ламой?

– Дело в том, что экспедицию Рериха частично оплачивала Москва и туда был внедрен Блюмкин.

– То есть, Рерих не подозревал?

– Я не думаю, что он догадывался окончательно, но какие-то подозрения у него были, что это не просто так – лама прекрасно говорит по-русски, и вообще человек осведомленный.

– Дело в том, что в некоторых публикациях говорят о возможных связях Рериха с чекистами, я в это не верю, тем не менее...

– Есть очень аккуратная граница между той или иной формой сотрудничества. Если можно говорить о сотрудничестве Рериха с Москвой, известно, что Блюмкин привез Рериха в Москву, и они ходили к Луначарскому, который жил на одной лестничной площадке с Блюмкиным. Последний ходил к соседу довольно часто, поэтому они и приехали к Луначарскому. И известно (это было опубликовано): Рерих говорил о том, что возможна советизация или большевизация буддийской территории, что Тибет может стать красно-буддийским. Это были сомнительные истины, но Москву это привлекало, потому что большевики хотели заниматься колониалистическим развитием своей страны. Из этого ничего не вышло: Рерих уехал и больше в Россию, как известно, не приезжал.

– Вас самого существование Шамбалы интересовало?

– Конечно. Я писал об этом в романе «Стать Лютовым», там есть большие куски. Лютов

– это псевдоним Исаака Бабеля. Этот роман – фантазия на тему жизни и смерти Бабеля. И там есть кусок, где фигурирует Блюмкин, который был знаком с Бабелем довольно плотно и тесно.

– *И в какой связи там упоминается Шамбала? Как-то странно: Бабель и Шамбала.*

– Почему же? Насколько Бабель интересовался Шамбалой, я не знаю, этого в книге нет. Но дело в том, что Блюмкин с ним был более, чем знаком. Он был знаком со многими литераторами, подписал манифест имажинистов, потому что сам он писал стихи и был в те времена довольно известен как поэт. Он хотел бросить свою чекистскую работу к тридцати годам и заняться только стихами, но не успел: когда ему было 29 лет, его расстреляли.

– *Несколько слов о вашем творчестве.*

– Я много занимался переводами. Кроме того, я автор романов «Шуты», «Пес», «Приказка». Помимо них у меня в Ленинграде в середине 60-х вышла книжка прозы. Называется она «Пятеро у синего неба». Она рассказывает о моем восхождении на ледник Федченко. Дело в том, что я поставил перед собой цель и выполнил ее: я хотел быть первым евреем, который поднимется на ледник Федченко. И так я и сделал. Меня не пускали, сказали, что разобьюсь. Я верхом ехал трое суток и поднялся-таки. А потом я еще 5 раз там был. И зимой, и летом.

– *Как это произошло?*

– Я был уже более или менее известный журналист. Пришел в «Огонек» и сказал: «Я хочу на ледник Федченко». «Как ты доберешься?» «Доберусь как-нибудь», – ответил я. Поехал в командировку. Получил лошадей, проводника, были и всякие приключения, но я дошел до цели, хотя в Москве мне говорили: «Нечего ехать, ты не дойдешь». Но чем ближе я подходил к Памиру... Там были уже другие люди. Они говорили: «Да, если захочешь, если не утонешь, не упадешь, то докарабкаешься». Высота ледника Федченко – 5200. Я долез туда. Мне было очень интересно, я обожаю эти вещи.

– *А в первый раз как вы все-таки дошли?*

– Это было в августе, как раз вода была высокая и трудно было переходить реки. Пешком нельзя, поднимался сначала на лошади. Потом пешком.

– *Вы спортом вообще занимались?*

– Занимался. Тяжелой атлетикой. Потом альпинизмом стал заниматься. Мне это очень понравилось. Однажды мы поднялись на «шеститысячник» и заложили там тур, что это наше открытие – рядом с бывшим пиком Сталина. Там самая большая гора была по дороге на ледник Федченко. Это было очень приятно. Я в Среднюю Азию приезжал каждый год обязательно хоть по разу и – на Федченко.

– *А что вас тянуло в Среднюю Азию?*

– Две вещи. Во-первых, я сидел там молодым, в этом было что-то... Мне нравился Казахстан и все эти дела, а во-вторых, я считал, что Средняя Азия мне генетически ближе, чем Россия, Сибирь. Мне казалось, что пальма мне ближе, чем береза, и я предпочитал ездить в Среднюю Азию – это ислам, это мусульмане. Это генетически было ближе мне.

– *Мусульмане?*

– Мы, семиты, считаем, что они наши двоюродные братья.

– *Каково ваше восприятие мусульманских традиций, обычаев?*

– Я не знал никаких традиций. Я был молодой парень, который всю жизнь хотел попасть в Израиль, начиная со ссылки. Я знал, что хочу туда уехать, чтобы быть свободным человеком среди свободных людей.

– *Именно свобода вас привлекала?*

– Национальная свобода.

– *А что вас ограничивало в проявлении национальной свободы?*

– Я хотел быть свободным евреем среди свободных же евреев. Это только Израиль.

– *Это вера?*

– Я не религиозный человек. Это свобода любых национальных проявлений. При большевиках в России это было совершенно невозможно.

– *Проявления национальной свободы – это вера, обычаи, традиции...*

– Это культура, традиции, это возможность увидеть вокруг себя людей таких же, как ты. Не быть белой вороной внутри инонационального общества.

– Это связано и с мировоззрением?

– Я бы сказал, что да. Но это связано также и с историей моей семьи. Потому что, находясь в ссылке, я знал точно, что больше не хочу ни в ссылки, никуда. Я хочу поехать домой. И я считал своим домом Израиль.

– И как вам сейчас?

– В полном порядке.

– А на каком языке вы пишете?

– Только по-русски.

– Почему?

– Я не мог перейти на иврит. Когда я приехал в Израиль, мне было 34 года. В это время литературный язык нельзя менять, а я тупой к языкам чрезвычайно. И, тем более, писать на иврите свободно я не могу, потому что не знаю его достаточно, не чувствую кожей, а по-русски я могу.

– А ваше ощущение русского языка, русской культуры?..

– Русская культура, русский язык – это как воздух. Я другим не владею.

– Русский язык – это другая атмосфера, наверное?

– Не русский язык, а иврит – другая атмосфера. Потому что я до 34 лет жил в атмосфере русской культуры и русского языка. Некоторые из писателей-эмигрантов, а я себя не отношу к таковым, у меня немножко другая история, но у моих товарищей – Аксенова, скажем, Войновича в меньшей степени, да и у эмигрантов двадцатых годов, у них с русским языком были проблемы. Тот же Володя Максимов покойный стал хуже писать, потому что язык «уходит».

– Любопытно, а у вас как?

– Нет, у меня этого не произошло. Я могу привести два примера русских писателей, когда язык даже заострился – это Бунин, который написал «Темные аллеи» через 15-20 лет после эмиграции, и Марк Алданов, который владел русским языком так, как дай Бог современным русским писателям.

– А что вам помогло сохранить русский язык?

– Боязнь его забыть.

– Что для вас русский язык?

– Это язык моей профессии, а моя профессия – это моя жизнь.

Интервью вела Франгиз Ханджанбекова

ТЕМУР МАМЕДЗАДЕ

НЕДОУЧКА

Рассказ

Нью-Йорк. 23 часа 52 минуты.

Шёл холодный осенний дождь, когда из небольшого бара на окраине Манхэттена вышел высокий мужчина средних лет. Упрямый квадратный подбородок, тяжелые плечи и длинные мускулистые руки выдавали в этом начинающем лысеть шатене спортсмена. Расправив широкие поля фетровой шляпы, мужчина глянул на часы и негромко присвистнул (было значительно позже, чем он предполагал) и, нахлобучив шляпу на голову, зашагал прочь от питейного заведения, на ходу поднимая воротник плаща. Осторожно ступая начищенными до блеска чёрными лакированными туфлями по жиже замусоренного тротуара и обходя лужи, залитые грязной водой, он, стараясь не запачкать обувь и подсвечивая под ноги фонариком зажигалки, пробирался узким тёмным проулком, который заканчивался подворотней. Выйдя на освещенную улицу, он свернул направо и подошел к чёрному «BMW». Нашарив в просторном кармане плаща ключи, он сел в машину и спустя час был уже дома.

Роджер Смит работал частным детективом, ему было сорок шесть лет, но, несмотря на довольно зрелый возраст, он жил один, потому что больше всего на свете дорожил своей свободой. Роджеру нравилась его работа, и он ни разу не пожалел о том, что однажды, повздорив с отцом (известным адвокатом, который настаивал на его женитьбе на дочери своего давнего друга и коллеги), он в знак протеста бросил учёбу в Гарварде, уже будучи студентом последнего курса, и пошёл служить в морскую пехоту.

Этот решительный шаг помог ему избежать уз нежелательного брака и сохранить свободу, которой он так сильно дорожил. Отслужив по контракту, он, несмотря на настойчивые просьбы отца, не вернулся в Гарвард, чтобы завершить свое образование, и тогда рассерженный родитель, бросив ему в лицо оскорбительное – Недоучка! – вне себя от гнева указал непутёвому сыну на дверь.

Роджер сильно переживал разрыв с отцом, которого, несмотря на его тяжелый характер, очень любил, но не пал духом и пошел работать. Поначалу он перебивался случайными заработками, и кем только ему за это время не пришлось поработать – пару месяцев он даже зарабатывал себе на жизнь, участвуя в боях без правил!

Он был ужасно упрям, кроме того, он был требовательным, и не только к себе, в результате чего имел довольно узкий круг друзей, в выборе которых был весьма разборчив, если не сказать щепетилен. Одним словом, Роджер прожил бурную молодость и немало повидал на своём веку, прежде чем смог накопить необходимую сумму денег для того, чтобы открыть собственное дело. Обладая трезвым умом и богатым воображением (последний фактор вероятнее всего и сыграл решающую роль), он решил попробовать реализовать себя в роли частного детектива и открыл сыскное агентство, о котором мечтал ещё с детства.

На удивление друзей, которые скептически отнеслись к этой затее Роджера, у

него это неплохо получалось, а хорошее знание законов – тут сказывалось его юридическое образование – помогало ему обходить острые углы во взаимоотношениях с полицией и клиентами. За короткое время он раскрыл несколько сложных, запутанных дел и сразу же стал самым востребованным частным детективом в Нью-Йорке. Клиенты высоко ценили деловые качества Роджера и неплохо оплачивали его услуги, но следует отметить, что он никогда не брался за расследование, если дело было ему неинтересно или не соответствовало его принципам морали и порядочности. В таких случаях никакие деньги не могли его соблазнить.

Например, сегодня его пригласили в бар, пообещав интересное дело, и он отправился в назначенное место. Но когда клиент с сомнительной внешностью предложил ему не менее сомнительную сделку – найти должника за крупное вознаграждение – Роджер, зная, чем это может закончиться для несчастного беглеца, не раздумывая, отказался от работы и покинул бар.

Немного философ – а кто из убежденных холостяков немного не философ? – он много думал и читал, эклектик по натуре – он с удовольствием читал как детективы, так и классиков, и с не меньшим удовольствием мог прочесть какой-нибудь философский трактат.

Однажды, ознакомившись с трудами английского философа-схоласта Уильяма Оккама, он пришёл в восторг от понравившегося ему принципа «бритвы Оккама», согласно которому понятия, несводимые к интуитивному и опытному знанию, должны удаляться из науки. Следуя логике средневекового философа и немного перефразировав последнюю часть его постулата, Роджер удалил из своей жизни многие несводимые к интуитивному знанию понятия, одним из которых для него являлось понятие жена – и был счастлив. Но это вовсе не значит, что в его жизни не было места для женщин! А в своей работе сыщика-одиночки он достиг определенных успехов, следуя железному правилу – логически верно выстроенное предположение зачастую является истиной.

Итак, оказавшись дома, Роджер заварил кофе и, удобно расположившись в глубоком кресле, прихлебывая из чашки свой любимый напиток и покуривая «Marlboro», стал прослушивать информацию с автоответчика, заодно просматривая список поступивших сообщений и звонков на его мобильный телефон, который, уходя на встречу с клиентом в бар, он второпях забыл дома.

Убедившись, что кроме нескольких звонков от его помощницы мисс Кларк – старой девы и отставного офицера полиции, которая являлась единственной сотрудницей его сыскаго агентства – ничего заслуживающего внимания не было, он с чистой совестью отправился спать, решив не беспокоить мисс Кларк в неурочное время для выяснения причины её звонков.

На следующий день. 06 часов 58 минут.

Роджер проснулся, как обычно, незадолго до того, как успел прозвенеть будильник, и вскоре уже был в небольшом спортзале, в который он переоборудовал свою гостиную. Пилатес, калланетика, стретчинг, бодифлекс и прочие модные оздоровительные системы были для него пустым звуком. В вопросах физической подготовки Роджер был консерватором и придерживался старых методов. Его утро начиналось с разминки, которую он проводил ежедневно с педантизмом и рвением религиозного фанатика, что помогало ему сохранять отличную спортивную форму. Кроме того, он на профессиональном уровне боксировал, достаточно хорошо владел приёмами джиу-джитсу и айкидо... одним словом, он мог за себя постоять.

Итак, спустя три четверти часа, в течение которых он успел пробежать свои традиционные три километра за тренажёром, размять мышцы, поработать с грушей и принять душ, он начал собираться на работу... и тут зазвонил телефон. Номер звонившего не был ему знаком, но спустя мгновение цепкая память Роджера подсказала, что по этому номеру вчера вечером его дважды просили перезвонить, о чём он узнал, прослушав сообщения автоответчика, и он снял трубку.

– Доброе утро, мистер Смит, – услышал он приятный баритон, – надеюсь, я вас не разбудил?

– Нет, – лаконично ответил Роджер, продолжая свободной рукой застёгивать сорочку.

– Ивините за столь ранний звонок, – пророкотал незнакомец, – но у меня к вам дело, не терпящее отлагательств, и оно настолько срочное, что если вы ещё не успели позавтракать, я бы осмелился предложить вам сделать это вдвоём... заодно я расскажу вам о деле...

– Простите, мистер...? – выдержал паузу Роджер.

– Картер, – запоздало представился незнакомец, – ... меня зовут Джек Картер.

– Мистер Картер, как вы узнали номер моего домашнего телефона?

– О, не беспокойтесь... его, вняв настойчивым просьбам, мне сообщила ваша очаровательная помощница мисс Кларк, – поспешил заверить детектива незнакомец.

«Если мисс Кларк – этот неумолимый Цербер – рискнула дать незнакомому человеку номер моего домашнего телефона, значит, у неё были для этого веские основания», – подумал Роджер и произнёс уже более дружелюбно:

– Где мы могли бы с вами встретиться?

– У меня дома, – ответил собеседник, – водитель ждёт вас на улице. Я подумал, что если вы согласитесь, нам не стоит терять время попусту, – пояснил Картер, чем сразу понравился детективу, который ценил в людях такое редкое качество, как оперативность.

– Я буду внизу через пять минут, – согласился Роджер.

– С нетерпением буду вас ждать, мистер Смит, – сказал собеседник и повесил трубку.

Когда Роджер вышел из дому, он сразу увидел роскошный ретро лимузин – белоснежный Lincoln Excalibur Phantom 2011 года выпуска, возле которого скучал водитель – могучего телосложения афроамериканец в белых перчатках. Заметив Роджера, водитель окинул оценивающим взглядом его внушительную фигуру и гостеприимно распахнул заднюю дверцу автомобиля.

Вскоре Роджер уже входил в парадное роскошного особняка, где в огромном холле его дожидался хозяин – сухопарый седовласый джентльмен в очках в золотистой оправе, который, завидев гостя, расплылся в улыбке.

– Добро пожаловать, мистер Смит, – пророкотал хозяин и, обменявшись крепким рукопожатием с детективом, направился по мраморным ступеням широкого лестничного пролета на второй этаж, жестом приглашая гостя следовать за ним. Они вошли в большую гостиную, центр которой занимал невероятно длинный стол, сервированный на двоих. Вдоль единственной свободной от мебели стены в ожидании гостей скучал штат прислуги в черных смокингах и белых перчатках.

Вокруг стола, поправляя приборы и салфетки, нервно разглаживая невидимые складки белоснежной скатерти, сновал повар – крепко сбитый коренастый мужчина средних лет с внешностью азиата. Хозяин и его гость сели на разных концах стола и

приступили к завтраку, который состоял из яичницы, хорошо прожаренных тостов, намазанных сливочным маслом, и овсянки, густо посыпанной кишмишем вперемешку с тёртыми грецкими орехами.

Сотрапезники ели молча, тишину лишь изредка нарушала позвякивающая посуда. Хозяин, поблескивая стеклами очков, изредка поглядывал на гостя, и когда Роджер допил кофе и потянулся за салфеткой, перевел свой взгляд на повара, который во время завтрака прислуживал детективу, и многозначительно на него посмотрел.

Служитель храма чревоугодия понял молчаливый намек хозяина и, кивнув, направился к выходу из гостиной, уводя за собой прислугу. Едва за длинной вереницей людей захлопнулась дверь, Картер перевел взгляд на своего гостя.

– Можете курить, мистер Смит, мне известно, что после завтрака вы обычно выкуриваете сигарету, – негромко сказал он, проявив удивительную осведомленность о привычках гостя.

Роджер с интересом посмотрел на собеседника и улыбнулся.

– Вам известно обо всех моих вредных привычках? – спросил он, доставая из кармана кожаной куртки сигареты.

– Не так много, как мне бы хотелось, – улыбнулся в ответ хозяин, доставая из кармана пиджака пачку «Dunhill» и, выдержав паузу, добавил уже серьезно: – ... не удивляйтесь, мистер Смит, я всегда заблаговременно собираю информацию о людях, с которыми собираюсь встретиться.

Собеседники закурили и некоторое время молча дымили сигаретами, изучая друг друга.

– Как вы находите стряпню моего повара? – наконец нарушил молчание хозяин.

– Выше всяких похвал, – ответил детектив.

– Вы не представляете, как трудно найти хорошего повара, – доверительным тоном продолжал Картер, – но с Джоном мне повезло. Кстати, его порекомендовал мне адвокат Джулии...

Детектив украдкой глянул на часы, краем уха слушая светскую болтовню хозяина, который продолжал расхваливать своего повара.

– Джон добросовестный малый и серьезно относится к своим обязанностям, чем отличается от своего предшественника. Вот вчера, например, узнав о том, что я хочу пригласить вас в гости, он отправился в ресторан, в котором вы обычно заказываете для себя завтрак, чтобы проконсультироваться на месте о том, какие именно блюда вы предпочитаете есть по утрам...

Детектив вежливо улыбнулся собеседнику и сказал:

– Передайте вашему повару, что я глубоко тронут его заботой обо мне... и...

– ... я непременно передам Джону ваши теплые слова, – отозвался хозяин и потянулся к пепельнице.

– ... и если вы не передумали и не решили нанять себе другого детектива... я хотел бы услышать: при каких обстоятельствах пропала ваша супруга? – не меняя интонации, закончил детектив.

Картер замер на месте с вытянутой рукой, так и не дотянувшись до пепельницы, и широко раскрытыми от удивления глазами уставился на собеседника.

– Человек, который рекомендовал мне вас, – наконец, негромко произнес он, – много говорил о ваших невероятных способностях, мистер Смит. Но должен признаться, что действительность превзошла все мои ожидания.

– Вы мне льстите? – улыбнулся Роджер.

– И не думал, – возразил хозяин и бросил окурочек сигареты в пепельницу. – С момента исчезновения моей супруги прошло несколько часов, и об этом не знал никто из посторонних... никто! Как об этом узнали вы?

Роджер ответил не сразу, он глубоко затянулся сигаретой и, выдохнув аккуратное колечко сизого дыма, прищурился, проследил за его полетом, пока оно не растаяло в воздухе, и только после этого посмотрел на собеседника. – Знаете, мистер Картер, обычно я не рассказываю своим клиентам цепочку умозаключений, в результате которых прихожу к конечному результату. Дело в том, что после моих разъяснений все кажется просто, и люди бывают разочарованы.

– Меня вы не разочаруете, – жестко глядя на гостя, властным тоном отрезал хозяин.

– В таком случае, – обезоруживающе улыбнулся Роджер, – я просто обязан удовлетворить ваше любопытство... – и, вдавив окурочек в пепельницу, продолжил: – утром во время телефонного разговора, когда вы назвали свое имя, я сразу подумал: «С тем ли Картером свела меня судьба?» Шикарный лимузин, которому мог бы позавидовать арабский шейх и в котором меня сюда доставили, придал мне уверенности, что я не ошибаюсь: «Он может позволить себе такую роскошь», – подумал я, а увидев вас в холле воочию, понял, что был прав. Медиамангата и миллиардера Джека Картера трудно с кем-либо спутать. К тому же в последнее время о вас пишут чаще обычного. Причиной являются упорные слухи о вашем предстоящем разводе с красивой супругой. Кстати, ажиотаж вокруг этого события возник после того, как в прессу просочилась информация, что в случае развода миссис Картер может претендовать на половину состояния своего мужа. Есть отчего сойти с ума обывателю, не правда ли, сэр? Ведь речь идет о состоянии человека, входящего в список четырехсот богатейших людей страны по версии журнала Форбс!

Хозяин нервно дернул щекой и потянулся за сигаретами.

– ...далее... – продолжал детектив. – Вчера вы несколько раз звонили моей помощнице мисс Кларк, но так как я забыл свой мобильный телефон дома, она не смогла со мной связаться и поэтому, уступив вашей просьбе, дала вам номер моего домашнего телефона. Могу продолжить, но и сказанного вполне достаточно, чтобы возник вопрос: почему Джек Картер, человек, обладающий огромным влиянием, и который, учитывая его обширные связи и неограниченные финансовые возможности, мог бы поднять на ноги всю нью-йоркскую полицию, не делает этого, а разыскивает частного детектива? ...да потому, что дело миллиардера – интимного характера, и наиболее вероятная версия – это пропажа супруги. Если это так – почему Джек Картер не обращается за помощью в полицию? Наверное, и скорее всего потому, что боится, что его могут заподозрить в причастности к исчезновению супруги, хотя бы потому, что вряд ли кому захочется добровольно расстаться с половиной такого огромного состояния. Поэтому Джеку Картеру необходимо быстро и без лишнего шума найти свою жену, пока дело не получило широкой огласки, и тем самым избежать подозрений, – закончил свои разъяснения детектив.

Хозяин еще долго смотрел на собеседника и наконец негромко произнес:

– Вы страшный человек, мистер Смит... я полагал, что эпоха Шерлоков Холмсов канула в Лету... видимо, я ошибался...

Роджер улыбнулся на лестное замечание хозяина и, глянув на часы, посмотрел на собеседника.

– Если у вас больше нет ко мне вопросов, мне хотелось бы услышать, при каких обстоятельствах пропала ваша супруга, – сказал он и, откинувшись на спинку стула, приготовился слушать.

Картер ответил не сразу. Он закурил очередную сигарету и некоторое время молчал, погрузившись в размышления.

– Я не смогу долго говорить об этом, – наконец сказал он и, помолчав, добавил: – Просто изложу вам факты. Об исчезновении Джулии мне стало известно вчера около полудня. Позавчера утром она вместе со своим телохранителем отправилась на ранчо... после того, как вчера они оба не отвечали на мои звонки по мобильному телефону я, заподозрив неладное, позвонил Джастину. Это один из моих людей, что присматривают за ранчо, точнее, управляющий ранчо, – пояснил Картер. – Джастин сообщил, что Джулия и её телохранитель отправились на озеро и пока не вернулись. Тогда я приказал ему разыскать их. Спустя некоторое время Джастин позвонил и сообщил, что обнаружил их машину неподалеку от озера, но Джулии и Майка он там не нашёл... – сказал Картер и тяжело вздохнул: – Это всё, что мне известно о них...

– Негусто, – заметил Роджер и спросил: – Сколько людей присматривают за вашим ранчо?

– Трое, – ответил хозяин и бросил окурочек в пепельницу. – Джастин, его жена и Ричард, это помощник Джастина, но Ричард дней десять тому назад уехал в отпуск.

– А как далеко расположено ваше ранчо? – задал следующий вопрос детектив.

– Отсюда около часа лёту на вертолёте, – ответил хозяин.

Роджер некоторое время молча размышлял.

– Я хочу посмотреть на последние фотографии вашей супруги и, если найдутся, её телохранителя... – наконец сказал он.

– Одну минуту, – отозвался хозяин и нажал на кнопку звонка, которая была вмонтирована в боковое ребро столешницы. Спустя тридцать секунд в помещение вошел высокий подтянутый молодой человек с военной выправкой, который, вероятнее всего, стоял все это время за дверью, спустя еще несколько минут Роджер уже изучал снимки.

С любительского фото ему улыбалась обворожительная блондинка лет двадцати пяти, одетая в чёрное облегающее платье, которое выгодно подчёркивало её прелести. «На снимках она выглядит ещё привлекательнее, чем со страниц газет», – подумал Роджер и, украдкой глянув на лицо хозяина, изборожденное глубокими морщинами, снова уставился на фотографию. – «Двадцать пять и шестьдесят пять – не совсем удачные цифры для счастливого брака», – подумал он и взял в руки следующий снимок, с которого, сверкая белыми зубами, на него глядел... давешний водитель лимузина, с которым он приехал к Картеру!

– Телохранитель Джулии Майк – родной брат моего водителя Патрика, – заметив вопросительный взгляд детектива, сказал хозяин. – Они близнецы.

– Как интересно, – сказал Роджер и, ещё раз глянув на фотографию Майка, спросил: – Могу я ознакомиться с личным делом братьев?

– Разумеется, – ответил хозяин и посмотрел на молодого человека с военной выправкой, который стоял у дверей и который, по всей видимости, был его помощником или секретарем. Молодой человек вышел из помещения и спустя короткое время вернулся с ноутбуком. Он подошел к Роджеру и, раскрыв компьютер, поставил его на столешницу перед гостем, пробежавшись пальцами по клавиатуре, открыл файл с личным делом Майка и Патрика, а затем бесшумно отошел в сторону.

Роджер поблагодарил секретаря кивком головы и принялся изучать документы, но не прошло и минуты, как он захлопнул ноутбук и посмотрел на хозяина.

– Мистер Картер, это дело меня заинтриговало, – сказал он негромко. – Как я могу проехать к месту происшествия?

– Рад, что вы решили взяться за расследование, – ответил хозяин. – А отправиться на ранчо вы можете прямо сейчас. Вертолет готов к вылету и ждёт вас на лужайке за домом. Разумеется, если вы не против такого способа передвижения и хорошо переносите перелёты, – поспешно добавил он, глядя на собеседника.

– Я не против, – улыбнулся детектив, – и переносу хорошо.

– В таком случае не смею вас больше задерживать, – сказал хозяин, поднимаясь с места, и вдруг спохватился. – Совсем из головы вылетело, я же забыл вас познакомить! Это Стив Крайтон, – кивнув головой на молодого человека с военной выправкой, сказал Картер. – Он начальник моей службы безопасности, и если вы не возражаете, я бы хотел, чтобы Стив сопровождал вас в этой поездке.

– Не смог бы предложить ничего лучше, – ответил Роджер и встал из-за стола. Собеседники попрощались, и Роджер в сопровождении начальника службы безопасности вышел из гостиной. Вскоре они уже сидели в кабине небольшого вертолета, а спустя час с четвертью приземлились в живописной местности метрах в пятидесяти от небольшого охотничьего домика, у которого гостей дожидались крупный мужчина средних лет и невысокая смуглая женщина лет тридцати.

После беседы с мистером Картером детективу было нетрудно догадаться, что встречавший их гигант с перекачивающимися буграми накаченных мышц под тонкой бумазеей был ни кто иной, как управляющий ранчо Джастин. А стоявшая рядом с ним хрупкая индианка с некрасивым скуластым лицом и черными как смоль прямыми волосами, собранными на затылке – его жена.

«Кажется, мистер Картер питает непреодолимую слабость к людям мощного телосложения: все его служащие, с которыми мне довелось иметь дело, люди не слабого десятка», – подумал Роджер, вылезая из кабинки вертолёта и, дождаввшись Стива, направился к охотничьему домику.

Вскоре управляющий ранчо и его гости сидели за накрытым столом в небольшой уютной комнатке с дымящимися чашками кофе в руках. В течение непродолжительной беседы с управляющим Роджер выяснил, что здесь, в отличие от Нью-Йорка, уже несколько дней, как держится не по-осеннему теплая погода. Правда, временами шел дождь, и иногда довольно сильный, но несмотря на это обстоятельство миссис Картер и Майк отправились на озеро, прихватив с собой палатку, удочки и надувную лодку. На вопрос Роджера, почему он не поднял тревогу, когда миссис Картер и её телохранитель не вернулись ночью на ранчо, управляющий ответил, что миссис Картер любила отдыхать на лоне природы, поэтому их долгое отсутствие не вызвало у него подозрений. Произнес он это не очень уверенным тоном, и его доводы показались Роджеру, мягко говоря, неубедительными. Детектив глянул на Стива, но тот кивком головы подтвердил слова управляющего; об этом пристрастии пропавшей хозяйки начальнику службы безопасности было известно. Списав неуверенный тон Джастина на его волнение, Роджер решил отложить разговор. Выпив ещё по одной чашке кофе, они встали из-за стола и вскоре, минувя загон с лошадьми, подошли к гаражу. Детектив и начальник службы безопасности уже садились в синий «Додж Караван», когда Стив вдруг спохватился и начал выяснять у Джастина, где тот обнаружил автомобиль миссис Картер.

Роджер от нечего делать закурил и некоторое время рассеянно слушал странные объяснения управляющего, но затем решил воспользоваться предоставленной ему возможностью и, отойдя в сторонку, переговорил по телефону со своей помощницей мисс Кларк. Вернувшись к собеседникам, которые продолжали уточнять детали, он бросил окурочок на землю и вдруг обратил внимание на огромные армейские ботинки на высокой шнуровке, в которые был обут управляющий. Детектив, сначала просто следуя профессиональной привычке, отметил про себя этот факт и, не задумываясь, зафиксировал в своей памяти размер обуви Джастина и рисунок на их подошве. Благо следов от его обуви здесь было предостаточно; они длинной цепочкой тянулись вдоль ограды загона для лошадей, а у ворот гаража, возле которых стояли собеседники, он наследил еще больше... Глянув на часы, детектив собирался уже поторопить собеседников, но смутное ощущение какого-то несоответствия заставило его вновь посмотреть на обувь Джастина... Тут он заметил, что ботинки управляющего были сильно запачканы красной глиной. Красная глина! – вот в чем было несоответствие; потому что, начиная от охотничьего домика, вплоть до гаража и конюшни, иначе говоря, повсюду на ранчо и вокруг него был жирный плодородный слой чернозема! Тем временем Джастин закончил объяснять Стиву, по какому маршруту им следует ехать к озеру, и детектив вместе с начальником службы безопасности наконец сели в машину и отъехали от гаража. Они довольно долго тряслись в кабине «Доджа» на ухабах грунтовой дороги, пока впереди не замаячил чёрный «Хаммер», заметив который детектив попросил Стива остановить машину. Оставшаяся часть пути напарники проделали пешком.

Они шли по земле, которая, как и простирающийся до самого горизонта ландшафт, была здесь кирпично-красного цвета, как грязь на обуви Джастина, и детективу стало понятно, где управляющий запачкал свою обувь. Когда до «Хаммера» оставалось не более десяти метров, Роджер остановился.

– Смотрите под ноги, не то затопчете следы, – сказал он негромко и, поколебавшись, добавил: – Извините, Стив, думаю, лучше, если вы подождёте меня здесь.

Начальник службы безопасности не стал задавать лишних вопросов и, молча кивнув головой, присел на большой валун и достал из кармана пиджака зажигалку и сигареты. Закурив, он вскинул голову и с интересом стал наблюдать за своим спутником, с которым за то время, пока он закуривал сигарету, произошли удивительные метаморфозы. Сейчас детектив был похож на охотника-бушмена, выслеживающего дичь. Бесшумно ступая по земле, он крался, словно пантера, готовящаяся к прыжку. Тонкие крылья его прямого носа трепетали, как у ищейки, напавшей на след, а его глаза обшаривали каждую вмятину на дороге.

Им повезло: после дождя земля, высохнув, сохранила следы, которые, судя по поведению детектива, о многом ему говорили. Приблизившись к «Хаммеру», он медленно обошел вокруг огромного внедорожника, а затем зашагал прочь от него, но не в сторону озера, как этого следовало ожидать, а к хвойному лесу, который раскинулся вокруг озера. Проплутав часа полтора, детектив наконец пришел обратно, но вернулся он со стороны озера.

– Что-нибудь обнаружили? – едва завидев напарника, с нетерпением крикнул Стив, поднимаясь с места. – Я замучился вас ждать, Роджер. Где вы так долго пропадали? Я уже собирался отправиться на ваши поиски...

– Даже больше, чем ожидал, – ответил детектив на первый вопрос собеседника, проигнорировав остальные, – идите сюда... – махнув рукой, подозвал он на-

парника и остановился, подойдя к «Хаммеру». Начальник службы безопасности направился к детективу, на ходу разминая затёкшие ноги.

– У кого-нибудь из ваших служащих был такой телефон? – без лишних предисловий спросил Роджер, едва к нему приблизился Стив, и достал из кармана куртки серийную модель «Motorola».

Начальник службы безопасности некоторое время молча разглядывал телефон, который держал в руках его собеседник, и наконец ответил:

– Возможно, я ошибаюсь, но, кажется, я видел такой телефон у Патрика. А как он у вас оказался?

– Я нашел его недалеко от палатки, – сказал детектив. – Там, за пригорком, – махнул он рукой в сторону озера и добавил: – Кстати, у вас феноменальная зрительная память, Стив ... это действительно телефон Патрика.

Начальник службы безопасности недоверчиво покосился на собеседника (уж чего, чего, но такого ляпа в самом начале расследования он никак от него не ожидал), а детектив продолжал:

– Он выронил его у палатки в тот вечер, когда пропала ваша хозяйка...

– Вы что, Роджер... разыгрываете меня? – наконец не выдержал Стив (потому что лично видел Патрика в гараже мистера Картера в ночь, когда пропала хозяйка).

– С чего вы взяли, что я вас разыгрываю? – удивился детектив. – Вас что-то смущает?

Стив не ответил, но в его серых глазах, сменяя друг друга, промелькнули разочарование, горечь, стыд, – словом, полная гамма чувств, испытываемых человеком при виде низвергнутого кумира.

– Меня смущает то... – наконец сказал он, – что Акела промахнулся! – детектив с интересом посмотрел на собеседника, который продолжал возмущаться. – Скажу больше, вы разочаровали меня! И настолько, что я готов поставить сто баксов против одного и доказать, что вы сели в лужу...

Детектив улыбнулся последней реплике собеседника и негромко сказал:

– Знаете, Стив... мне всегда нравился Киплинг, а фраза шакала Табаки: «Акела промахнулся» – вовсе шедевр, лаконично и деликатно, буквально одной фразой вы сказали так много, что... – Стив слушал детектива, с нетерпением покручивая в руках свой мобильный телефон, который он достал из кармана пиджака. – Хорошо... – вздохнул детектив, заметив поджатые губы и холодный взгляд собеседника. – Я принимаю вашу ставку, потому что вижу, как вам не терпится...

Стив выбрал в меню телефона номер и, нажав на кнопку «вызов», расплылся в ехидной улыбке, а затем, с деланным сочувствием глядя на детектива, изрек:

– Плакали ваши денежки, сэр; в тот вечер, когда пропала миссис Картер, и когда Патрик, по вашим словам, потерял свой телефон на озере, я лично беседовал с ним в нашем гараже в Нью-Йорке, и сейчас он лично подтвердит вам мои слова...

Не успел он договорить, как телефон в руках детектива завибрировал, а затем раздался мелодичный звон.

Начальник службы безопасности вздрогнул от неожиданности, и с каждым новым звонком его ослепительная улыбка всё больше тускнела, пока не погасла вовсе, а телефон в руках детектива продолжал трезвонить; он прозвенел в четвёртый-пятый-шестой раз...

– Проклятие, – пробормотал озадаченный Стив, с которого мигом слетела вся его самоуверенность, и, дав отбой, растерянно посмотрел на детектива. – Не могу по-

верить, что это на самом деле телефон Патрика, что за бред? Он же в ту ночь допоздна возился в гараже со своим монстром

– Вы имели в виду его «Харлей-Дэвидсон»? – спросил детектив, засовывая телефон Патрика в карман куртки.

Начальник службы безопасности замер на месте, доведенный до ступора вопросом собеседника. «Как он узнал, что у Патрика есть «Харлей-Дэвидсон»? – думал Стив, пожирая глазами детектива. – В личном деле об этом не было ни слова, а за то время, что мы находимся вместе, никто ему об этом не говорил».

Между тем Роджер продолжал своё безжалостное наступление на оппонента.

– Что же касается лужи, о которой вы упомянули, позволю себе заметить, что от этого никто не застрахован, и в нее может сесть даже воспитанник Харроу, офицер запаса элитного подразделения «Силз» и такой великолепный спортсмен, как вы, мистер Крайтон... – Начальник службы безопасности продолжал стоять истуканом, широко раскрытыми глазами глядя на детектива, который наконец не выдержал и улыбнулся, сжалившись над собеседником. – Ладно, Стив, извините, – уже примирительным тоном сказал Роджер. – Я не хотел вас обидеть. Сейчас я вам коротко все разьясню, и все сразу станет на свои места, о'кей? Начну с мотоцикла. Неподалеку от палатки, там, где я нашёл телефон Патрика, были следы от протектора шин «Харлей-Дэвидсона». Поэтому, когда вы сказали, что «Патрик в ту ночь допоздна возился в гараже со своим монстром», мне было нетрудно догадаться, что вы имели в виду его мотоцикл. Что же касается некоторых подробностей из вашего прошлого, это было еще проще; всю информацию о том, где вы учились, служили и так далее, мне сообщила по телефону моя помощница. Когда мы были на ранчо, пока вы беседовали с Джастином, выясняя, где тот обнаружил машину вашей хозяйки, я позвонил мисс Кларк и попросил её навести о вас кое-какие справки. Позже, когда я был в лесу, она позвонила и сообщила мне то, что ей удалось о вас разузнать. Согласитесь, Стив, я имею право знать, что за человек мистер Крайтон, хотя бы потому, что вы мой напарник, которому сегодня мне, возможно, придется доверить свою жизнь, – сказал он и замолчал, а Стив криво усмехнулся.

– После ваших разьяснений все выглядит сухо, как бухгалтерский отчет. А ведь я уже начал подумывать, что вы ясновидящий, – сказал он и достал сигареты. – Теперь серьезно. Вы знаете, зачем Патрик тащился сюда той ночью из Нью-Йорка?

– Догадываюсь, – сказал детектив, но Стив вдруг воскликнул.

– Совсем из головы вылетело! – и полез в карман пиджака, как выяснилось, за кошельком. Вскоре в его руках хрустела новенькая стодолларовая купюра.

Детектив с интересом наблюдал за манипуляциями своего собеседника, пока тот не протянул ему банкноту.

– Вам хорошо платят? – вскинув брови, поинтересовался Роджер, но сказал он это таким тоном, что его слова следовало понимать как: «Не лезьте в бутылку, дружище!». Начальник службы безопасности опустил руку, нервно комкая банкноту, которая буквально жгла ему ладонь, а детектив отвел взгляд в сторону, давая собеседнику возможность выйти из неловкого положения. – На чём мы остановились? – спросил он, закрывая тему с деньгами и возвращая разговор в первоначальное русло. – Ах, да, мы говорили о Патрике...

Стив, воспользовавшись моментом, пока его собеседник смотрел в сторону леса, пихнул купюру в кошелёк и, сунув его в карман пиджака, облегченно вздохнул, а затем, щёлкнув зажигалкой, закурил.

– ... я и не думал сомневаться в том, что вы видели Патрика, когда он возился в гараже со своим мотоциклом, – продолжал детектив, – но я также не сомневаюсь и в том, что поздно ночью он выехал из Нью-Йорка и приехал на озеро, чтобы увидеться со своим братом.

– У вас есть доказательства? – поинтересовался Стив.

– ... неопровержимые, – ответил детектив, глядя на собеседника. – Более того, когда в этом возникнет необходимость, я смогу доказать, что в данный момент обязанности водителя мистера Картера исполняет не Патрик, а Майк.

Стив не донес сигарету до рта и некоторое время испытующе смотрел на собеседника.

– Знаете, Роджер, – начал он довольно спокойно, – вы только что преподали мне урок, что с вами лучше не спорить. Оно и понятно, ведь вы профессионал высокого класса. – Он немного помолчал, но все же не смог сдержаться и взорвался: – Но всему есть предел! Даже я, общаясь с братьями ежедневно, не мог отличить, кто из них Патрик, а кто Майк. Да что там я... родная мать и учителя в школе, и те не могли этого сделать! А вы один раз в жизни, мельком увидев одного из братьев, берёте на себя смелость утверждать, что заметили разницу между ними. Да я при всём желании не могу в это поверить!

Детектив выслушал гневную тираду собеседника и, когда тот закончил говорить, обезоруживающе улыбнулся.

– Скажите, Стив вы пробовали хоть раз в жизни сидеть за рулём лимузина? – спросил он, глядя на собеседника.

– Нет, – отрезал начальник службы безопасности.

– Дело в том, – продолжал Роджер, – что, в отличие от обычного автомобиля, водить длинный лимузин по оживлённым улицам мегаполиса довольно сложно. Скажу больше, не имея определенных навыков, это – невозможно. Поэтому сегодня, когда я ехал в десятиметровой машине к мистеру Картеру, я был немало удивлен и всю дорогу задавал себе вопрос – что могло заставить владельца этого автомобиля доверить свою жизнь такому неопытному водителю, с которым мне довелось ехать? Ведь было очевидно, что водитель – новичок. И только после завтрака, когда я узнал от мистера Картера, что Патрик и Майк братья-близнецы, я понял, что за рулем сидел не профессиональный водитель Патрик, а его брат, телохранитель Майк...

Стив некоторое время задумчиво дымил сигаретой и только докурив её до конца, посмотрел на собеседника.

– Звучит довольно убедительно, – сказал он и пожал широкими плечами, – но тогда выходит, что вместе с миссис Картер пропал Патрик? И почему молчит Майк? Зачем он вообще решил выдавать себя за Патрика? Извините, Роджер, но у меня голова идёт кругом от всего этого...

– Это потому, что вы хотите воссоздать полную картину произошедших событий из небольших фрагментов, но так не бывает, – сказал он, глядя на собеседника, а тот бросил окурки под ноги и спросил:

– А вы обладаете полной картиной событий? Если да, тогда скажите – зачем Патрик ездил сюда той ночью?

– Потому что он не смог дозвониться до своего брата или до миссис Картер, – сказал детектив. – А когда он понял, что они находятся на озере, а не на ранчо, он решил к ним поехать. Кстати, вы в курсе, что на озере плохая связь?

– Там её вообще нет, – ответил Стив, – потому что оно расположено в низине

и окружено холмами.

– А я не знал, – сказал детектив. – Сегодня я несколько раз пытался дозвониться с озера до нужных мне людей, но не смог, для этого мне каждый раз приходилось подниматься на возвышенность. Но Патрик знал об этом и поэтому поехал не на ранчо, а сразу на озеро.

– А почему вы думаете, что перед тем, как приехать на озеро, он звонил миссис Картер или Майку? – спросил Стив. – Это ваше предположение или... – он вдруг подозрительно покосился на детектива. – Проклятие! Как я сразу об этом не догадался? Роджер! Дайте мне телефон Патрика!

Детектив молча достал из кармана мобильник, а Стив выхватил его из рук собеседника и, просмотрев список исходящих вызовов, усмехнулся.

– Да, в тот день он звонил им чуть ли не битый час кряду! Вы правы: он не смог до них дозвониться... но почему он не позвонил на ранчо? – пробормотал Стив, возвращая телефон Патрика детективу. – Ну конечно! Он не сделал это потому, что хотел сообщить им нечто конфиденциальное, если не решился передать это через Джастина, и весьма срочное, раз проделал столь далёкий путь, не дожидаясь утра.

– Bravo! – сказал детектив. – Признаюсь, не ожидал, – добавил он с улыбкой и, развернувшись на каблуках, направился к озеру, жестом приглашая окрыленного похвалой начальника службы безопасности следовать за ним. Вскоре впереди маячила красная палатка, и когда до неё оставалось метров пять, детектив остановился, Стив последовал его примеру и, проследив за взглядом своего напарника, заметил вереницу следов мужской обуви.

– Как вы считаете, коллега, кто мог здесь так сильно наследить, и чем этот человек тут занимался? – спросил детектив, глядя на следы, которые тянулись от изголовья палатки к сосновой роще, что начиналась метрах в двадцати и справа от них, а затем круто спускалась к озеру.

Начальник службы безопасности некоторое время молча размышлял.

– Насколько я могу судить по форме отпечатков, – наконец не очень уверенно начал он, – похоже, что кто-то прошёл здесь на цыпочках... – детектив улыбнулся, и Стив продолжил более уверенно: – ... думаю, это был Майк. Я затрудняюсь сказать, зачем он это делал... хотя, нет... вероятнее всего, он крался на цыпочках, чтобы не разбудить миссис Картер...

– Неплохо, Стив, – отозвался детектив. – Я бы даже сказал, очень неплохо... И я не сомневаюсь, что если бы у вас было побольше практики в делах подобного рода и чуть больше времени на раздумья, вы бы ещё ближе подобрались к истине, – сказал он и немного помолчал. – И тогда бы вы сказали, что это был не Майк, а Джастин, и ещё вы сказали бы, что он не ходил здесь на цыпочках, а бежал, и бежал так быстро, как только мог!

Пока детектив говорил, выражение лица начальника службы безопасности менялось несколько раз. Сначала оно выражало скромное достоинство, затем вытянулось от удивления и наконец застыло в недоумении, но он быстро оправился.

– Ну, вы и загнули, Роджер! – усмехнулся Стив и, не удержавшись, съязвил: – Я уже начинаю думать, не с вас ли Фенимор Купер списал своего «Следопыта»? – он закурил и продолжил свой преисполненный сарказма монолог: – И не мог бы друг Великого Змея объяснить, почему он считает, что это был Джастин, который, как мне известно, той ночью дрыхнул на ранчо, а не Майк? – детектив удивленно приподнял брови и Стив пояснил: – Когда мы пили кофе на ранчо, я зашел на кухню за пепель-

ницей, возле которой заметил беруши. Я спросил у Анны, на кой им затычки для ушей в этой глуши? Она смущенно ответила, что пользуется затычками из-за Джастина, который ужасно храпит во сне, а той ночью, по ее словам, он превзошел самого себя. А так как у меня нет оснований не доверять ей, я уверен, что Джастин той ночью спал дома, а не бегал вокруг озера, как утверждаете вы.

Детектив выслушал начальника службы безопасности и спросил:

– А вы не подумали, что жена Джастина может ошибаться или просто выгораживать своего мужа? Факты упрямая штука, Стив. Следы от армейских ботинок на высокой шнуровке, которые я видел на ранчо и в которые был обут Джастин, это – факт. Следы, которые сейчас находятся перед нами – тоже от армейских ботинок. Следовательно, наследил здесь Джастин, потому что исключено, чтобы в столь безлюдной местности мог случайно оказаться ещё один гигант в точно таких же ботинках, как у вашего управляющего.

Стив выслушал доводы собеседника и кивнул головой.

– Логично, – вынужден был согласиться он с детективом. – Тогда объясните, почему вы считаете, что Джастин бежал без оглядки? Может, он подкрадывался к кому-то или чему-то, потому и ходил здесь на цыпочках?

– А вы обратите внимание на расстояние между отпечатками его обуви, – сказал детектив, – вы могли бы шагнуть так широко? Думаю, нет. И я не смогу, потому что для этого необходима фаза полета, а для этого нужно бежать, следовательно – Джастин бежал, а не ходил на цыпочках. А до того, как он сломя голову сорвался с места и бросился бежать, он долго стоял у изголовья палатки и порядком там наследил своими огромными ножищами.

Стив, подгоняемый любопытством, зашагал к палатке и, убедившись, что детектив в очередной раз оказался прав, вернулся к собеседнику.

– Кстати, какой марки пистолет у Джастина? – поинтересовался Роджер, когда Стив вернулся обратно.

Начальник службы безопасности уставился на собеседника, выкатив глаза.

– А откуда вы знаете, что я выдавал Джастину оружие? – наконец спросил он.

– ... вы не ответили на мой вопрос, – улыбнулся детектив.

– Десятизарядная «Беретта» и три запасные обоймы с патронами, – доложил начальник службы безопасности и бросил окурок в потухший костёр.

– Как вы думаете, Стив, от чего той ночью мог убежать здоровенный мужик, вооруженный пистолетом? – спросил детектив, глядя на собеседника.

– Почему вы считаете, что он убежал? – спросил Стив. – Может, он бежал за кем-то, пытаясь его догнать.

– Нет, – возразил детектив. – Он удирал, объятый ужасом, как трусливый заяц, и я могу это доказать.

– Допустим, вы правы, – не стал спорить Стив. – Но как вы догадались, что Джастин был при оружии?

– Элементарно, коллега, – ответил Роджер, доставая из кармана обойму с патронами к пистолету «Беретта». – За палаткой я нашел вот эту штуковину...

Стив присвистнул, увидев обойму, и, глядя на детектива, усмехнулся:

– Вы меня убедили, мистер Холмс...

– Весьма рад это слышать, дорогой Ватсон, – вернул шпильку собеседнику Роджер и вдруг широко улыбнулся (ему начинал нравиться этот колкий прямолинейный молодой человек без комплексов).

Начальник службы безопасности ухмыльнулся ему в ответ и продолжил:

– Вот вы говорите, что Джастин был здесь той ночью и бегал вокруг палатки, размахивая пистолетом и роняя при этом обоймы с патронами. Он же утверждает, что отправился на поиски хозяйки утром следующего дня, после того, как ему позвонил мистер Картер. А что, если он говорит правду, и наследил здесь он уже утром, когда отправился на поиски миссис Картер?

– Нет, Стив, утром он при всем желании не смог бы так сильно наследить, потому что за ночь земля успела просохнуть, – не согласился с этим предположением собеседника детектив и достал из кармана портативную цифровую камеру. – Кроме того, я просмотрел то, что он успел снять на камеру и по отснятому материалу видно, что он занимался этим делом не только днем, но и ночью.

– Какие съемки? – воскликнул Стив. – И вообще, что все это значит, Роджер? Патрик теряет телефон, Джастин роняет обойму, затем камеру... что еще? Почему они все время что-то роняют и теряют?

Детектив засунул камеру в просторный карман куртки и ответил:

– Мы поговорим об обстоятельствах, при которых они теряли свои вещи и непременно это обсудим, а пока расскажите мне о Джастине.

– В каком смысле? – спросил Стив.

– В прямом, – улыбнулся детектив. – Что он за человек, с кем дружит, одним словом, все, что вы о нем знаете.

– Честно говоря, я общался с ним всего пару раз, да и то по долгу службы... – сказал начальник службы безопасности. – Личных впечатлений никаких, но я могу сообщить вам то, что запомнил из его личного дела.

– Уже кое-что, – сказал детектив и приготовился слушать.

– Хотя и рассказывать-то особенно нечего, – пожал плечами Стив. – Работает он у нас на ранчо вместе с женой уже третий год и, должен отметить, до сих пор работал безупречно. Служил в Ираке... кстати, у него отличный послужной список: имеет награды, был контужен и... пожалуй, это всё, что я о нем знаю.

Детектив потянулся в карман куртки за сигаретами, а начальник службы безопасности спросил:

– Роджер, вы можете объяснить, что здесь произошло той ночью?

Детектив ответил не сразу, он закурил сигарету, и только выкурив её наполовину, поднял глаза на собеседника.

– Трагедия, Стив, – негромко сказал он. – Здесь произошла трагедия, а управляющий ранчо...

– О, Боже! – пробормотал начальник службы безопасности. – Не могу поверить, что Джастин мог кого-то убить...

– ...а я этого не говорил, – возразил детектив. – Он не преступал первую заповедь – «не убивай»...

– Тогда в чем вы его обвиняете? – спросил Стив.

– В шантаже, – ответил детектив. – Я уже говорил вам, что он снимал на камеру миссис Картер и Майка... днем, когда они удили рыбу, сидя в лодке на озере, и ночью, когда они болтали, сидя у костра. Съемка велась скрытно, без согласия и ведома действующих лиц, значит, снимали в надежде на компромат для последующего шантажа. Правда, снять что-нибудь предосудительное ему не удалось; хозяйка и телохранитель вели себя вполне корректно, но...

– Думаю, вы ошибаетесь, Роджер, – перебил собеседника Стив. – Джастину нет

смысла рисковать и зарабатывать себе деньги шантажом. Он ветеран войны и получает неплохую пенсию, кроме того, ему хорошо платит мистер Картер, и, наконец, он живет на ранчо на полном довольствии. Да и где ему в этой глуши тратить деньги?!

– Звучит убедительно, – сказал детектив, – и я очень хотел бы верить, что так оно и есть на самом деле. Но ваши доводы не могут объяснить, почему он снимал их тайком. Разумеется, я не утверждаю, что Джастин собирался лично шантажировать свою хозяйку. Я уверен, что он выполнял заказ и, несмотря на ваши доводы, действовал при этом исключительно из меркантильных соображений, – закончил говорить Роджер и, развернувшись на каблуках, зашагал к роще.

Стив нагнал детектива, и некоторое время они молча шли по следам Джастина сначала по песчаному пляжу вдоль озера, а затем свернули к перелеску, куда поворачивали следы управляющего. Вскоре они очутились на крутом берегу шумевшей далеко внизу реки, которая чуть ниже по течению бурным водопадом впадала в озеро. Остановившись на краю обрыва, детектив развернулся к своему напарнику и спросил:

– Скажите, Стив, смогли бы вы перепрыгнуть через эту пропасть?

Начальник службы безопасности смерил взглядом расстояние до противоположного берега реки и усмехнулся:

– Да тут не меньше шести метров, Роджер...

– Может, и больше, – задумчиво произнес детектив и, помолчав, добавил: – А Джастин смог...

Брови начальника службы безопасности поползли вверх от удивления, а детектив вытянул правую руку вперед, указывая на противоположный берег:

– Видите вон ту вмятину на траве? Там он приземлился, когда перемахнул через этот ручей. Кстати, там я и нашел его камеру. Возможно, она вывалилась у него из кармана, или он выронил ее из рук, не знаю. Но знаю точно, что он чудом остался жив, ведь если бы он приземлился чуть левее, он не удержался бы на отвесной скале и сорвался бы в пропасть.

По выражению лица Стива было видно, что он разглядел и вмятину на траве и отвесную скалу, поросшую мхом, о которых говорил детектив.

– Той ночью Джастин был напуган до такой степени, что прыгнул через эту пропасть, не задумываясь, – продолжал детектив. – Животный страх... вот что было причиной его не вполне адекватного на первый взгляд поведения, в результате чего у него все валилось из рук. Он был не просто напуган, а объят ужасом, ведь даже оказавшись на другом берегу реки, он, едва поднявшись на ноги, продолжил бежать. Добежав до дерева, он вскочил на коня и продолжил свое паническое бегство уже верхом. Это видно по тому, что у дерева следы от его армейских ботинок обрываются, и дальше идут следы от копыт лошади, – пояснил детектив и немного помолчал. – Удивительно, как он вообще смог удержаться в седле и доскакать до ранчо. Ведь лошадь, понукаемая всадником, несла его бешеным галопом сквозь чашу напролом. Подкова на её правой задней ноге едва держалась на одном гвозде, поэтому в конюшню она вернулась без неё. И в случае необходимости нам будет нетрудно выяснить, на какой лошади Джастин ездил сюда той ночью, – сказал детектив и вдруг спросил: – Кстати, вы заметили ссадины и царапины на руках и лице Джастина?

– Разумеется, – ответил начальник службы безопасности.

– Как вы думаете, откуда они у него? – спросил детектив.

Стив пожал широкими плечами.

– Мало ли, где человек мог пораниться?

– Мало ли, где... – задумчиво промолвил детектив и добавил: – В расследовании не бывает мелочей, коллега, поэтому я думал об этом, пока вы беседовали с Джестином возле гаража. «А что, если он поранился той ночью? – подумал я. – Если это так, то где? Вероятнее всего, когда он пробирался сквозь заросли. Но чтобы так сильно пораниться, он должен был двигаться на большой скорости. Следовательно, он пробирался сквозь заросли на машине или верхом на лошади... скорее, на лошади, чем на машине, потому что в гараже я не заметил машин с открытым верхом, а в конюшне и загоне было полно лошадей». Короче, Стив, после размышлений я был уже уверен, что где-то в лесу или на месте происшествия обязательно встречу следы пребывания Джестина и его скакуна. Поэтому когда мы с вами подошли к «Хаммеру», я не очень-то удивился, заметив рядом с машиной следы от копыт лошади. Насколько я мог судить по направлению следов, всадник подъехал к машине со стороны ранчо, значит – наездником был Джестин, а не случайный верховой. Пока вы терпеливо ждали меня у машины, я добрался до дерева, к которому меня привели следы скакуна, и возле которого спешил всадник. По тому, как четко копыта лошади отпечатались на земле на протяжении всего пути всадника, было видно, что от машины до дерева Джестин ехал неспеша. А то, что это был Джестин, стало еще более очевидным, потому что возле дерева я обнаружил следы от его армейских ботинок... Доехав до дерева, Джестин стреножил коня и, спустившись по крутому склону берега к ручью, перебрался через бурный поток на противоположную сторону реки. Я шёл по его следу и, перебравшись через речку по мелководью, вскоре оказался у палатки, где и нашёл обойму с патронами, – сказал детектив и посмотрел на собеседника. – Я помню, что обещал вам рассказать, при каких обстоятельствах Джестин и Патрик потеряли свои вещи. Про камеру вы уже знаете, про обойму и телефон Патрика я расскажу, когда придет время, а пока вернемся к палатке. Итак, потоптавшись у палатки, Джестин побежал в обратную сторону, не помня себя от страха. Вскоре его следы снова привели меня к дереву на противоположном берегу реки, где он вскочил на своего коня. Пройдя немного по следам скакуна, который на этот раз нес своего седока бешеным аллюром, я наткнулся на заросли кустарника (там и сейчас висят клочья одежды), сквозь которые проскочил Джестин, и где он расцарапал себе лицо и руки...

– Невероятно, – негромко пробормотал Стив. – Никогда бы не подумал, что по обычным следам можно так много узнать. И до сих пор не могу поверить, что Джестину удалось перемахнуть через эту пропасть.

– В состоянии стресса люди проделывали и не такие фокусы, – ответил детектив. – Вот был такой случай. Во время пожара одна дряхлая старуха вынесла из горящего дома тяжеленный окованный железом сундук со своими пожитками, который потом едва могли оторвать от земли четверо крепких молодых мужчин. Не буду перечислять другие случаи, когда люди в момент стресса демонстрировали чудеса силы и выносливости. Ясно одно. В ту злополучную ночь что-то напугало сильного, вооруженного мужчину до такой степени, что он, не задумываясь, прыгнул через эту пропасть. И мы должны выяснить, кем или чем он был так сильно напуган, – сказал детектив и, глянув на часы, добавил: – А сейчас давайте вернемся к озеру; я хочу вам кое-что показать.

Спустя некоторое время они уже стояли у северной стороны палатки, рядом с которой на отлогом берегу озера валялся спальный мешок, в котором, по-видимому, коротал ночь телохранитель, а между палаткой и спальным мешком чернело пепе-

лице потухшего костра. Детектив некоторое время молча смотрел на следы, что тянулись от палатки к озеру, а затем перевёл свой взгляд на собеседника.

– Как вы думаете, Стив, кто здесь так сильно наследил, и почему эти следы отпечатались почти в два раза глубже, чем следы Джастина, которые вы видели по ту сторону палатки?

Стив пожал широкими плечами.

– Вряд ли я скажу вам, кто это был, но думаю, что если следы этого человека отпечатались в два раза глубже, чем следы Джастина, значит, незнакомец был в два раза тяжелее его.

– Зачем вводить в действие новый персонаж? – спросил детектив. – Вот Майк, например, немногим уступает Джастину по телосложению, да и весит почти столько же...

– ... в таком случае, человек, оставивший эти следы, был в два раза тяжелее Майка, – сказал Стив. – Но я все равно не знаю, кто это был...

– А ведь вы были очень близки к разгадке, – вздохнул детектив. – Вы же сказали: «в два раза тяжелее Майка», а два Майка – это столько же, сколько Патрик и Майк вместе взятые, поскольку они близнецы, следовательно, можно было предположить, что один из них нёс на себе другого...

Стив был ошеломлен неожиданными выкладками детектива.

– Если это так, – наконец, сказал он, – тогда объясните, кто из них кого нес и зачем?

– Майк, – ответил детектив. – Той ночью он тащил на себе труп Патрика из палатки в лодку. – Стив потянулся за сигаретами, а детектив тем временем продолжал: – Потом он вернулся в палатку, чтобы отнести в лодку миссис Картер... видите, там, где Майк прошелся с ней на руках, его следы отпечатались не так глубоко, как следы, где он нес Патрика, потому что она намного легче.

Стив некоторое время молчал, сосредоточенно глядя перед собой.

– Если все было так, как вы рассказали, для мистера Картера это будет тяжелым ударом, – наконец сказал он и бросил окурочек в потухший костёр.

Детектив не ответил собеседнику и, глянув на часы, зашагал прочь от палатки. Стив нагнал детектива, когда тот остановился посреди зарослей орешника.

– Вот здесь лежал Патрик, – сказал детектив, указывая на окровавленный булыжник рядом с небольшой лужицей запекшейся крови, и выдержал паузу. – Той ночью, услышав шум подъезжающего мотоцикла, Майк вышел к зарослям, чтобы выяснить, кто к ним пожаловал, и встретил здесь своего брата. Они немного поговорили и вдвоем направились к палатке, но Патрик передумал, и Майк пошел к палатке один. Не успел он до неё дойти, как услышал шум падающего тела и стон Патрика. Майк бросился на помощь брату и, обнаружив его лежащим в луже крови неподалеку от мотоцикла, закричал... в темноте Патрик зацепился ногой за корягу и со всего маху ударился лицом об камень. Во время падения он выронил свой телефон, который я вам уже демонстрировал... спустя короткое время, на поднятый шум из палатки выбежала миссис Картер... вот следы её босых ног... чуть позже Майк оттащил ещё живого, истекающего кровью Патрика в палатку... там весь пол запачкан его кровью. Спустя еще некоторое время он выносит из палатки и тащит в лодку труп Патрика; бедняга к тому времени уже скончался. Затем Майк вернулся в палатку и отнес в лодку миссис Картер. Поработав вёслами, он добрался до середины озера и, перевернув лодку, вернулся на это же место вплавь. Выбравшись на берег, он садится на

мотоцикл; вот его следы, а это вмятины от протектора шин «Харлей-Дэвидсона», и едет в Нью-Йорк. Майк очень торопился, потому что утром следующего дня он должен был приступить к своим новым обязанностям в качестве шофера мистера Картера, – сказал Роджер и, выдержав паузу, добавил: – Пока все, Стив, едем на ранчо...

Детектив и начальник службы безопасности не проронили больше ни слова пока шли от озера до машины и далее, пока тряслись в кабинке «Доджа» по дороге на ранчо. Затянувшееся молчание нарушил звонок мобильного телефона детектива, когда они подъезжали к ранчо.

– Добрый день, мисс Кларк, – сказал Роджер и замолк, слушая собеседницу. – Нет, я перезвоню вам позже... Кстати, как там Тайсон?... Вы уже помирились?... и он даже соизволил с вами отобедать! ... Мои поздравления...

Стив резко затормозил машину и развернулся к своему спутнику, который, закончив беседу, сунул мобильник в карман кожаной куртки и задумался.

– Майк Тайсон обедал с вашей помощницей?! – наконец спросил Стив, с подозрением глядя на напарника.

– А что вас смущает? Он от неё без ума, – сказал детектив, ещё больше озадачив собеседника, который продолжал сверлить его пристальным взглядом и, не выдержав, рассмеялся: – Да шучу я, шучу, Тайсон – это пёс мисс Кларк. Если хотите, я могу вас с ним познакомить. Но должен предупредить, у него скверный характер...

Начальник службы безопасности криво усмехнулся и достал из кармана сигареты, а детектив немного помолчал и сказал уже серьезно:

– У меня к вам просьба, Стив... я мог бы сделать это сам, но у вас лучше получится.

– Что я должен сделать? – с готовностью ответил Стив.

– Позвоните, пожалуйста, мистеру Картеру ... – детектив задумался: – Скажите, что у нас плохие новости... не вдавайтесь в подробности, просто скажите, что будут нужны водолазы. Не стоит расстраивать пожилого человека, рассказывая подробно о произошедшей трагедии, – детектив выразительно взглянул на собеседника.

Стив затушил окурки в пепельнице и достал из кармана мобильный телефон.

– Добрый день... – произнес он негромко и замолк. – Нет, сэр... к сожалению, я ничем не могу вас обрадовать... да, сэр... будут нужны водолазы... до свиданья, сэр... очень сожалею...

Спустя некоторое время детектив, начальник службы безопасности и управляющий сидели за накрытым столом в гостиной на ранчо. Пока детектив небольшими глотками прихлебывал свой кофе, Стив умудрился умять три сдобные булочки и выпить две чашки кофе; судя по аппетиту, свежий воздух явно пошёл ему на пользу.

Спустя еще некоторое время детектив уже заканчивал рассказывать управляющему, чем тот занимался ночью не только в лесу, но и возле палатки. А когда Джастин увидел неопровержимые улики – цифровую камеру и обойму с патронами, которые во время рассказа детектив поочередно выложил на стол, он долго не мог прийти в себя от изумления и молчал, угрюмо уставившись в стенку напротив.

– Мы можем сходить в конюшню, – сказал Роджер, не дождавшись ответа от управляющего, – и я покажу вам лошадь, на которой вы ездили той ночью на озеро.

Джастин облилиз пересохшие губы и перевёл взгляд со стены на собеседника.

– В этом нет необходимости... – хриплым голосом сказал он и криво усмехнулся. – Не знаю, как вы об этом узнали, но всё было так, как вы рассказали, и мне нечего больше добавить...

Детектив достал сигареты и, чиркнув зажигалкой, закурил.

– Почему же «ничего»? – выдохнув аккуратное колечко дыма, сказал он и посмотрел на собеседника. – Вы могли бы рассказать, от чего удирали той ночью?

Управляющий промолчал, но сильно побледнел.

– Я знаю, чего вы опасаетесь, – вздохнул детектив, – и предлагаю вам сделку. Если вы честно расскажете все, что знаете – надеюсь, вы уже убедились, что меня трудно провести – я обещаю, что все, сказанное вами, останется строго между нами...

Управляющий долго смотрел в глаза детективу и наконец молча кивнул.

– Рад, что вы согласились, – сказал детектив и, выдержав паузу, спросил: – Итак, от чего вы удирали той ночью?

Джастин ответил не сразу.

– Об этом мне будет трудно говорить, – сказал он негромко, – но я постараюсь.

– Постарайтесь, – подбодрил собеседника детектив, – и уверяю вас, это будет в ваших же интересах.

– Вы можете мне не поверить, – сказал управляющий.

– Всё будет зависеть от того, что вы расскажете, – ответил детектив.

Управляющий немного помолчал, решая, с чего начать.

– Той ночью, – наконец сказал он, – мне пришлось долго простоять у изголовья палатки в ожидании, пока миссис Картер и Майк перестанут болтать, сидя у костра. Понимаете, сэр, я ждал, когда они лягут спать, чтобы можно было уйти оттуда незамеченным. Было что-то около полуночи, когда хозяйка наконец юркнула в палатку, но Майк ещё долго сидел у костра и курил, задумчиво глядя на догорающие дрова, – сказал Джастин и вздохнул. – Когда я служил в Ираке, я тоже любил посидеть у костра с сигаретой, – добавил он и замолчал, погрузившись в воспоминания.

Детектив глянул на часы и решил поторопить рассказчика.

– Не могли бы вы объяснить, почему вы взяли пистолет, когда пошли на озеро?

Управляющий посмотрел на детектива и усмехнулся.

– Сразу видно, что вы плохо знаете Майка, сэр. Да потому, что если бы той ночью он застукал меня с камерой в руках, дело бы дошло до кулаков, и тогда я не хотел бы оказаться перед ним безоружным; поверьте, я видел его на ринге и знаю, на что он способен...

Детектив глянул на Стива, тот сделал глоток кофе и кивком головы подтвердил слова управляющего; Майк действительно был хорошим боксёром.

– ...так вот, – продолжил свой рассказ управляющий, – стою я, значит, у изголовья палатки с камерой в руках, и тут у меня разболелась голова, да так сильно, что меня аж скрутило от боли. У меня частенько побаливает голова, сэр... это у меня после контузии, – пояснил управляющий и замолк, потеряв нить разговора. – О чем это я говорил? Да ...миссис Картер уже уснула; я понял это, когда она перестала ворочаться в своей постели и стала ровно дышать, и тут Майк полез не к ней в палатку, чего я ждал от него полночи, а в свой спальный мешок...

Стив поперхнулся кофе и закашлялся, вытаращив глаза на рассказчика, а тот продолжал:

– Мне сказали, что хозяйка и Майк... ну, это... короче, что она водит шашни с Майком, вот я и ...

– Ты что себе позволяешь? – прорвало начальника службы безопасности. – Вконец с ума съехал?

– Полегче, Стив, – осадил напарника детектив и посмотрел на управляющего.

– А кто вам это говорил?

– Извините, сэр, – вздохнул Джастин, – но...

– Понятно, – кивнул детектив и немного помолчал. – А вы можете сказать, кто вас попросил, чтобы вы сняли их на камеру... или вы сами решились на это?

– Мне дали камеру, сэр, и... – сказал Джастин, но замолк, не договорив.

– ... и обещали заплатить, – негромко закончил детектив, а Стив, брезгливо глянув на управляющего, закурил.

– Ладно, Джастин, забудем об этом, – сказал детектив. – Вернёмся к тому моменту, когда вы стояли возле палатки с камерой в руках и у вас разболелась голова...

Управляющий ответил не сразу.

– Ну, я собрался идти, – наконец сказал он негромко, – но тут я почувствовал на своём затылке чей-то пристальный взгляд... как видите, сэр, человек я не слабый и, можете мне поверить, далеко не трус. Но тогда от страха я перестал соображать и стоял истуканом, боясь шелохнуться. Не помню, сколько времени прошло, пока я нашел в себе силы обернуться, и тут я увидел огромные глаза, которыми на меня смотрел громадный муравей величиной со слона!

Детектив слушал бред управляющего, когда Стив вскочил на ноги и, перегнувшись через столешницу, схватил могучей рукой за горло рассказчика.

– Ты что, мать твою... – прорычал он в лицо управляющему, рывком приподнимая его с места, – издеваться над нами вздумал?

– Стив! – сказал Роджер, жестко глядя на напарника. Начальник службы безопасности нехотя разжал пальцы, выпуская из рук свою жертву.

– Извините его, Джастин, – сказал детектив, переводя взгляд на управляющего. – Стив погорячился, и я уверен, что он уже сильно об этом жалеет...

Управляющий промолчал, массируя горло, на котором алели красные пятна от крепких пальцев Стива.

– Хотите, верьте, хотите, нет, но это был муравей, и размером он был со слона, – наконец продолжил он свой рассказ. – Таких тварей я видел однажды в кино. Не помню, правда, как фильм назывался, – сказал Джастин и замолк, опустив голову, а Роджер с участием смотрел на собеседника, и ему от души было его жаль. Когда Роджер нашел камеру, он сразу ознакомился с тем, что Джастин снял на пленку, и знал, что в конце съемок промелькнул не муравей, а внедорожник «Форд Рэнджер» 2011 года выпуска. Кроме того, Роджер знал, что Джастин имел контузию, а травмы головы нередко приводят к психическим расстройствам, в результате чего могли возникнуть зрительные и слуховые галлюцинации. Джастину не повезло; хотя война пощадила и не изуродовала его телесно, в душе его она оставила неизгладимый след и искалечила ему психику. Детектив думал обо всем этом, а управляющий, наморщив лоб, беззвучно шевелил губами, пытаясь вспомнить название фильма.

– Да не мучайтесь вы... – наконец не выдержал Роджер, – неважно, как он назывался; что было потом?

Джастин тяжело вздохнул:

– Ну, я смотрел в огромные глаза этого монстра и не мог сдвинуться с места. Мои ноги словно приросли к земле, и тут я вспомнил о своём пистолете. Я потянулся за «Береттой», забыв о том, что сжимаю в правой руке камеру, и вспомнил о ней только тогда, когда она ударилась о кобуру пистолета...

– Простите, Джастин, – прервал его детектив. – Вы хорошо разглядели этого муравья, или вам запомнились только его огромные глаза?

Управляющий взял со стола сигареты Стива и закурил.

– ...глаза... – сказал он негромко. – Я хорошо разглядел его глаза. Теперь они преследуют меня повсюду и даже приснились мне вчера ночью.

– Понятно, – кивнул детектив и добавил: – Продолжайте, пожалуйста...

Управляющий глубоко затянулся сигаретой и сказал:

– Муравей стоял на месте, и когда я вспомнил о камере, то решил его почему-то снять. Не знаю, и вряд ли смогу вам объяснить, зачем я это сделал, но я навёл на него камеру и начал снимать, и тут я вдруг почувствовал ужасную злость на себя, наверное, потому, что спасовал перед каким-то насекомым. Я пихнул камеру в карман куртки и выхватил из кобуры пистолет, – сказал Джастин, – у меня сильно дрожали руки и тут со мной случилось то, чего я всегда боюсь... приступ эпилепсии, будь она неладна... Очнулся я нескоро... голова после приступа раскалывалась от боли, в ушах стоял звон, а откуда-то издали доносился непонятный то ли гул, то ли рев... Тут я вспомнил о муравье и, несмотря на слабость, поднялся на ноги, осмотревшись по сторонам, я понял, что пригорок уже пуст, шум к тому времени тоже стих. Когда на глаза мне попала палатка, которая оказалась метрах в пятидесяти позади меня, я вздрогнул... Миссис Картер! – промелькнуло у меня в голове, и я сорвался с места. Добежав до палатки, я понял, что хозяйки в ней нет. Спальный мешок Майка тоже был пуст, и я в отчаянии бросился на их поиски... Я кричал, звал на помощь, но тщетно, вдобавок ко всему, когда я шел сквозь орешник, то споткнулся о корягу и выронил из рук пистолет. На следующий день, когда я немного пришел в себя, я обнаружил, что потерял обойму с патронами. Как она могла выпасть из пистолета?

– Неважно, Джастин, – сказал детектив. – Что было потом?

– Ну, я опустился на колени и, шаря руками по траве, стал искать пистолет, – продолжил Джастин. – Вскоре я одной рукой нащупал холодную сталь, а другой въехал во что-то мокрое и липкое... это была кровь, сэр... Я живо представил, как бедную миссис Картер и Майка расчленил, а затем сожрал тот гигантский муравей и тогда меня охватил неопишуемый ужас. Я вскочил на ноги и бросился бежать. Я бежал так быстро, как мне ещё ни разу в жизни не приходилось бегать...

– Извините, Джастин, – прервал рассказчика детектив. – Раньше вы не замечали за собой ничего подобного?

– Что вы имеете в виду, сэр? – спросил управляющий.

– Ну, раньше вам не доводилось видеть огромных муравьёв или ещё что-нибудь? – сказал детектив.

– Нет, – ответил управляющий, – ни разу такого не было.

Детектив кивнул головой и, глянув на часы, поднялся из-за стола.

– Последний вопрос: вы ездили на озеро после того, как вам позвонил мистер Картер?

– Нет, – ответил управляющий, поднимаясь из-за стола вслед за гостями. – Я ведь знал, что это бесполезно.

– Спасибо, Джастин, – сказал детектив и, заметив, что управляющий собирается идти вслед за ними, добавил: – Не стоит нас провожать, лучше постарайтесь немного отдохнуть. Скоро у вас будет много гостей, и вам необходимо набраться сил, – сказал он и вышел из комнаты вслед за начальником службы безопасности.

Спустя час с четвертью Роджер и Стив уже вылезали из вертолётки на лужайке за особняком мистера Картера.

– Почему вы любезничали с этим шантажистом? – возмутился Стив, едва они

отошли от вертолѐта на достаточное расстояние.

– Потому что общался с больным человеком, – ответил детектив.

– Больным? – усмехнулся Стив. – Это Джастин-то болен? Да он здоров, как бык... просто он понял, что ему не отвертеться, вот он и начал валять дурака...

– Нет, – возразил детектив. – У него серьезные проблемы с психикой, и как только закончим расследование, я позабочусь, чтобы его отправили на обследование.

– Да бросьте, Роджер, – не унимался Стив, – той ночью он напился до розовых слонов, вот ему и мерещились всякие ужасы.

– Если бы он напился до розовых слонов, он не смог бы сделать и пары шагов по скользкой земле, ни разу не поскользнувшись или не упав, – отпарировал детектив. – И можете мне поверить: пьяного человека видно по следам так же хорошо, как по его походке.

– Не хочу с вами спорить, Роджер, но ему я все равно не верю, – сказал Стив и спросил: – Кстати, что это был за муравей, о котором он трындел всю дорогу?

– Не было там никакого муравья, – ответил детектив. – Это был внедорожник «Форд Рэнджер»...

Стив резко притормозил и развернулся к собеседнику:

– Не думаю, что у Джастина снесло крышу до такой степени, что он уже не может отличить автомобиль от муравья!

– Объяснять долго, лучше я вам покажу, – сказал детектив и, вытащив из кармана куртки камеру, продемонстрировал Стиву кадры, на которых был запечатлен автомобиль. – Той ночью было полнолуние. Вот видите, желтый свет луны отражается от лобового стекла машины, которая стоит на пригорке. А тень от кедра разделяет этот свет на две половинки. Это и есть те самые огромные желтые глазища, что так сильно напугали Джастина. А игра света и тени, плюс его больное воображение преобразили смутные очертания автомобиля в чудовищного муравья. Сегодня днем я оправил по телефону несколько снимков этого внедорожника своей помощнице мисс Кларк. Конечно, качество изображения оставляет желать лучшего, но, думаю, поколдовав за компьютером, ей все же удастся прочесть номер автомобиля. И тогда мы сможем предъявить дополнительные улики таинственному визитеру, который той ночью приезжал на озеро, – сказал детектив и, сунув камеру обратно в просторный карман куртки, добавил: – Если же ей не удастся этого сделать, тоже не беда. Частицы красной земли с днища автомобиля – не менее веские улики, чем его номер. Ведь как бы тщательно не отмывали машину, на ней всегда можно найти частицы грунта в складках и всевозможных закоулках конструкции.

– Дело за малым, мистер Пинкертон, – усмехнулся Стив. – Надо всего лишь найти машину в небольшом населенном пункте под названием Нью-Йорк, включая пригороды.

Детектив добродушно рассмеялся на шпильку собеседника, к которым уже привык, и, не ответив ему, направился к особняку. Стив догнал напарника у дверей холла, и они вместе вошли в помещение, где их дождался хозяин поместья. Завидев Роджера, Картер поднялся с места и сделал пару шагов навстречу гостю.

– Как только Стив сообщил мне, что будут нужны водолазы, я сразу же позвонил в полицию...

– Примите мои соболезнования, – воспользовавшись паузой, вставил детектив, и хозяин сразу обмяк, погружившись в размышления.

– Мне будет не хватать моей бедной девочки, – спустя некоторое время глухо

сказал Картер и, вернувшись к журнальному столику, сел на свое место, жестом приглашая гостя сесть в кресло напротив. Дотянувшись до пачки сигарет, лежавшей на журнальном столике, он закурил, и некоторое время молча дымил сигаретой. – О чем я говорил? – наконец спросил он, выдыхая сизый дым из легких. – ... об отпуске?... нет... об этом я говорил с Патриком... вспомнил! ... я говорил о том, что звонил в полицию. Вскоре приехал детектив Дуглас. Едва я успел рассказать ему все, что мне было известно, как ему позвонили и сообщили, что поисковая группа готова к вылету на озеро, и Дуглас ушел, – сказал Картер и замолчал. Спустя продолжительное время он спросил, глядя на детектива: – При каких обстоятельствах она утонула?

– Мне кажется, сегодня нам не стоит об этом говорить, – ушел от прямого ответа Роджер.

– Пожалуй, вы правы, я неважно себя чувствую, – вздохнул Картер и перевел взгляд на начальника службы безопасности. – Стив, отвезите, пожалуйста, мистера Смита домой, или куда он прикажет. Только прошу вас, не вздумайте везти его на своей машине! – Начальник службы безопасности коротко кивнул хозяину и вышел из холла, а Картер стряхнул пепел с сигареты в пепельницу и продолжил: – Патрик тяжело воспринял известие о своем брате: поэтому я отпустил его в отпуск на пару недель. Возможно, это поможет ему прийти в себя после этой трагедии...

Детектив слушал хозяина и одновременно следил сквозь стеклянные стены холла за начальником службы безопасности, который быстро шагал по широкой аллее. Вскоре Стив подошел к красному «Фольксвагену», что был припаркован неподалеку от ворот гаража и, покрутившись возле машины, зашел в гараж. Прошло некоторое время. Картер с отсутствующим видом, глядя перед собой, молча дымил очередной сигаретой, детектив скучал, поглядывая на часы, и тут в дверях показалась высокая фигура Стива (этот молодой человек обладал удивительной способностью передвигаться абсолютно бесшумно).

– Машина подана, сэр! – сказал он достаточно громко, подойдя к журнальному столику, и замолк в ожидании дальнейших указаний. Картер вздрогнул от неожиданности и, недовольно глянув на длинную колбаску пепла, свалившуюся с сигареты на его пиджак, перевёл взгляд на начальника службы безопасности.

– Вам повезло, что я не умер от инфаркта, Стив; это причинило бы вам лишние хлопоты, – сказал он незлобиво и развернулся к детективу. – Не обращайтесь внимания на глупого старика, мистер Смит, – сказал он, вставая с кресла, и добавил: – Не смею вас больше задерживать. – Подойдя к ступеням, ведущим на второй этаж, он остановился в нерешительности и, подумав, развернулся к детективу: – Возможно, это не к месту, но... Джон говорил, что вы любите блюда из лесных грибов. Об этом ему сообщил шеф-повар, когда он ездил в ресторан, чтобы узнать о ваших кулинарных пристрастиях. И сегодня на ужин он готовит шампиньоны с белыми грибами по вашему любимому рецепту. Не хотите составить мне компанию за бутылочкой выдержанного «Шардоне»?

– Если это бургундское «Шардоне» не моложе пяти лет, охлажденное до 8-12 °С, когда помимо аромата меда, жимолости и персиков в нём появляются нотки лесного ореха и сухофруктов, думаю, я был бы не в силах вам отказать... – с улыбкой ответил детектив и направился к выходу.

Вскоре он уже садился в элегантный серый кабриолет «Aston Martin», который незадолго до этого начальник службы безопасности подогнал к особняку.

– Так и хочется сказать: Бонд... Джеймс Бонд... – заметил детектив, с удоволь-

ствием устраиваясь в кожаном кресле и застегивая ремни безопасности. – Хотя нет, в фильме «Казино Рояль» снимался «Aston Martin DBS», на котором каскадер Адам Кирли совершил эффектнейший трюк, когда машина сделала семь полных оборотов. Кстати, он попал в книгу рекордов Гиннеса за самый зрелищный поворот в истории кинематографа, и этот рекорд пока еще никем не побит. А ваш красавец – «Aston Martin DB9» и, если не ошибаюсь, его заслуга лишь в том, что он был признан одним из лучших кабриолетов 2006 года, что впрочем, тоже неплохо...

– Откуда вы так много знаете, Роджер? – спросил Стив, включая зажигание и, не удержавшись, съязвил: – С виду не скажешь, что имеешь дело с культурным, эрудированным человеком.

Детектив усмехнулся и, развернувшись к своему собеседнику, спросил:

– Вы женаты?

– Нет, – ответил Стив и плавно тронул машину с места.

– В таком случае не советую вам делать комплименты понравившейся вам женщине, – сказал детектив, – рискуете остаться холостяком.

– Благодарю за ценный совет, – ухмыльнулся Стив и, надавив на акселератор, прибавил газу.

– А почему мистер Картер запретил вам везти меня на своей машине? – спросил детектив, меняя тему разговора.

Стив ответил не сразу:

– Как-то раз я вёз одного гостя мистера Картера в аэропорт... ехали быстро, боялись опоздать на рейс... – все же начал он говорить.

– ... а ваш «Фольксваген» возьми, да и сломайся в пути... – перебил детектив.

– Он не сломался, – огрызнулся Стив, – колесо спустило, а запасного не было.

Закон подлости называется, слышали? Кстати, как вы узнали? Мистер Картер рассказал?

– Нет, – улыбнулся детектив. – Просто я увидел, как вы подошли к «Фольксвагену» и заботливо протерли носовым платком лобовое стекло и капот автомобиля перед тем, как войти в гараж, следовательно, подумал я, это его машина. Даже издалека было видно, что вашему «жуку» давно пора на покой, поэтому, когда вы сказали, что торопились в аэропорт, я понял, что вас подвела машина, и почему ваш хозяин не хотел, чтобы вы везли меня на ней.

Стив кивнул головой собеседнику и, вырулив на автостраду, прибавил было газу но, поравнявшись с придорожным кафе, резко затормозил.

– Сигареты кончились, – объяснил он свой неожиданный маневр, отстегивая ремни безопасности. – Не знаю, как вы, Роджер, но я буквально умираю с голоду, – добавил он и, выскочив из машины, спросил: – Что вам взять: гамбургер или хот дог? Но должен предупредить, придется подождать: здесь вкусно готовят, поэтому всегда большие очереди...

– Спасибо, Стив, я не голоден, – отказался детектив и, едва начальник службы безопасности скрылся из виду, достал из кармана мобильник. – Добрый день, мисс Кларк... что нового? Вы прочли номер?... отлично... а что удалось узнать насчет адвоката? ... я же вам говорил! Из Токио есть известия? ...Такэда просил, чтобы я еще раз ему позвонил? ... спасибо, мисс Кларк... – сказал детектив и, набрав следующий номер, заговорил по-японски. Закончив разговор, он некоторое время задумчиво смотрел перед собой, а затем набрал еще один номер. – Привет, Джордж... вы уже на озере? ... когда доберётесь, не гони ребят в воду. Я не мог позвонить и сказать

тебе этого раньше. Когда прибудешь на место, встань спиной к палатке с восточной её стороны. На другом конце озера увидишь высокую сосну, чуть правее от неё будет вход в пещеру... да не промахнешься, Джордж; там следы ведут от песчаного пляжа напрямик в пещеру... в пещере они спрятали труп Патрика, они торопились и едва забросали его ветками... слушай дальше, недалеко от палатки, к северу от неё, растёт кедр... я сделал на нём зарубку, так что найдёшь без труда. В дупло я спрятал пару окурков от сигарет, которые там забыл трёхпалый повар, и оптический прицел. Не думаю, что он оставил на прицеле отпечатки своих пальцев, скорее, он бросил его, чтобы навести следствие на ложный след. Будет время, отправишь окурки на экспертизу, чтобы в случае необходимости у нас были дополнительные улики... и распорядись, пожалуйста, чтобы установили наблюдение за особняком мистера Картера, ... даже серьёзнее, чем ты думаешь, старина. Он собирался шантажировать свою супругу, но не это главное. Мне только что сообщили номер машины, владелец, как я и предполагал, повар мистера Картера, трёхпалый китаец Джон Ли. Теперь уже нет смысла искать следы грунта на днище его машины в качестве доказательств. Кстати, он мастер восточных единоборств, и это может создать вам определенные трудности при его задержании. И ещё, минут через двадцать пошли, пожалуйста, Грэга и пару ребят по адресу, который я вышлю тебе позже сообщением SMS, скажешь ему, чтобы он позвонил мне, когда прибудет на место. И последнее, сегодня Картер пригласил меня на ужин, но сначала поедешь к нему ты: я могу не успеть. О чём ты будешь говорить сначала с его поваром, а затем и с Картером, я тебе сейчас расскажу. И слушай меня внимательно, Джордж, потому что от этого будет зависеть твоя жизнь ...

Когда начальник службы безопасности с большим бумажным пакетом в руках вернулся, наконец, к машине, он застал детектива за рулем. Роджер сидел на месте водителя и со скужающим видом слушал по радио новости.

– Мы доедем быстрее, если вы будете есть, а я буду вести машину, – сказал детектив, выразительно глядя на кулёк и надкушенный хот дог в руках собеседника. Стив молча кивнул головой и плюхнулся на сидение рядом с водителем.

Тем временем детектив включил зажигание и вырулил на автостраду, а затем на предельно допустимой скорости они помчались по направлению в город. Когда Роджер в очередной раз глянул на притихшего начальника службы безопасности, тот, лениво дожевывая последний кусок, распечатывал пачку «Winston».

– Если мне не изменяет память, Стив, – улыбнулся детектив, – не прошло и полтора часов, как вы съели четыре булочки, когда мы были в гостях у Джастина.

– Она вам изменяет Роджер, – огрызнулся Стив. – На столе было всего три булочки, и с тех пор прошло не полтора, а два с половиной часа, – добавил он и, глянув на спидометр, поинтересовался: – Куда мы спешим?

– В гости, – ответил детектив, продолжая улыбаться; начальник службы безопасности нравился ему всё больше.

– К кому, если не секрет? – вяло поинтересовался Стив, который, плотно перекусив, не был расположен к беседе.

– К Майку, – ответил детектив, обгоняя чёрный «Audi».

Стив круто развернулся к собеседнику:

– Майк живёт на другом конце города...

– Знаю, – ответил детектив, – мы едем на квартиру Патрика. Разумеется, при условии, что адрес, который был указан в личном деле, соответствует действительности

– Да вы его и полминуты не читали, – усмехнулся Стив, – это личное дело...

– Этого было более, чем достаточно, чтобы запомнить все необходимое, – скромно заметил детектив и сказал: – А едем мы на квартиру Патрика потому, что Майк по причине, которую я объясню позже, выдаёт себя за своего брата и поэтому вынужден жить в его квартире, – детектив сбросил скорость и остановил машину на красный свет светофора. – Не думаю, что Майк встретит нас с распростёртыми объятиями, – сказал он собеседнику, – но мы по-любому должны попасть в эту квартиру.

– Зачем? – поинтересовался Стив.

– Вы же хотите знать, что произошло на озере? – спросил детектив.

– Конечно, – кивнул головой Стив, тем временем загорелся зелёный свет, и Роджер, тронув машину с места, сказал:

– ...вот поэтому мы и должны попасть в эту квартиру.

Спустя некоторое время напарники были уже на месте и поднимались в лифте на семнадцатый этаж жилого дома.

– Будет лучше, если в дверь постучите вы, – сказал детектив, когда, выйдя из лифта, они остановились на лестничной площадке. – Майк сразу заподозрит неладное, если увидит меня рядом с вами, – пояснил он, вставая сбоку от двери так, чтобы его не было видно через дверной глазок.

Начальник службы безопасности просунул ладонь правой руки за отворот пиджака и, нащупав рукоять пистолета, нажал на кнопку звонка. Спустя короткое время из-за двери раздался голос хозяина квартиры: – Кто там?

– Это я, Майк, – отозвался Стив, отступая на шаг назад и сжимая рукоять пистолета под пиджаком.

– Кто это... я? – задал очередной вопрос хозяин квартиры.

– Брось валять дурака, Майк, – усмехнулся Стив, – ты же видишь меня через глазок.

– Извините, мистер Крайтон, но вы оговорились, – продолжал тянуть время хозяин квартиры, – я Патрик, а не Майк. Хотя вы всегда нас путали, и не только вы. Нас всегда все путали... с самого детства... знаете, как это обидно... вы даже не представляете, как это бывает обидно...

– Майк, мать твою!!!... – рявкнул Стив, который не собирался выслушивать словесный понос хозяина квартиры. – Не заговаривай мне зубы, каналья, и живо открывай дверь!

Некоторое время за дверью сердито сопели

– Да пошёл ты... – наконец огрызнулся Майк, которому надоело разыгрывать дурачка. – Даю тебе тридцать секунд, Стив, и если за это время ты не уберёшься, я вызову полицию.

Начальник службы безопасности оказался решительным человеком: недолго думая, он вдруг резко пнул по замку стопой правой ноги с такой силой, что дверь распахнулась, отбросив Майка вглубь квартиры.

«Браво, мистер Крайтон!» – подумал Роджер, врываясь в прихожую раньше Стива, который замешкался в дверях, пока вытаскивал из кобуры пистолет... тем временем Майк успел оправиться и с ревом бросился на детектива... Роджер молниеносно ушёл с линии атаки... захват... ротация... бросок ... когда Стив с пистолетом в руках вбежал в квартиру, он увидел, как двести фунтов тренированных мышц телохранителя описали в воздухе крутую дугу и, опрокинув журнальный столик с небольшим подносом, с грохотом врезались в паркет. В следующее мгновение детектив

скрутил руки Майка за спину и одним ловким движением защелкнул наручники на его запястьях, спустя ещё десять секунд телохранитель уже извивался всем телом на полу, пытаясь высвободить руки из наручников, и возмущенно орал:

– Что вы себе позволяете, господа? По какому праву вы силой ворвались в мою квартиру, и как вас вообще прикажете понимать?

– Заткнись, Майк, – оборвал гневную тираду телохранителя Стив и пошёл закрывать дверь. – Выкладывай всё начистоту... – добавил он, вернувшись в комнату.

– Мистер Крайтон, – продолжал возмущаться хозяин квартиры, – почему вы всё время называете меня Майком? ... я же объяснил вам, что я Патрик...

– Майк, мать твою... не испытывай моё терпение! – вскипел начальник службы безопасности.

– Стив! – вмешался детектив. – Если позволите, я бы поговорил с Майком.

Начальник службы безопасности пожал широкими плечами и, сунув пистолет в кобуру, отошёл к окну. Вскоре, вальяжно развалившись на низком диване, он уже дымил сигаретой, изредка посматривая на притихшего Майка, который устроился на паркете, вытянув ноги перед собой и упираясь спиной в стенку.

– Майк, – сказал Роджер, стоя в двух шагах от хозяина квартиры и сверху вниз глядя на него, – вы же разумный человек и понимаете, что глупо упорствовать и продолжать выдавать себя за Патрика. – Майк украдкой попытался высвободить руки из оков, но от этого у него только сильнее разболелись запястья. – ...если вы дадите мне слово, что не станете делать глупостей, я сниму с вас наручники, и мы спокойно побеседуем, – детектив замолк в ожидании ответа, а в наступившей тишине вдруг отчётливо послышался шум воды, который доносился из ванной комнаты. Не было сомнений, что в квартире находится кто-то ещё, и что этот человек в данный момент принимает душ.

Майк скорчил досадливую гримасу и негромко сказал:

– Снимите с меня наручники, сэр... ваша взяла.

Роджер склонился над хозяином квартиры и вскоре Майк сидел на стуле, растирая затекшие запястья. Он поглядывал в сторону коридора, потому что шум воды уже прекратился, и нервы телохранителя были напряжены до предела.

– Как вы поняли, у меня находится гость, – сказал он, продолжая массировать запястья, – и я прошу вас уйти, потому что не хочу, чтобы он вас видел. Но даю вам слово, что встречу с вами по первому вашему зову...

– Я бы ушёл, Майк, – сказал детектив, – да не могу, потому что должен побеседовать с вашим гостем и жду, когда миссис Картер приведёт себя в порядок после душа.

Стив замер на месте с вытянутой рукой, не дотянувшись до пепельницы, Майк едва не свалился со стула и с отвисшей челюстью уставился на детектива, а в комнату в это время вошла миловидная блондинка в белой блузке и элегантно чёрном костюме-двойке. Постукивая высокими каблуками по паркету, она медленно дошла до стола, стоявшего в центре гостиной и, глянув на незнакомого ей человека, перевела взгляд на Стива, который, завидев её, вскочил на ноги, а затем на Майка, который тоже поспешил встать со своего места.

– Я слышала грохот, когда принимала душ, что это было? – спросила она, глядя на начальника службы безопасности, но Стив не ответил, потому что буквально потерял дар речи от изумления.

– Это был Патрик, сударыня, – воспользовавшись паузой, сказал детектив,

мягко напоминая о своем присутствии, и выразительно посмотрел на начальника службы безопасности, а затем на Майка, давая им понять, что хозяйка не должна пока знать о том, что им известно, кто есть кто. – ... Он был настолько неосторожен, что опрокинул поднос и журнальный столик...

Миссис Картер развернулась к незнакомцу, который стоял в двух шагах от неё и при этом вежливо улыбался,

– А вы, должно быть, адвокат моего мужа? – сказала она, присаживаясь на краешек стула. – Джек говорил, что завёл себе нового адвоката, – пояснила она и сделала паузу. – Почему вы стоите? Сядьте! Я не могу разговаривать, когда у меня стоят над душой. Кстати, как вы меня нашли?

Детектив подошел к столу и сел напротив блондинки, Стив рухнул, как подкошенный, на диван и закурил, а Майк начал наводить порядок в гостиной, чтобы хоть как-то скрыть свое замешательство.

– Мистер Картер сообщил вам про нового адвоката, когда вы сказали ему, что решили подать на развод? – спросил детектив.

– Зачем вы спрашиваете меня об этом? – раздражённо ответила собеседница. – Разве он не передал вам моих бумаг, или возникли какие-то спорные вопросы? В таком случае я буду вынуждена позвонить моему адвокату. – Детектив молча протянул собеседнице свою визитную карточку. Миссис Картер взяла визитку и, глянув на неё, побледнела. – Господи, что я делаю! Болтаю тут о разводе, о каких-то бумагах, когда... – она замолчала, дрожащими руками разглаживая складки скатерти. – Стив, вы можете объяснить мне, что происходит? – жалобно попросила она. – Я совсем уже оступела от страха и ничего не соображаю.

– Я сам запутался в этом деле настолько, – вздохнул Стив, – что жду объяснений от мистера Смита. – Детектив посмотрел на начальника службы безопасности, а тот добавил уже возмущенно: – Вы что, Роджер совсем мне не доверяете? Почему вы солгали?

– Солгал? – удивился детектив. – И когда же я это сделал?

– Когда мы стояли у палатки на озере, – ответил Стив. – Вы сказали, что Майк отнёс в лодку сначала труп Патрика, а затем труп миссис Картер.

Майк с грохотом выронил из рук поднос, который едва успел поднять с пола, а миссис Картер стала бледнее скатерти. Начальник службы безопасности, едва начав беседу, моментально шокировал всех присутствующих.

– Честно говоря, Стив, мне импонирует ваша прямолинейность, – усмехнулся детектив, – но я бы посоветовал вам впредь не применять её столь прямолинейно. Во-первых, вы раскрыли информацию, что нам известно о том, что Майк выдает себя за Патрика (я хотел сделать это позднее) и только напугали этим свою хозяйку. Во-вторых, когда мы беседовали на озере, я сказал вам, что Майк вернулся в палатку и отнёс в лодку миссис Картер, но я не произносил слова – труп.

В следующее секунду с миссис Картер случилась истерика. Она расхохоталась, как сумасшедшая, а затем разразилась рыданиями. Прошло порядочно времени, а истерика все продолжалась... правда, не так бурно, как началась: миссис Картер плакала, спрятав лицо в ладонях.

Детектив отбивал кончики пальцев, постукивая ими по столешнице, и задумчиво смотрел на фотографию Рея Чарльза, висевшую на стене. Стив с мрачным видом дымил сигаретой, сидя на диване, а Майк бегал по квартире в поисках успокоительных таблеток хозяйки, но, как выяснилось, они закончились у неё ещё с вечера, и по

настоятельной просьбе Роджера их решили заменить неразбавленным виски. Эффект превзошел всяческие ожидания!! После солидной порции огненной воды, которую миссис Картер, зажмурив глаза и запрокинув голову, мужественно осушила одним махом, она взбодрилась настолько, что вскоре сидела за столом с красивым, порозовевшим от выпивки лицом и блестящими по этой же причине глазами. Майк, который на правах хозяина и раздобыл в баре бутылку виски со стаканами, сидел на диване рядом с начальником службы безопасности. А Стив в очередной раз, презрев надпись на пачке сигарет, гласящую о том, что сомнительное удовольствие, которому он сейчас предавался, может плохо для него закончиться, курил, поглядывая на хозяйку.

– Прошу прощения, мэ, – наконец вздохнул он, – я тут брякнул, не подумав, и вас расстроил... и вообще...

– Да ладно, Стив, чего уж там... – махнула рукой миссис Картер. – Это мне надо извиниться перед вами за мою истерику, – и, сделав глоток виски, посмотрела на детектива. – Если б вы знали, мистер Смит, как мне было страшно, когда я увидела бедного Патрика, – сказала она и, покончив с виски, добавила: – Мне и сейчас страшно...

Детектив глянул на пустой стакан миссис Картер, который молчаливо свидетельствовал о том, что новый антидепрессант пришёлся ей по вкусу, и потянулся за бутылкой.

– Ну, сейчас, я думаю, вам бояться уже не стоит, – сказал Роджер, наливая виски в стакан собеседницы. – Но я понимаю, как много вам пришлось пережить той ночью, когда вы проснулись от криков Майка и, выбежав из палатки, увидели лежащего в луже крови Патрика. Зрелище было не для слабонервных. Ведь он сильно разбил лицо, когда, переговорив с Майком, побежал к своему мотоциклу, но в темноте зацепился ногой за корягу и со всего маху въехал головой в булыжник. А позднее, когда Майк рассказал вам в палатке о том, что ему стало известно от брата, вам стало настолько плохо, что вы потеряли сознание.

– Откуда вы всё это знаете? – широко раскрытыми глазами глядя на собеседника, прошептала миссис Картер.

– Вы что, за нами следили? – спросил не менее удивленный Майк, а Стив вдавлив окурок в пепельницу и посмотрел на напарника.

– Скажите, Роджер, зачем вы с убитым видом выражали свои соболезнования мистеру Картеру, если знали, что его супруга жива?

– А с чего вы взяли, что я выражал их по поводу миссис Картер? – ответил детектив. – Я выражал соболезнования из-за смерти Патрика.

– Но вы промолчали, когда мистер Картер сказал, что ему будет не хватать его девочки, – возразил Стив, и тут прозвенел мобильный телефон детектива. Роджер извинился перед собеседниками и, достав телефон, глянул на номер, что высветился на дисплее. Звонил Грэг, лейтенант давал знать детективу, что прибыл на место.

– Ошиблись номером, – соврал детектив и, положив мобильник на стол, посмотрел на начальника службы безопасности. – Стив, я отвечу на все ваши вопросы, но позже, – сказал он негромко и перевёл свой взгляд на Майка. – Той ночью, услышав шум мотоцикла, вы вылезли из спального мешка и, дойдя до орешника, встретились с Патриком. Он сказал вам, что приехал на озеро, потому что узнал, что на миссис Картер готовится покушение?

– Откуда вам все это известно? – спросил Майк.

– У нас нет времени на разъяснения, – сказал детектив, – поэтому я прошу вас

отвечать коротко и по существу... договорились? Итак, что вам сообщил Патрик?

– Он сказал, что возился в гараже со своим мотоциклом, – начал Майк, – когда ему позвонил мистер Краевски.

– Адвокат вашей хозяйки? – уточнил Роджер.

Брови миссис Картер поползли вверх. «Ему и об этом известно!?» – с ужасом подумала она, глядя на детектива, а Майк кивнул головой: – Да... вы его знаете?

– Продолжайте, – проигнорировал вопрос собеседника детектив.

– Мистер Краевски позвонил и сказал Патрику, что ему стало известно о том, что мистер Картер отправил на озеро наёмного убийцу, и что нам с миссис Картер грозит большая опасность, – сказал Майк. – Когда Патрик спросил, почему он не обратится в полицию, Краевски ответил, что он адвокат и знает, что от голословных заявлений мало толку, а прямых доказательств у него нет. И еще он сказал, что пытался дозвониться до миссис Картер, но не смог этого сделать, а как проехать на ранчо, он не знает, потому что ни разу там не был. Тогда Патрик предложил Краевски позвонить управляющему ранчо Джастину, но тот отказался звонить ему сам и запретил делать это Патрику, объяснив это тем, что в данной ситуации никому нельзя доверять, и что лучше съездить на ранчо и предупредить хозяйку о готовящемся покушении, чтобы она могла на время где-нибудь скрыться, пока дело не прояснится.

Миссис Картер, затаив дыхание, слушала Майка, судорожно сжимая в руках стакан с виски. Роджер заметил её напряженное состояние и негромко сказал:

– Мистер Краевски правильно сделал, что решил предупредить вас через Патрика. Той ночью убийца действительно приезжал на озеро...

Миссис Картер судорожно отпила глоток виски.

– ...это был коренастый мужчина средних лет крепкого телосложения, – продолжал Роджер, – его рост, насколько я мог судить по расстоянию его шагов, примерно пять футов четыре дюйма. Он слегка косолап; это было видно по его следам. При ходьбе отталкивается от земли внешней стороной стопы. Обычно так ходят спортсмены и хорошо тренированные люди. Кстати, он довольно долго стоял под кедром неподалеку от палатки и ждал удобного случая (о том, что он ждал долго, свидетельствовало количество окурков от сигарет, которые он набросал под деревом). А курит он китайские сигареты. Маловероятно, чтобы человек, родившийся и выросший в Штатах, пристрастился к китайским сигаретам, следовательно, он азиат и, скорее всего, китаец, не так давно приехавший к нам, потому что не успел ещё отвыкнуть от своих сигарет. Это предположение подтверждается ещё одним фактом, вернее, антропометрическим фактором. Той ночью он один раз упал, и по пропорциям его тела, которое довольно чётко отпечаталось на мягкой после дождя земле, было видно, что верхняя его часть длиннее нижней. Такой тип телосложения – короткие, немного кривые ноги и длинное туловище – более распространен у азиатов, чем, скажем, у европейцев или афроамериканцев. И всё это, вместе взятое, даёт мне основание полагать, что наемный убийца – китаец и, судя по его походке, спортсмен, возможно, мастер восточных единоборств... – Миссис Картер, Майк и начальник службы безопасности, затаив дыхание, слушали рассказ детектива, а он тем временем продолжал: – Той ночью вам повезло: наёмнику помешал один человек (Стив знает, о ком идет речь). Этот человек почти всю ночь напролет простоял у палатки, и убийца ждал, когда он уйдёт, потому что ему не нужны были свидетели и уж тем более, лишние трупы, – детектив выдержал паузу. – А тут, как назло, ещё и Патрик подъехал. Короче говоря, той ночью на озере было довольно оживлённо, поэтому

убийца решил удалиться и второпях не заметил, что выронил оптический прицел от винтовки. Он сел в машину, что незадолго до этого оставил на пригорке, и уехал.

Миссис Картер украдкой глянула на часы и встала из-за стола:

– Извините, но мне необходимо привести себя в порядок, – сказала она и направилась в ванную комнату.

Вскоре она вернулась, за довольно короткое время она успела не только подкрасить глаза и губы, но и сменить одежду. Сейчас на ней был потрясающий вечерний наряд: открытое облегающее черное платье и ожерелье из крупного жемчуга,...

– Вы ждёте кого-то? – спросил Роджер, с интересом глядя на миссис Картер, и тут прозвенел дверной звонок...

– Моего адвоката, – небрежно ответила она, провожая взглядом Майка, который пошёл открывать дверь, и поправила причёску. Спустя минуту в гостиную вошёл высокий белокурый красавец со спортивной фигурой, в дорогом светло-синем костюме, который плохо дополнял галстук кричащей расцветки. Окинув быстрым взглядом присутствующих, он посмотрел на миссис Картер и слегка нахмурил брови, но уже в следующую секунду расплылся в широкой улыбке, обнажая белоснежные зубы.

– Я не знал, что у вас гости, – он подошел к столу и, дружески кивнув начальнику службы безопасности, поставил дипломат из крокодиловой кожи на паркет рядом со стулом.

– Знакомьтесь, это мистер Смит, – представила хозяйка детектива, глядя на новоприбывшего, который тем временем оценивающим взглядом мерил внушительную фигуру Роджера, – мистер Смит, это мой адвокат, мистер Краевски.

– Очень приятно, – улыбаясь, промолвил адвокат, протягивая руку через стол, детектив встал с места и пожал её... некоторое время они молчали, пожимая руки и изучая друг друга... и тут адвокат вдруг усилил давление... детектив ответил. Тридцать секунд спустя Краевски поморщился от боли, и Роджер разжал свои пальцы... – ...вы чуть не сломали мне руку, – сказал адвокат, усаживаясь на стул и массируя свою ладонь, – но должен признаться, виноват все же я, не надо было начинать...

– Весьма огорчён, – промолвил детектив и сел на место.

– Чем? – спросил адвокат, продолжая массировать ладонь.

– ... что не сломал вам руку, – ответил детектив.

Адвокат посмотрел на собеседника и звонко расхохотался:

– Да вы шутник, мистер Смит, – сказал он весело, – как я мог сразу вас не узнать? Ведь о сыщике с невероятными способностями ходят легенды в кругах специалистов Нью-Йорка... и не только Нью-Йорка...

– А вы не сильно преувеличиваете? – усмехнулся детектив.

– Нисколько! – возразил собеседник. – Я давно слежу за вашими победами и могу привести массу примеров блистательно проведённых вами расследований. Один мой знакомый, тоже адвокат, недавно рассказал мне интересный случай из своей практики. История долгая, поэтому расскажу вкратце. В тюрьму угодил невиновный человек. Его жена по совету подруги обратилась за помощью к вам. И на то, чтобы разобраться в сложном запутанном деле и поймать истинного преступника, вам потребовалось всего лишь два дня!... а прошлым летом вы...

– Мистер Краевски, – перебил собеседника детектив, – мне кажется, вы пришли сюда не за этим...

– Простите, не понял, – сказал адвокат.

– Все вы поняли, – ответил детектив, жестко глядя в глаза собеседника, – но

могу объяснить. Вы хороший охотник и пришли сюда проверить – попала ли дичь в расставленные вами сети?

Адвокат опешил от неожиданного и беспардонного поведения собеседника, а пристальный взгляд детектива, как дуло пистолета направленный ему в лицо, мешал сосредоточиться, и мистер Краевски не нашёл ничего лучшего, как улыбнуться.

– Надеюсь, вы шутите? – нервно спросил он.

Детектив не ответил ему и развернулся к начальнику службы безопасности.

– Знаете, Стив, люди так устроены, что зачастую мы слышим не совсем то, что говорит наш собеседник, и нередко мы также ошибочно воспринимаем события, которые происходят на наших глазах – издали начал он. – Однажды проводили такой эксперимент: в ресторан с множеством посетителей вбежал мужчина, вооруженный пистолетом. Выстрелив два раза в потолок холостыми патронами, он ушел. И что вы думаете? Когда провели опрос свидетелей и сверили показания очевидцев этого инсценированного преступления, не смогли найти и двух идентичных версий развития событий в ресторане; их было столько же, сколько и свидетелей! Но что самое интересное, никто из свидетелей не смог рассказать правду о том, как на самом деле развивались события в ресторане, – сказал детектив и улыбнулся. – Это я к тому, Стив, что тогда на озере вы не совсем правильно меня поняли... – Начальник службы безопасности молча кивнул головой собеседнику и закурил очередную сигарету. – Мистер Картер тоже не совсем правильно меня понял, когда я выразил ему соболезнование, – продолжал детектив, – а я не стал его разубеждать, потому что всегда следую принципу – всему своё время и время всякой вещи на этом свете... поэтому вернемся к мистеру Краевски, потому что сейчас настало время рассказать о нём более подробно. Я уже говорил, что он хороший охотник. Он часто покидает пределы нашей страны, чтобы съездить поохотиться где-нибудь в джунглях, он и сам коварен и хитёр, как тигр-людоед, на которых он немало охотился и у которых многому научился. Он хорошо играет в шахматы и знает, когда следует пожертвовать пешкой, а то и ферзём, чтобы выиграть партию в целом. Кроме того, он хорошо образован и далеко не глуп, плюс смазливая внешность и светские манеры. Если прибавить, что он неплохо обеспечен материально и отлично сложен физически, думаю, нетрудно догадаться, какое сильное впечатление он производит на представительниц противоположного пола. Можно долго говорить о «достоинствах» этого джентльмена, но мы ограничены во времени. Поэтому скажу коротко: его непомерная алчность способствовала тому, что он задумал, спланировал и начал претворять в жизнь план, по которому он решил завладеть огромным состоянием мужа своей клиентки...

В это время раздался звонкий смех адвоката, который до этого с усмешкой слушал детектива.

– У вас буйная фантазия, мистер Смит, – сказал он громко и налил себе виски.

– ...в любой трагедии, – продолжал детектив, не обращая внимания на замечание собеседника, – должен быть хотя бы один положительный герой. В нашем случае нет ни одного. Патрик и Майк не в счёт, в лучшем случае, они сыграли в ней роли статистов, – сказал Роджер и немного помолчал. – Вот вы говорили, Стив, что не можете понять, что произошло на озере, а я не могу понять многого в этой истории. Как прикажете понимать мужа, который из-за того, чтобы не терять лишних денег во время бракоразводного процесса, решил очернить свою жену, обвинив её в связи с телохранителем? Как понять жену, которая изменяет своему мужу с молодым адвокатом и намерена развестись с законным супругом лишь только потому, что хочет

получить его деньги? – Миссис Картер вздрогнула, словно получила пощечину, – и как понять адвоката, который, имея законную жену и ребенка, соблазняет замужнюю женщину лишь только для того, чтобы присвоить себе её деньги?

– Джереми, – прошептала миссис Картер, с ужасом глядя на адвоката, – ты женат?

– Он сошел с ума, Джулия, – сказал Краевски и, залпом допив виски, потянулся за бутылкой.

– Я говорил, что он может вскружить голову любой женщине, – продолжал детектив, демонстративно игнорируя адвоката и глядя только на Стива. – Уже очень скоро миссис Картер начала подумывать о разводе, а с лёгкой руки мистера Краевски эта информация просочилась в прессу. Спустя ещё некоторое время она уже в открытую заявляет об этом супругу и уезжает на ранчо, где собирается переждать, пока адвокаты той и другой стороны приведут в порядок их бумажные дела...

– Вам бы романы писать, такой талант пропадает, – усмехнулся Краевски, наливая в свой стакан виски.

– ...тем временем в голову мистера Картера, которому не светит перспектива расстаться с половиной своего состояния, – продолжал детектив, – приходит гениальная мысль: скомпрометировать жену и тем самым лишить её денег при разводе. Он звонит Джастину и просит его за приличное вознаграждение тайно снять миссис Картер и Майка, то есть просит его снять материал, из которого намерен смонтировать компромат на свою благоверную. При современном уровне техники это не составляет большого труда, а если у кого и возникнут сомнения в достоверности материала, его можно будет подкупить или запугать. Невелика проблема, когда есть деньги. А обвинив жену в супружеской неверности и имея на руках компромат, пусть даже и сфабрикованный, он мог бы развестись с ней и при этом не оставить ей ни гроша. И его вовсе не смущало то обстоятельство, что наряду с женой он чернит совершенно безвинного человека – её телохранителя Майка, – сказал Роджер и, взяв со стола телефон, глянул на сообщение SMS, которое только что поступило на его номер. – Это коротко о том, что задумал мистер Картер, – продолжил детектив, положив телефон на стол. – Теперь вернёмся к плану мистера Краевски, который прекрасно понимал, что мистер Картер так просто своих денег не отдаст. Поэтому, начиная с ним опасную игру, адвокат предусмотрительно позаботился о том, чтобы иметь на руках козырного туза и заблаговременно пристроил своего человека Джона Ли поваром к мистеру Картеру. Повар и адвокат давно знают друг друга, они познакомились в Шанхае. Кстати, большую часть информации о мистере Краевски по моей просьбе любезно сообщил мой друг и учитель восточных единоборств из Токио. Его младший брат – большая шишка в рядах якудза, но несмотря на это, он, следуя восточной традиции, беспрекословно выполняет просьбы своего старшего брата. Короче говоря, он через свои каналы в Шанхае разузнал много интересных подробностей из прошлого нашего адвоката и сообщил их своему брату, а тот в свою очередь позвонил и передал эту информацию мне... – сказал детектив. – Но я не намерен рассказывать вам историю мистера Краевски, потому что она не имеет отношения к нашему делу. Хотя для того, чтобы вы могли представить, с каким опасным противником предстояло иметь дело мистеру Картеру, должен сказать, что в Шанхае многим людям до сих пор снятся ночные кошмары в образе мистера Краевски. – Красивое лицо адвоката исказила гневная гримаса, но в следующую секунду он усилием воли заставил себя вновь, улыбаясь, слушать рассказчика, всем своим видом демонстри-

руя полнейшее равнодушие к его откровениям. – Вернемся к нашему делу, – сказал Роджер. – Итак, мистер Краевски отправил своего подельника, повара Джона Ли, на озеро с заданием наследить там и уехать, оставив какие-нибудь улики, например, оптический прицел от винтовки, чтобы впоследствии можно было говорить о готовящемся покушении на миссис Картер.

– Позвольте, – возразил Стив, который жадно ловил каждое слово детектива. – Незадолго до этого вы говорили, что наёмник выронил прицел случайно, и что он собирался убить миссис Картер и Майка.

– Сегодня я намеренно наговорил много неточностей, – ответил детектив и немного помолчал, – потому что нельзя говорить всю правду, пока не закончится расследование. Что же касается оптического прицела и того, что наемник хотел убить миссис Картер и Майка, я сказал это, чтобы ваша хозяйка сообщила своему общнику, что детектив клюнул на наживку, – сказал Роджер. – И, если помните, после моих слов она сразу же пошла в ванную комнату, откуда и позвонила мистеру Краевски, ну, и заодно привела себя в порядок. Кстати, сегодня она дважды совершала ошибки: сначала она вышла к нам в костюме-двойке и туфлях на высоких каблуках, а затем не смогла устоять перед искушением и переделалась в вечернее платье, чтобы выглядеть как можно лучше при появлении адвоката. Ничего не поделаешь, господа, женская логика! Она напрочь забыла, что должна играть роль женщины, до смерти запуганной и преследуемой убийцей, которого нанял её жестокий и коварный муж. Потому что, глядя на костюм деловой женщины или роскошный вечерний наряд, невольно задаёшься вопросом: откуда они здесь у неё? Ведь она приехала на квартиру Патрика прямо с озера! Вряд ли она щеголяла в этой одежде на лоне природы, следовательно, она купила её позже. Но это никак не вяжется с образом запуганной жены, которую ей следовало разыгрывать по плану мистера Краевски, потому что не может человек, пусть даже женщина, думать о тряпках, когда его жизнь находится в опасности. И мистер Краевски, едва лишь вошёл в гостиную, сразу заметил ошибку миссис Картер. Он досадливо нахмурил брови, увидев ее наряд, но было уже поздно что-либо исправить. Ему оставалось надеяться, что её ляпсус пройдёт незамеченным, – сказал детектив и добавил: – Теперь вернёмся к событиям на озере. Итак, едва лишь повар уехал, трагически погибает Патрик, и это непредвиденное обстоятельство едва не сорвало план мистера Краевски, ведь мистер Картер остался без водителя ... что делать? ... могут возникнуть дополнительные трудности, если мистер Картер обратится в полицию раньше, чем план адвоката сработает. Положение спасает миссис Картер: она смогла уговорить ни о чём не подозревающего Майка на время заменить погибшего брата и поработать шофером мистера Картера, объяснив ему это тем, что он должен находиться при хозяине, чтобы разузнать о его дальнейших планах. Майк соглашается, потому что горит желанием отомстить хозяину, из-за которого погиб его брат, и относит в лодку труп Патрика, потому что должен на время его где-нибудь спрятать, чтобы не догадались о замене. Когда он возвращается в палатку за миссис Картер, он находит её без чувств. Она разыграла глубокий обморок, и Патрик относит её в лодку, потому что боится оставить её одну в палатке, куда в любую минуту мог, якобы, нагрянуть убийца. Ведь Майк не знал, что покушение это – всего лишь блеф. Не знаю, Стив, известно ли вам, что до замужества миссис Картер была актрисой и играла драматические роли в провинциальном театре, – сказал Роджер, глядя на начальника службы безопасности, который внимательно слушал собеседника. – Той ночью она разыграла глубокий обморок перед Майком так же до-

стоверно, как сегодня разыграла истерику перед нами... но вернемся к лодке. Итак, Майк и миссис Картер добрались до противоположного берега озера и спрятали труп Патрика в небольшой пещере. Завалив вход в пещеру камнями и ветками, Майк возвращается к палатке за мотоциклом, но уже вплавь, перевернув лодку на середине озера. Миссис Картер объяснила ему, что перевернутая лодка на озере должна сбить с толку их преследователей и внушить им мысль, что произошёл несчастный случай. Выбравшись на берег, Майк садится на мотоцикл и, объехав вокруг озера, возвращается к пещере, у которой оставил хозяйку... кстати, по этому следу мотоцикла я и нашел пещеру... а Майк той ночью, забрав миссис Картер, поехал на квартиру Патрика. Тем временем после приступа эпилепсии в себя наконец приходит управляющий ранчо Джастин и, не обнаружив своей хозяйки и Майка возле палатки, спешно покидает пределы озера, – сказал детектив и немного помолчал. – Теперь мне осталось только объяснить, какую роль во всей этой истории мистер Краевски отводил для меня. Он знал, что мистер Картер не рискнёт сразу обратиться с заявлением о пропаже супруги в полицию, потому что в таком случае мистер Картер сам оказался бы под подозрением, но жену ему необходимо найти, хотя бы для того, чтобы избежать этих подозрений. Что делать?... Правильно, единственный выход – это обратиться к частному детективу, но какую выгоду от этого надеялся получить Краевски? Вариант первый: если детектив сможет самостоятельно выйти на беглецов, миссис Картер разыгрывает роль запуганной жертвы коварного супруга и рассказывает ему о готовящемся покушении, её слова подтверждает ничего не подозревающий о сговоре хозяйки Майк. Усилить впечатление должны были улики, оставленные поваром на озере (оптический прицел от винтовки – довольно весомый аргумент). А в то, что повара могут вычислить и через него выйти на него самого, мистер Краевски не верил, потому что Джон Ли недавно прибыл в Нью-Йорк, где у него нет знакомых и друзей. Кроме того, оптический прицел без отпечатков пальцев вряд ли мог вывести детектива на Джона, и шансы, что могут вычислить повара, равнялись нулю, а это значит, что выйти на самого мистера Краевски было практически невозможно. Сейчас я вынужден сделать небольшое отступление, чтобы объяснить вам, как это удалось сделать мне, – сказал детектив и выдержал паузу. – Утром, когда я завтракал с мистером Картером, мне прислуживал его повар. И я невольно обратил внимание на его сильные руки с набитыми мозолями на суставах тыльной стороны его широких ладоней и на то, что на его левой руке не хватает двух пальцев – безымянного и мизинца. «Очень похоже на увечья японских якудза, – подумал я тогда, заметив физический недостаток повара, – но он не японец». В этом я почти не сомневался, потому что достаточно долго жил в Китае, Японии и Корее и могу различать представителей той или иной национальности. Кроме того, из длительного общения со своим учителем айкидо, с которым я по-прежнему сохраняю теплые дружеские отношения, я знаю как о древних традициях самураев, так и о современных порядках у якудза. В том числе и о жестоком ритуале последних – юбицумэ, следуя которому провинившийся перед боссом мафиози должен публично отрезать себе фалангу мизинца на левой руке. Хочу отметить, что еще пару сотен лет тому назад это было довольно серьезным наказанием для нарушителя, потому что именно мизинец левой руки, сжимавший нижнюю часть рукоятки двуручного японского меча, задавал ему нужную траекторию движения. И не секрет, что эта самая траектория зачастую спасала жизнь бойца... но вернемся к нашему повару... Итак, на его левой руке отсутствовала не фаланга, а весь мизинец плюс безымянный палец. Следовательно –

продолжал рассуждать я, – он потерял свои пальцы не в результате юбицумэ, а, скажем, на тренировке, орудуя холодным оружием или... на кухне (так сказать, производственная травма в результате халатности). Тем временем повар, согнувшись в почтительном полупоклоне, поставил передо мной чашку с ароматным дымящимся кофе, и тут на запястье его правой руки я заметил небольшую татуировку – китайский иероглиф, который выглянул из-под рукава его белоснежной куртки. «Китаец», – наконец сделал я окончательный вывод за завтраком. Я уже говорил, что той ночью незнакомец неудачно поскользнулся и упал. Когда он вставал с земли, то уперся в неё ладонями и оставил в глине очень четкие отпечатки, по которым было видно, что на левой руке у него тоже не хватало двух пальцев – безымянного и мизинца... об остальном было нетрудно догадаться... Мистер Краевски рассчитал верно. Ведь если бы Джон не оставил на земле следов своей трехпалой ладони, не набросал окурков китайских сигарет, не приехал бы на озеро на своем автомобиле и не прислуживал бы мне за завтраком... на адвоката невозможно было бы выйти. Теперь коротко о втором варианте развития событий согласно плану мистера Краевски. Итак, если частный детектив не смог выйти на Майка и миссис Картер, они сами должны были выйти на него через начальника службы безопасности или через другого человека мистера Картера, с которым бы детектив поехал на озеро. Ведь, не зная местности, он не рискнул бы поехать туда без провожатого. Как бы там ни было, в любом случае детектив рано или поздно должен был узнать о готовившемся покушении и помочь миссис Картер выдвинуть обвинение против её мужа. Если суд все-таки счёл бы улики недостаточными, чтобы упрятать мистера Картера за решётку, беспрепятственный развод, а вместе с ним и половина состояния миллиардера были бы обеспечены миссис Картер. Далее по плану следует свадебный марш Мендельсона и медовый месяц, а затем Краевски без труда избавляется от самой миссис Картер. Скажем, она трагически погибает в результате какого-нибудь «несчастливого случая», а все деньги достаются адвокату и его законной супруге, от которой у него имеется ребёнок. Правда, на данный момент со своей супругой Краевски развёлся, но сделал он это для того, чтобы жениться на миссис Картер и завладеть её состоянием, – сказал Роджер. – И, наконец, вариант третий. На случай, если детектив узнает больше, чем ему отводилось по плану мистера Краевски. Адвокат, будучи человеком умным, предусмотрел и такую возможность. Что делать в таком случае с детективом? ... подкупить? ... запугать? Как известно, самый надёжный способ заставить человека молчать это – устранить его, но каким способом? ... ах, он любит грибы! ... великолепно! ... дело за малым: надо устроить так, чтобы мистер Картер лично пригласил детектива на ужин, что и было сегодня сделано. Людям такого ранга никто не смеет отказывать, а значит, есть уверенность, что детектив обязательно отведаёт грибов, приготовленных непревзойденным поваром Джоном Ли. После ужина детектив вместе с мистером Картером без лишнего шума и пыли покидают сцену, иначе говоря, покидают наш бранный мир, а адвокату остается доделать мелкие дела. Типа, пригласить повара в какое-нибудь укромное местечко и отправить его вслед за мистером Картером и назойливым детективом. Нет повара – нет улик против адвоката, и даже если обнаружится, что детектив и мистер Картер отравились не грибами, никто не сможет доказать, что в этом был замешан мистер Краевски. При таком развитии событий всё состояние мистера Картера досталось бы его безутешной вдове. А чем бы все это для неё закончилось, я уже объяснил, – сказал Роджер. – Последние дни адвокат находился поблизости от этой квартиры. И как только миссис Картер позво-

нила и сообщила ему, что детектив клюнул на удочку (то есть, думает, что существует наемный убийца, который охотится за ней), Краевски прибыл, чтобы узнать, как далеко детектив зашёл в своём расследовании. Говоря иными словами, травить его сегодня за ужином или отпустить с миром, – закончил свою речь Роджер, глядя на адвоката, который с подчёркнутым вниманием слушал собеседника.

– Мистер Смит! – сказал Краевски, получив возможность ответить детективу. – Я с огромным вниманием выслушал ваш превосходный доклад и скажу вам следующее. К счастью, мы живем не в Дельфах, а вы не пифия из храма Аполлона, чтобы ваши оракулы являлись истиной в последней инстанции. Из чего следует, что обвинения надо подтверждать уликами и показаниями свидетелей...

Роджер усмехнулся и взял со стола свой мобильный телефон. Набрал номер, он включил микрофон и положил мобильник обратно на стол.

– Добрый вечер, Роджер, – раздался хриплый голос детектива Дугласа.

– Привет, Джордж, – отозвался детектив и добавил: – Не мог бы ты зачитать сообщение SMS, которое незадолго до этого отправил на мой телефон...

– «Повар раскололся и согласился дать показания против Краевски», а в чем дело?

– Объясню при встрече, – сказал Роджер и спросил: – Как прошла встреча?

– Как ты и просил, я сразу рассказал повару все, что ты сообщил мне о его делах. Чем он занимался на озере той ночью, кто и зачем устроил его на работу и прочее, – сказал Дуглас, – а в конце сообщил ему, что мы задержали адвоката. Джон все отрицал и утверждал, что не знает никакого адвоката и вообще не понимает, о чем идет речь. Но когда я показал ему прицел от винтовки, окурки китайских сигарет той же марки, что курит он сам, и снимок его машины на озере, он сознался во всем, добровольно сдал порошок, который передал ему Краевски, и согласился дать показания против адвоката.

– Спасибо, Джордж, – поблагодарил собеседника детектив и, дав отбой, посмотрел на адвоката, лицо которого покрылось мелкими бисеринками пота. В следующую секунду Краевски вскочил на ноги и бросился вон из квартиры, а миссис Картер упала в обморок. В этот раз по-настоящему.

– Майк, твою мать... – рявкнул Стив, запоздало вскакивая со своего места. – ... живо поднимай свою чёрную задницу.

– Сядьте на место... оба! – приказал детектив и набрал номер лейтенанта: – Привет, Грэг...

– Здравствуйте, Роджер.

– Часа полтора тому назад мимо тебя прошел и поднялся вверх мужчина с дипломатом из крокодиловой кожи в руках... – сказал детектив.

– ... крашенный блондин ... – продолжил лейтенант, – похож на сутенера... рост шесть футов один дюйм, светло-синий костюм и.... он только что вышел из лифта...

– Доброй охоты, Грэг... – сказал детектив, поднимаясь из-за стола, и направился к выходу...

СОЛМАЗ СУЛЕЙМАНОВА

***I* МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ТЮРКОЛОГОВ В БАКУ**

22-24 октября 2014 года в столице Азербайджанской Республики городе Баку состоялся I Международный симпозиум «Предшественники и последователи», посвященный 150-летию со дня рождения выдающегося мыслителя и лингвиста Алибека Гусейн оглу Гусейнзаде и 105-летию со дня рождения известного тюрколога, лауреата Государственной премии, профессора Мамедаги Ширали оглу Ширалиева.

Организаторы Симпозиума – Институт языкознания им.Насими Национальной академии наук Азербайджана и университет «Кавказ» – преследовали следующие цели: собрать вместе представителей нескольких поколений тюркологов, познакомить поколение молодых ученых с выдающимися тюркологами мира и научным наследием предшественников, дать возможность пообщаться и обменяться опытом, представить миру науку, культуру, национальные ценности страны, к народу которой они принадлежат. По замыслу организаторов все это в итоге приведет к налаживанию контактов и укреплению международного сотрудничества в области тюркологии.

Эти цели были озвучены на церемонии открытия симпозиума, которая началась под звуки национального гимна Азербайджанской Республики. Мероприятие открыл директор Института языкознания им. Насими академик НАН Азербайджана Тофик Гаджиев. Академик подчеркнул, что настоящий международный симпозиум проходит в рамках мероприятий по выполнению Закона Азербайджанской Республики «О государственном языке в Азербайджанской Республике» (2002 г.) и «Государственной программы по использованию азербайджанского языка в условиях глобализации в соответствии с требованиями времени и развитию языкознания в стране» (2013 г.). Оба документа определяют приоритетные задачи государства в области использования, защиты норм литературного языка, его развития, повышения культуры речи государственного азербайджанского языка в условиях глобализации. О государственном приоритете обозначенных проблем свидетельствует и Указ Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева «Об усилении материально-технической базы Института языкознания им. Насими Национальной академии наук Азербайджана» от 29 мая 2012 года. Академик Тофик Гаджиев отметил также, что симпозиум проводится в соответствии с Указом Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева «О проведении 150-летнего юбилея Алибека Гусейнзаде», подписанным 21 января 2014 года. Докладчик подчеркнул, что сегодняшние азербайджанские языковеды являются либо учениками профессора Мамедаги Ширалиева, либо учениками его учеников. Т.Гаджиев рассказал и о научной деятельности Института языкознания им. Насими, способствующей его престижу в мировой тюркологической науке. Ученый отметил, что в работе симпозиума с более чем 90 докладами выступят около 40 представителей из 12 стран мира, в том числе из Турции, Казахстана, Болгарии, Великобритании, Польши, Албании, Украины, Афганистана, Китая и Узбекистана.

Академик-секретарь Отделения гуманитарных и общественных наук НАН Азербайджана академик Теймур Керимли зачитал приветственное слово Президента Национальной академии наук Азербайджана академика Акифа Ализаде в адрес участников симпозиума. В нем затрагивались вопросы государственной политики по развитию азербай-

байджанского языка и национальной лингвистики, выражалась уверенность, что молодые азербайджанские языковеды будут учиться на трудах предшественников и займут достойное место в мировом языкознании.

Перед участниками форума выступил Государственный советник Президента Азербайджанской Республики по межнациональным, религиозным вопросам и мультикультурализму академик Камал Абдуллаев, который рассказал о роли Алибека Гусейнзаде и Мамедаги Ширалиева в развитии тюркологии. Он выразил уверенность, что работа симпозиума объединит тюркологов всего мира.

Участников симпозиума поприветствовали гости из дальнего и ближнего зарубежья: профессор Зейнеп Коркмаз, Шюкрю Халук Акалын, Гамзе Зульфикар (Турция), Эрден Кажибек (Казахстан), Зоя Барболова (Болгария) и др. В своем выступлении д-р доц. Института болгарского языка им. Л.Андрейчина Болгарской академии наук Зоя Барболова выразила надежду на успешное сотрудничество в рамках подписанного в июле 2014 года «Рамочного соглашения» между академическими Институтами Болгарии и Азербайджана. Зоя Барболова сообщила, что в 1953-1954 годах проф. Мамедага Ширалиев заведовал кафедрой турецкой филологии Софийского университета им. Св. Климента Охридского, выпускницей факультета турецкой филологии которого она является.

На церемонии открытия симпозиума состоялось вручение премии им. М.Ширалиева за вклад в развитие азербайджанского языка и языкознания, проведение тюркологических исследований и особые заслуги в формировании молодых ученых одному иностранному и одному отечественному ученому. Ими стали проф. д-р Зейнеп Коркмаз (Турция) и академик Камал Абдуллаев (Азербайджан).

На пленарном заседании, посвященном научному творчеству Мамедаги Ширалиева, выступили проф. д-р Газанфар Пашаев (Азербайджан), д-р доц. Эльнара Алиева (Азербайджан), проф. д-р Мустафа Онер (Турция), проф. д-р Кямила Велиева (Азербайджан), проф. д-р Махаббат Мирзалиева (Азербайджан), проф. д-р Эрден Кажибек (Казахстан), проф. д-р Эртуграл Яман (Турция). Выступающие освещали этапы научной деятельности проф. М.Ширалиева и стратегическую роль Баку как центра тюркологической науки. Проф. д-р Махаббат Мирзалиева (Азербайджан) выступила с докладом «Роль академика М.Ширалиева в изучении турецких говоров Болгарии». Автор рассказала, что М.Ширалиев обошел все тюркоязычные поселения Балкан, собрал обширный диалектологический материал, который впоследствии был проанализирован в его монографии «Турецкая диалектология» и учебнике для вузов «Введение в филологию». Кроме того, собранный на Балканах материал был сопоставлен с данными азербайджанских диалектов в труде ученого «Основы азербайджанской диалектологии».

Специальное заседание симпозиума было посвящено научной и общественной деятельности Алибека Гусейнзаде и его соратников. С докладами на заседании выступили академик Тофик Гаджиев, проф. д-р Али Эрол, Саид Шимшек, д-р доц. Шекер Оруджева, д-р Айше Атай, д-р доц. Гутсия Гамбарова, диссертант Шебнем Гасанлы-Гарибова и др.

Работа симпозиума продолжилась и в семи секциях, которые проходили в Центре информационных ресурсов НАН Азербайджана, а также в Университете «Хезер». Представленные в секциях доклады охватывали следующие темы: исследования по современному азербайджанскому языку; литературный азербайджанский язык и его стили; вопросы компьютерной лингвистики, вопросы лексикографии; психолингвистика, этнолингвистика и когнитивная лингвистика; лингвокультурологические исследования; фонетика, грамматика, лексика тюркских языков; общий тюркский язык: алфавит, письмо, термины; история азербайджанского литературного языка; диалектологические атласы тюркских языков; изучение древних языков и культур; сравнительно-историческое и сравнительно-типологические исследования; языковые контакты.

В секции «Вопросы истории языка и диалектологии тюркских языков» проблему

связи языка и культуры на материале творчества Алишера Навои представила проф. д-р Зейнеп Коркмаз. Объектом исследования д-ра доц. В.Захидоглу стал эпос «Книга моего деда Коркуда». Д-р доц. Зоя Барболова представила на симпозиуме доклад «Имена демонов-свидетелей раннего тюркского и позднего османского влияния в болгарской народной культуре». На секции были заслушаны доклады по лексике, фразеологии, грамматике азербайджанского языка и его диалектов.

В работе секции «Вопросы исследования современного азербайджанского языка» преемственность поколений ученых была наглядно представлена участием молодого поколения ученых. Были заслушаны доклады д-р доц. Парваны Байрам, д-р доц. Байрама Гюндоглу, д-р доц. Айтен Бейляровой, д-р Агиля Джафарова, д-р Расима Гейдарова, докторантов Гюльнар Гасымлы, Эльхана Наджафов, Гюнель Пашаевой) и др. Доклады освещали такие проблемы, как место диалектизмов в произведениях Сулеймана Рагимова, взгляды Джалила Мамедгулузаде на вопросы языка и алфавита, проблема терминообразования в азербайджанском языке, родной язык, вопросы орфографии и др.

Секцию «Современные проблемы азербайджанского языкознания» представляли азербайджанские ученые. На ней обсуждались такие актуальные вопросы как языковая ситуация в Азербайджане (д-р Джахид Казымов), мониторинг печатных и электронных СМИ (д-р доц. Севиндж Мамедова), соблюдение нормативных документов, регулирующих функционирование азербайджанского языка на интернет-рынке вакансий Азербайджана (д-р доц. Солмаз Сулейманова), язык телевидения (д-р доц. Тарана Шюкюрли) и др.

Представители Турции, Азербайджана, Узбекистана, Украины приняли участие в работе секции «Вопросы общего и теоретического языкознания. В докладах д-р доц. Этибар Инандж, д-р доц. Саодат Баймирзаевой, д-р доц. Назакет Газиевой, д-р доц. Гюльмиры Куруоглу, д-р доц. Махаббат Асадовой, проф. д-р Мехмана Мусаоглу, докторантов Зульфийи Мусави, Зульфийи Гулиевой, Ольги Максименко, Курмаз Ибрагим и др. обсуждались вопросы функциональной грамматики азербайджанского языка, причин вариативности, возрождения диалектов, сравнительного анализа лексико-семантического поля «ласкательности» в отдельных тюркских языках, аспектов исследования слов-цветообозначений, паремических конструкций и т.п.

Ученые-тюркологи из Азербайджана, Турции, Казахстана обсуждали проблемы тюркских языков в секции «Тюркские языки: проблемы, поиски». Предметом их исследований стали ранние тюркские деривационные флексии (д-р доц. Айтен Гаджиева), древние тюркские надписи на монетах Центральной Азии раннего средневековья (Гайбуллах Бабаяр), «Дивану Лугат-ит-тюрк» (проф. д-р Рустам Рустамов), дифференциация тюркских языков (д-р. Руслан Абдуллаев), асемантические корни в тюркских языках (д-р доц. Баба Магеррамли), синонимические двойки как результат заимствований (проф. д-р Шериф Бозкаплан), топонимы в языке памятников Орхоно-енисейской письменности (Дильбар Джамали), лексика произведений Назыма Хикмета (Туран Гусейнова), кам-шаманское мировоззрение в турецкой ашугской литературе (Фатих Чевик) и др.

Актуальная для тюркского мира тема была заявлена и в названии секции «Общий тюркский язык: алфавит, письмо, термин». Известно, что эта проблема актуальна в области тюркологии и является следствием движения за восстановление рунического, уйгурского, латинского и других алфавитов, использовавшихся тюрками на протяжении своей многовековой истории. В целях унификации и по инициативе Турции в ноябре 1991 года в Стамбуле был проведён международный научный симпозиум по выработке унифицированного алфавита для тюркских языков. Он был основан на турецком алфавите с добавлением некоторых недостающих букв. В работе секции по данной проблематике приняли участие проф. д-р Шюкрю Халук Акалын, проф. д-р Эрдоган Уйгур, проф. д-р Вахит Тюрк, проф. д-р Неджати Демир, д-р доц. Гатиба Махмудова, д-р доц. Дирек Атаизы, Гусейн Озкан, Расим Озурек и Фарзанех Доулатабади и др.

География последней секции «Языковые контакты» была обширна: 5 стран – 6 участников. Англию представляла проф. д-р Элизабет Рагагнин, Польшу – д-р Камила Станек, Азербайджан – Афсана Гулиева, Албанию – д-р Хемиле Абдиу и д-р Спартак Кадиу, Турцию – д-р Эльза Демирдаг. Темы научных сообщений затрагивали проблемы сопоставительного изучения турецких и азербайджанских предложений, турецких и азербайджанских экономических терминов, проблем составления турецко-албанских словарей, языка и культуры азербайджанцев, проживающих в Иране, тюркских языков Монголии.

Все докладчики получили «Сертификаты участника» I Международного симпозиума «Предшественники и последователи».

В рамках симпозиума была предусмотрена большая культурная программа. Гости и участники симпозиума посетили Институт языкознания им. Насими НАН Азербайджана, ознакомились с отделами и сотрудниками Института. В Азербайджанском государственном академическом театре оперы и балета участники симпозиума посмотрели оперу «Лейли и Меджнун». Для гостей столицы была организована пешая экскурсия по достопримечательностям города и автобусная – по вечернему Баку. От имени Института языкознания им. Насими был дан званый ужин в честь закрытия симпозиума.

На церемонии закрытия I Международного симпозиума «Предшественники и последователи» в Центре информационных ресурсов НАН Азербайджана, состоявшейся 24 октября 2014 года, был освещен ход и подведены итоги работы симпозиума, показавшие, что в Азербайджане сохранились традиции тюркологии, а его столица Баку продолжает оставаться центром тюркологической науки. Именно здесь в 1926 году состоялся Первый всесоюзный тюркологический съезд. Здесь же спустя 90 лет, в 2016 году, планируется проведение Второго тюркологического съезда. Было также решено сделать симпозиум традиционным и проводить его раз в два года.

На заключительном заседании симпозиума было принято «Обращение участников I Международного симпозиума «Предшественники и последователи» к Президенту Азербайджанской Республики Ильхаму Алиеву. В «Обращении» говорилось о приоритетах и заботе азербайджанского государства о национальном языке в условиях глобализирующегося мира, о преемственности поколений тюркологов, о расширении международного научного сотрудничества, об идее Президента по «превращению экономического потенциала в интеллектуальный потенциал». Участники симпозиума выразили надежду на поддержку Президента идеи проведения в Баку в 2016 году Второго тюркологического съезда, посвященного 90-летию Первого Всесоюзного съезда тюркологов.

В «Обращении» было выражено пожелание здоровья и успехов в проведении государственной политики в области поддержки науки и культуры и обеспечении роста благосостояния народа Азербайджана.

Церемония закрытия симпозиума завершилась под звуки национального гимна Азербайджанской Республики.
